

Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер
Академиясынын Б. Жамгерчинов атындагы Тарых,
Археология жана этнология институту

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ № 3

Илимий журнал

Бишкек-2023

ISBN 1694-8637

**ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ**

Негиздөөчү: Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын Б.Жамгерчинов атындагы тарых, археология жана этнология Институту
Учредитель: Институт истории, археологии и этнологии имени Б.Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики

РЕДАКЦИЈАЛЫК КОЛЛЕГИЯ (РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ)

Асанканов А.А. – академик НАН КР, д-р истор. наук, проф., директор Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР (башкы редактор)
Абдрахманов Т.А. – д-р истор. наук, проф., ректор КГУ им. Ж.Баласагына
Акрамов Зикрие И. (Таджикистан) – д-р истор. наук, проф. истфака ТГНУ
Аманбаева Б.Э. – канд. истор. наук, вед. науч. сотр., руковод. Центра исследований культурного наследия КР ИИАиЭ НАН КР
Бутанаев В.Я. (Россия) – д-р истор. наук, проф. Хакасского государственного ун-та
Жолдошов Р. – канд. истор. наук, и.о. зав. отделом истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX в.
Койчуманова Ч.У. – чл-корр. НАН КР, проф., зав. международным отделом НАН КР
Кубатова А. – канд. истор. наук, и.о. зав. отделом истории Кыргызстана XX–XXI вв.
Мирзаханов В.С. (Россия) – д-р истор. наук, проф., директор Саратовского межрегионального ин-та общественных наук
Мокеев А. – д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой КТУ «Манас»
Плоских В.М. – академик НАН КР, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой КРСУ
Ташбаева К.И. – канд. истор. наук, зав. отделом археологии ИИАиЭ НАН КР
Чороев /Чоротегин/ Т. – д-р истор. наук, проф. кафедры регионоведения и кыргызоведения КНУ им. Ж.Баласагына (башкы редактордун орунбасары)

ЖООПТУУ КАТЧЫ:

Закиров М.А. – ответств. секретарь, канд. истор. наук, ст. науч. сотр. ИИАиЭ НАН КР
Скрипкина С.М. – редактор, науч. сотр. ИИАиЭ НАН КР

Жарыяланган материалдар КР УИА Тарых, археология жана этнология институтунун, ошондой эле журналдын редакциясынын көз карашын чагылдырбайт. Журнал илим, маданият, билим берүү тармактарында эмгектенген кызматкерлерге жана университеттердин гуманитардык багытбоюнча билим алып жатышкан студенттерине жана аспиранттарына арналат. Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения Института истории, археологии и этнологии НАН КР, а также редакции журнала. Журнал рассчитан на работников науки, культуры, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

Журнал основан 16.01.2006. Выходит 4 раза в год	Журнал перерегистрирован в МЮ КР 27.06.2019 г. Свидетельство № 1141	720071, Бишкек, пр. Чуй, 265-а, ИИАЭ НАН КР, к. 303, 304. E-mail: history.naskr.kg@mail.ru
---	---	--

М А З М У Н У

КЫРГЫЗСТАН XX–XXI кк.

<i>Анарбаева Г.А.</i> Кыргызстандагы парламенттин жана парламентаризмдин эволюциясы.....	5–14
<i>Досбол Нур уулу.</i> 2005-жылдагы Март революциясынын Кыргызстан тарыхындагы Орду.....	14–23
<i>Маджун Дж.С.</i> Орто Азиянын дунгандарынын турмушунда исламдын консолидациялык ролу.....	23–32
<i>Ормоналиев К.О.</i> Борбордук Азиядагы чек ара-аймактык келишпестиктер XX к. 20–30-жж. улуттук-территориялык жиктешүүнүн натыйжасы катары.....	33–45
<i>Скрипкина С.М.</i> Кыргызстандагы элдик билим берүүнүн ретроспективдүү тарыхы.....	45–63
<i>Старусева Т.И.</i> Интернационалдык жана патриоттук тарбиялоо 1961–1985-жылдарда Кыргызстандын калкы.....	63–72
<i>Чыныкеева Г.Э., Заидов А.М.</i> Турдакун Усубалиев – мамлекеттик ишмер жана өрнөктүү инсан катары.....	72–77

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Ведутова Л.М.</i> Интерпретация Буран гидрониминин чыгарылышы арян концепциясынын нурунда.....	78–112
<i>Сулайманова А.Т.</i> Умайдын образы тууралуу археологиялык булактар.....	112–121

ЭТНОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНИКАЛЫК МАСЕЛЕЛЕР

<i>Жапаров А.З., Эргешова Б.К.</i> Праздничные мероприятия сельских кыргызов в 60–70-х гг. XX в.....	122–129
--	---------

ДУНГАН ЖАНА КЫТАЙ ТААНУУ МАСЕЛЕЛЕРИ

<i>Джон А.А.</i> Дунган маданиятындагы түстүн символикасы.....	130–134
<i>Джумаза М.В.</i> «Дунган тилинин грамматикасы» Е.Д.Поливанова жана Ю.Я. Яншансина (1935–1936) дунган окуучулары үчүн мектеп окуу китебинин алгачкы аракеттеринин бири катары.....	135–143
<i>Хаваз Ф.Н.</i> Тилдик байланыштар тил эволюциясынын фактору Катары (дунган тилинин мисалында).....	143–149

ХРОНИКА

Илимий кызматкер С.М. Скрипкинанын юбилейине	150–154
--	---------

ТИРКЕМЕ

Л.М. Ведутованын макалаларына тиешелүү сүрөттөр.....	155–156
Авторлорго эскертме.....	157
Макалаларды даярдоонун эрежелери.....	158–159

СОДЕРЖАНИЕ

КЫРГЫЗСТАН В XX–XXI вв.

<i>Анарбаева Г.А.</i> Эволюция парламента и парламентаризма в Кыргызстане.....	5–14
<i>Досбол Нур уулу.</i> Место мартовской революции 2005 года в истории Кыргызстана.....	14–23
<i>Маджун Д.С.</i> Консолидирующая роль ислама в жизни дунган Центральной Азии	23–32
<i>Ормоналиев К.О.</i> Погранично-территориальные разногласия в постсоветской Центральной Азии как следствие национально-территориального размежевания 20–30 гг. XX в.....	33–45
<i>Скрипкина С.М.</i> Народное образование Кыргызстана в исторической ретроспективе.....	45–63
<i>Старусева Т.И.</i> Интернациональное и патриотическое воспитание населения Кыргызстана в 1961–1985 гг.....	63–72
<i>Чыныкеева Г.Э., Заидов А.М.</i> Турдакун Усубалиев – государственный деятель и выдающаяся личность.....	72–77

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Ведутова Л.М.</i> Интерпретация происхождения гидронима Бурана в ретроспективном свете арийской концепции.....	78–112
<i>Сулайманова А.Т.</i> Археологические источники об образе Умай	112–121

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

<i>Жапаров А.З., Эргешова Б.К.</i> Праздничные мероприятия сельских кыргызов в 60–70-х гг. XX в.....	122–129
--	---------

ВОПРОСЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ И КИТАИСТИКИ

<i>Джон А.А.</i> Символика цвета в культуре дунган	130–134
<i>Джумаза М.В.</i> «Грамматика дунганского языка» Е.Д. Поливанова и Ю.Я. Яншансина (1935–1936) как один из первых опытов школьного учебника для учащихся-дунган	135–143
<i>Хавазы Ф.Н.</i> Языковые контакты как фактор эволюции языка (на примере дунганского языка).....	143–149

ХРОНИКА

К юбилею научного сотрудника Скрипкиной С.М.....	150–154
--	---------

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунки к статье Л.М. Ведутовой	155–156
Сведения об авторах.....	157
Правила оформления статей.....	158–159

КЫРГЫЗСТАН В XX–XXI вв.

Анарбаева Г. А.

Эволюция парламента и парламентаризма в Кыргызстане

Ключевые слова: парламентаризм, Жогорку Кенеш, демократия, власть, выборы, конституция, авторитаризм, реформа, парламентско-президентская форма правления.

Аннотация. В данной статье рассматривается становление и развитие парламента и парламентаризма в Кыргызстане. Подчеркивается, что сегодня демократизация страны непосредственно связана с переходом республики к парламентско-президентской системе управления. Отмечается, что в настоящее время идет процесс дальнейшего совершенствования деятельности парламента в условиях модернизации и глобализации.

Кыргызстандагы парламенттин жана парламентаризмдин эволюциясы

Негизги сөздөр: парламентаризм, Жогорку Кенеш, демократия, бийлик, шайлоолор, конституция, авторитаризм, реформа, парламенттик-президенттик башкаруу формасы.

Аннотация. Бул макалада Кыргызстандагы парламенттин жана парламентаризмдин калыптануу процесси иликтенет. Азыркы учурда өлкөнү демократиялаштыруу жараяны башкаруунун парламенттик-президенттик системасына өтүү менен байланышкан. Азыркы учурда парламенттик система өзгөрүп, жаңыланып жаткандыгы баяндалат.

The evolution of parliament and parliamentarism in Kyrgyzstan

Key words: parliamentarism, Jogorku Kenesh, democracy, power, elections, constitution, authoritarianism, reform, parliamentary-presidential form of government.

Annotation. This article examines the formation and development of parliament and parliamentarism in Kyrgyzstan. It is emphasized that today the democratization of the country is directly related to the transition of the republic to a parliamentary-presidential system of government. It is noted that at present there is a process of further improvement of the parliament's activities in the context of modernization and globalization.

Истоки современной парламентской демократии в Кыргызстане берут начало от народных курултаев, существовавших еще до советской эпохи. Всенародные курултаи были высшими институтами власти, играли большую роль в политической жизни кыргызского народа и, принимая судьбоносные решения, определяли будущее кыргызской государственности в переломные исторические периоды.

В советский период выборы депутатов в Верховный Совет носили формальный характер, и в Кыргызстане, как и других союзных республиках,

не было парламентаризма, хотя надо отметить, что отдельные его элементы были закреплены в советских конституциях.

Начало процессам парламентаризации в государственно-правовом развитии Кыргызстана впервые было заложено общесоюзной конституционной реформой 1988 г., когда были приняты законы об изменениях и дополнениях в Конституцию СССР, о выборах народных депутатов СССР.

В соответствии с ними Верховный Совет СССР был определен как постоянно действующий законодательный и контрольный орган государственной власти; закреплялось положение о несовместимости депутатского мандата и должности в исполнительных органах, отраслевых органах управления, судах; впервые провозглашалась приверженность идеям и принципам правового государства, и в этих целях была дана установка на такие важные меры, как учреждение Комитета конституционного надзора.

На основе этих союзных актов Верховный Совет Киргизской ССР 23 сентября 1989 г. принял соответственно законы «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Киргизской ССР», «О выборах народных депутатов Киргизской ССР», «О выборах народных депутатов местных Советов Киргизской ССР». Согласно положениям этих законов, Верховный Совет стал постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти Киргизской ССР.

Верховный Совет Киргизской ССР двенадцатого созыва работал с апреля 1990 г. по сентябрь 1994 г. Его заседания проводились не менее двух раз в год на сессионной основе. В межсессионный период его функции исполнял Президиум Верховного Совета. Парламент состоял из 350 депутатов, избранных прямым голосованием.

После провозглашения суверенитета Кыргызской Республики 31 августа 1991 г. начался процесс трансформации политических институтов. В мае 1993 г., после принятия новой Конституции КР, законодательный орган государства – Верховный Совет Киргизской ССР, т.е. парламент, стал называться Жогорку Кенеш. Хотя срок его работы был коротким, в народной памяти он остался как «легендарный парламент», заложивший идеи парламентаризма в республике.

В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики важнейшим предназначением законодательной власти является формирование такой

правовой системы государства, которая соответствует требованиям демократического государственно-правового режима.

Первые годы независимости были самыми трудными в становлении нового института: шли бесконечные эксперименты, проводились все новые референдумы по изменению Конституции, определению роли и места Жогорку Кенеша.

Парламентом двенадцатого созыва были приняты Декларация о суверенитете (1990), Декларация о независимости (1991), избран первый Президент суверенного Кыргызстана (1991), принята первая Конституция суверенной Кыргызской Республики (1993), утверждены государственные атрибуты: Флаг (3.03.1992), Герб (14.01.1994), Гимн (18.12.1992), введена национальная валюта – сом (05.1993) [10: 101–104].

Трения и разногласия, возникшие между ветвями государственной власти, привели к срыву работы Жогорку Кенеша двенадцатого созыва. Очередная сессия Жогорку Кенеша, запланированная на 13 сентября 1994 г., не состоялась из-за отсутствия кворума. Создавшаяся ситуация была расценена как парламентский кризис, который завершился самороспуском парламента.

Стоит отметить, что кыргызский парламент в постсоветский период пережил семь конституционных трансформаций, касающихся его структуры и численности, количества комитетов, объема полномочий, места и роли в системе власти, порядка избрания. За этот короткий, по историческим меркам, срок парламент был и двухпалатным, и однопалатным, а избирательная система – мажоритарной, мажоритарно-пропорциональной, пропорциональной [1: 8].

Как известно, избирательная система – один из важнейших институтов, влияющих на процесс демократизации общества и структурирование электорального пространства. Она включает множество составных частей: предвыборная кампания (которая подразделяется на множество этапов и процедур), процесс голосования, подсчет и обнародование итогов выборов [5: 293–294].

Как показывает мировая практика, в различных государствах во время парламентских выборов используются разные избирательные системы. По нашему мнению, их нельзя противопоставлять друг другу. Любая система, используемая в том или ином государстве, исторически и политически обусловлена, она соответствует ожидаемым последствиям. Каждая из них

имеет преимущества и недостатки, но ни одна из существующих избирательных систем не является самой демократичной, эффективной и т.п.

Следовательно, каждое государство должно выбрать такую избирательную систему, которая будет целесообразной и эффективной именно в конкретных политических условиях данной страны, соответствовать форме правления и т.д.

В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики, принятой 5 мая 1993 года, в феврале 1995 года состоялись выборы в Жогорку Кенеш I созыва. В период с 1995 по 2000 гг. в Кыргызстане действовал двухпалатный парламент – Законодательное собрание и Собрание народных представителей, депутаты которых были избраны по мажоритарной системе в одномандатных округах.

Законодательное собрание, деятельность которого проводилась на постоянной и профессиональной основе, состояло из 35 депутатов. Собрание народных представителей, деятельность которого проводилась на сессионной основе, состояло из 70 депутатов. Депутаты обеих палат, избранные на равных избирательных условиях, имели равные права. Этим кыргызский двухпалатный парламент отличался от других парламентов мира.

Политическое развитие Кыргызстана после получения независимости было непосредственно связано с проблемой демократизации общества и системы государственного управления. Однако попытки первого президента Кыргызстана Аскара Акаева в начале 1990-х годов активно продвигать демократические ценности постепенно сменились стремлением консолидировать власть в своих руках путем ослабления роли и сокращения полномочий парламента, что привело к усилению авторитаризма в стране.

В период с 2000 по 2005 гг. работал Жогорку Кенеш II созыва. Он состоял из 105 депутатов, так как в ходе третьей конституционной реформы, в 1998 г., были внесены изменения в избирательную систему и вновь пересмотрен количественный состав палат кыргызского парламента. Теперь Законодательное собрание состояло из 60 депутатов, 15 из которых были избраны по партийным спискам, а Собрание народных представителей – из 45 депутатов.

В 2005 г., согласно конституционной реформе 2003 г., был избран однопалатный парламент III созыва, состоящий из 75 депутатов, избранных по мажоритарной системе (один округ – один мандат). При этом кандидаты в депутаты могли выдвигаться путем самовыдвижения или через партии.

После смены власти в марте 2005 г. новый лидер Курманбек Бакиев также провозгласил своей основной целью развитие демократии и либерализма в Кыргызстане. Но после избрания президентом в июне того же года он для стабилизации политической обстановки обратился к уже испытанным методам усиления президентской власти и использования авторитарных методов правления.

Конституционная реформа 2006 г. установила численность парламента из 90 депутатов. В октябре 2007 г. из-за политического противостояния двух ветвей власти Жогорку Кенеш III созыва был досрочно распущен Президентом Кыргызской Республики.

По итогам выборов, прошедших 16 декабря 2007 г., приступил к своим полномочиям Жогорку Кенеш IV созыва, впервые в истории страны избранный по партийным спискам. В нем были представлены три политические партии (Ак-Жол, СДПК и КПК). Однако в результате апрельских событий 2010 г. Жогорку Кенеш IV созыва прекратил свою деятельность.

В апрельских событиях 2010 г. отразилось огромное недовольство общества авторитарными методами управления государством и готовность народных масс противостоять произволу властей. Эти события поставили под сомнение целесообразность сохранения президентской формы правления: в условиях традиционных ценностей и установившейся политической культуры в Кыргызстане она неизбежно приводит к узурпации власти.

Деятельность предыдущих руководителей страны показала, что президентская система правления в условиях Кыргызстана дискредитировала себя. Личные качества первых лидеров, их семейные кланы и политическое окружение не позволили наладить в государстве эффективное управление, способное решить социально-экономические и политические проблемы, утвердить демократические принципы, и в итоге привели к монополизации власти и разгулу коррупции. Поэтому пришедшее к власти новое правительство поставило своей основной целью утверждение парламентской формы правления и демократизацию политической системы.

Общеизвестно, что разделение властей является одним из главных принципов построения и функционирования демократического и правового государства. Суть данного принципа заключается в функциональном разделении полномочий по управлению государством на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Данный принцип направлен на предотвращение возвышения одной из ветвей государственной власти, глав-

ным образом исполнительной, над другими, и тем самым на предупреждение установления авторитаризма в стране. Принцип призван обеспечить равновесие между ветвями власти через систему «сдержек и противовесов».

В рамках принципа «разделения государственной власти», предусмотренного в пункте 2 статьи 3, новая Конституция КР, принятая в июне 2010 г., распределив полномочия президента, правительства и Жогорку Кенеша, построила свою собственную систему «сдержек и противовесов», в целом обеспечивающую сбалансированность ветвей власти. Она предусматривала создание парламентской системы управления с ограниченными полномочиями президента [4: 5].

Фактически была установлена смешанная парламентско-президентская республика, поскольку за главой государства, кроме церемониальных, закреплялся и ряд знаковых полномочий. В частности, назначение по согласованию с парламентом генпрокурора и его заместителей, руководителей силовых органов и их заместителей; внесение кандидатур одной трети состава ЦИК, председателя Нацбанка, Счетной палаты на утверждение Жогорку Кенешем (ЖК), назначение председателя палаты, его заместителей и членов правления. Кроме того, президент подписывает и обнародует законы, возвращает их с возражениями в ЖК; является главнокомандующим вооруженными силами, возглавляет совет обороны, определяет, назначает и освобождает высший командный состав внутренних сил страны. За ним резервируется право объявления войны, военного положения и всеобщей мобилизации, а его указы и распоряжения обязательны для исполнения на всей территории республики.

Новая Конституция Кыргызстана закрепила парламентско-президентскую форму правления, которая не в состоянии преодолеть феномена двойной легитимности – парламента и всенародно избираемого президента, прерогативы которого по роспуску Жогорку Кенеша, контролю над силовым блоком, введению чрезвычайного положения и применению указного права дают ему перевес над парламентом в критических ситуациях.

В целом эти изменения не столь принципиальны, поскольку ограничиваются перераспределением власти между президентом и парламентом в пользу последнего (формирование ответственного правительства), но в целом не выходят за рамки смешанной формы правления [3: 86].

Переход Кыргызстана к парламентско-президентской форме правления имеет свои закономерности. Два однотипных президентских авторитар-

ных режима прошли полный цикл становления, разложения и падения, прежде чем у демократической части политической элиты Кыргызстана сформировалась идея парламентской республики. Президентская республика два раза очень легко и быстро вырождалась в авторитарно-клановую систему, которая дважды свергалась народом. Значит, форма управления должна быть другой – соответствующей культурно-цивилизационным особенностям кыргызского этноса, составляющего большинство населения страны [8: 2].

10 октября 2010 г. состоялись парламентские выборы на основе пропорциональной избирательной системы с 5% порогом. Жогорку Кенеш V созыва состоял из 120 депутатов от 5 политических партий – «Ата-Журт», СДПК, «Ар-Намыс», «Республика», «Ата-Мекен». Состав данного парламента был избран по новой Конституции 2010 г., которая заложила большие полномочия для парламента по законотворчеству, назначению и снятию правительства, и определению внутренней и внешней политики.

С этого периода начинается новый этап в развитии парламентаризма в Кыргызской Республике. В Жогорку Кенеше сформировалась коалиция парламентского большинства из четырех партий: СДПК, «Ата-Мекен», «Кыргызстан» и «Өнүгүү-Прогресс», которая получила название «За стабильность, доверие и новые возможности в Жогорку Кенеше КР». Впервые в истории парламента Кыргызстана в Жогорку Кенеше был создан блок оппозиции, куда вошли партийные фракции «Ата-Мекен» и «Ар-Намыс». Оппозиционность является закономерностью развития парламентской культуры гражданского общества и его институтов.

Рассматривая развитие политического процесса в Кыргызстане в течение двадцатилетнего периода независимости и особенно после событий апреля 2010 г., можно прийти к выводу, что страна получила новый шанс построить демократическое государство. Демократизация страны сегодня непосредственно связана с реализацией полупарламентской формы правления, которая в определенной степени ограничивает возможность монополизации власти в руках одного человека или института власти. В этих условиях особую важность приобретает активное участие политических сил и гражданского общества в данном процессе [9: 5].

30 декабря 2011 г. состоялись общенародные президентские выборы, по результатам которых президентом Кыргызской Республики был избран А. Атамбаев. Их итогом стал новый расклад политических сил в парламенте.

Коалиционное соглашение подписали четыре фракции политических партий в Жогорку Кенеше. В правящую коалицию вошли фракции СДПК, «Республика», «Ата-Мекен» и «Ар-Намыс», у которых в совокупности набралось 92 мандата. Парламентскую оппозицию составила фракция партии «Ата-Журт».

Отсутствие опыта работы партийных фракций в парламенте и консенсусной парламентской культуры трижды приводило к распаду коалиции большинства в Жогорку Кенеше пятого созыва (30.09.2010, 11.12.2011, 3.09.2012). Распад парламентской коалиции автоматически ведет к отставке коалиционного правительства.

Предстоящие парламентские выборы 2015 г. вызвали оживление в оппозиционных кругах. 12 февраля 2014 г. в Бишкеке было создано объединенное Народное оппозиционное движение (НОД), в которое вошли партия «Улуттар Биримдиги» («Объединение наций»), «Народно-демократическая партия Кыргызстана» (НДПК) во главе с А. Медетбековым, О. Суваналиевым, К. Ташиевым, А. Бекназаровым и др. Лидером НОД был избран Р. Джеенбеков.

НОД поставило перед собой три основные цели: 1/ восстановление нынешней Конституции, поскольку президент ее полностью нарушил и захватил всю власть; 2/ укрепление парламентаризма; 3/ борьба с авторитаризацией власти.

Пропорциональная система, используемая на парламентских выборах, означала, что партиям для победы необходимо набрать не менее 7% голосов от общего количества проголосовавших и не менее 0,7% голосов от проголосовавших в каждой из семи областей, расширить географию партийных списков, активно вовлекая в свои ряды значимых представителей областных элит.

Парламентские выборы 2015 г. были первыми в истории КР, на которых использовалось современное технологическое оборудование для идентификации избирателей и обеспечения автоматического подсчета голосов избирателей. В выборах приняли участие 14 политических партий и только 6 из них смогли пройти избирательный порог: СДПК, Республика «Ата-Журт», «Кыргызстан», «Өнүгүү-Прогресс», «Бир Бол», «Ата-Мекен». По итогам выборов, прошедших 4 октября 2015 г., начал свою работу Жогорку Кенеш VI созыва.

Таким образом, становление и развитие Жогорку Кенеша, как государственного института власти, в постсоветский период происходило в непрерывной борьбе. До настоящего времени в его деятельности имеется множество проблем, которые вполне разрешимы. В первую очередь, это недостаток опыта во взаимодействиях между фракциями различного толка: парламентского большинства и оппозиции. Оставляют желать лучшего стратегическое планирование работы парламента, вопросы эффективной разработки законопроектов и процедуры их принятия. Не всегда дают желаемые результаты взаимодействия с правительством и гражданским обществом, и в связи с этим есть необходимость приобретения новых знаний и опыта стран с парламентским правлением. Вместе с тем, в ходе становления кыргызского парламентаризма накоплен ценный опыт работы, а также борьбы с авторитарными тенденциями в деятельности властей. Несомненно, в ходе деятельности прежних созывов Жогорку Кенеша накапливался уникальный опыт парламентской деятельности в условиях многопартийной системы.

В дальнейшем, в условиях демократического режима становления в Кыргызстане парламентаризма, необходимо совершенствовать баланс между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти в государственной системе Кыргызской Республики, так как именно парламент призван представлять народ в управлении государством, обеспечивать безопасность и пресекать любые попытки угрозы народовластию и национальной безопасности [2: 56].

На сегодняшний день определить баланс между достижениями и недостатками в развитии парламентаризма в КР нелегко. Вопреки негативным прогнозам аналитиков, сегодня в республике действует реальная многопартийная система, работает коалиционное правительство в условиях политической конкуренции, развивается конкурентная демократия, укрепляется партийное строительство, стали реальностью свобода слова и плюрализм мнений.

В настоящее время Жогорку Кенеш Кыргызской Республики находится на очередном этапе развития, идет процесс поиска его оптимальной модели, дальнейшего совершенствования его деятельности в условиях модернизации, трансформации и глобализации.

Литература:

1. *Аширов Ж.Т.* О некоторых проблемах парламентаризма в Кыргызской Республике // Режим доступа: [cyberleninka.ru > article > o-nekotoryh-problemah-par](http://cyberleninka.ru/article/o-nekotoryh-problemah-par) – Загл. с экрана.

2. *Бекназаров А.А.* Жогорку Кенеш Кыргызской Республики – основной институт народовластия по новой Конституции Кыргызской Республики // Право и политика. Бишкек, 2011. № 1, 2.
3. *Галиева З.И.* Современный Кыргызстан: власть, политические партии и общество.
4. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом 27 июня 2010 г., введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 г.). Режим доступа: URL: <http://kenesh.kg/ru/article/show/31/konstitutsiya-kirgizskoy-respubliki> – Загл. с экрана.
5. *Кравченко А.И.* Политология. М., 2009.
6. *Омаров Н.* Риски парламентаризма в Кыргызстане // Кыргызстан: Аналитика. 2010. № 8.
7. *Торогельдиева Б.М.* Модернизация политической культуры в Кыргызской Республике. Бишкек, 2014.
8. *Торогельдиева Б.М.* Становление парламентаризма в Кыргызстане: реалии и противоречия // Режим доступа: [cyberleninka.ru > article > stanovlenie-parlamentarizma](http://cyberleninka.ru/article/view/stanovlenie-parlamentarizma) – Загл. с экрана.
9. *Чотаев З.* Политическое развитие Кыргызстана после событий 2010 года: перспективы парламентской формы правления.
10. *Чотонов У.* Кыргызстан по пути суверенитета. Бишкек, 2007.

Досбол Нур уулу

2005-ЖЫЛДАГЫ МАРТ РЕВОЛЮЦИЯСЫНЫН КЫРГЫЗСТАН ТАРЫХЫНДАГЫ ОРДУ

Негизги сөздөр: революция, саясат, парламент, оппозиция, бийлик, демократия, авторитардык режим, саясий партиялар, экономика, стагнация, кризис, эл массасы.

Аннотация. Макалада Кыргызстандагы 2005-жылдагы март ыңкылабынын өбөлгөлөрү, себептери жана натыйжалары талдоого алынат. Автор даректүү материалдардын негизинде, ошондой эле мемуардык адабияттарды колдонуу менен өлкөдөгү авторитардык режимдин маңызын ырааттуу түрдө ачып берген. Алгач эмгекте революциянын теориясына, ар кандай окууларына жана формаларына көңүл бурулуп, дүйнөнүн ар кайсы аймактарында революциянын ишке ашырылышы жана алардын Кыргызстандагы параллелдери конкреттүү мисалдар менен көрсөтүлөт. Үй-бүлөлүк бийликтин орношу, экономикадагы стагнация, элдин жакырлануусу, шайлоолорду бурмалоо, оппозициячыл күчтөрдү куугунтуктоо, массалык маалымат каражаттарына жасалган басым, жетекчиликтин ички жана тышкы саясаттагы кетирген кемчиликтери ж.б. изилдөөгө алынат.

Место мартовской революции 2005 года в истории Кыргызстана

Ключевые слова: революция, политика, парламент, оппозиция, власть, демократия, авторитарный режим, политические партии, экономика, стагнация, кризис, народные массы.

Аннотация. В статье анализируются предпосылки, причины и последствия мартовской революции 2005 года в Кыргызстане. Автор последовательно раскрывает сущность авторитарного режима в стране на основе документальных материалов, а также литературы мемуарного характера. В начале работы основное внимание уде-

ляется теориям, различным учениям, касающихся революции, осуществлению революции в разных частях мира и их параллелям в Кыргызстане с конкретными примерами. Рассматриваются причины революционного кризиса. Исследуется установление семейной власти в стране, экономический застой, обнищание населения, фальсификация выборов, преследование оппозиционных сил, давление на СМИ, недальновидная политика руководства во внутренней и внешней политике и т.д.

The place of the March 2005 revolution in the history of Kyrgyzstan

Key words: revolution, politics, parliament, opposition, power, democracy, authoritarian regime, political parties, economy, stagnation, crisis, masses.

Annotation. The article analyzes the background, causes and consequences of the March 2005 revolution in Kyrgyzstan. The author consistently reveals the essence of the authoritarian regime in the country on the basis of documentary materials, as well as memoir literature. At the beginning of the work, the focus is on theories, various teachings regarding the revolution, the implementation of the revolution in different parts of the world and their parallels in Kyrgyzstan with specific examples. The causes of the revolutionary crisis are considered. The establishment of family power in the country, economic stagnation, impoverishment of the population, election fraud, persecution of opposition forces, pressure on the media, the short-sighted policy of the leadership in domestic and foreign policy, etc. are being studied.

Революция (латын тилинен *revolutio* – бурулуш, төңкөрүш, өзгөрүү, конверсия) – түп-тамырынан бери, терең, сапаттык өзгөрүү, жаратылыштын өзгөрүүсүн-дөгү, коомдун же таанып билүүнүн өнүгүүсүндөгү кескин секирик, мурдагы абалынан тануу. Эволюциядан (мында өнүгүү акырындык менен ишке ашат) жана *реформадан* (анын жүрүшүндө коомдук системанын пайдубалына таасирин тийгизбестен, кандайдыр бир бөлүгүнө өзгөртүү киргизилет) айырмаланып *революция* өнүгүүдөгү сапаттуу секирик.

Бул термин алгачкы жолу илимий тилге Николай Коперниктин «*De revolutionibus orbium coelestium*» (О вращениях небесных сфер. 1543) китебинен киргизилген [2].

Революциялар табияты боюнча айырмаланат (географиялык), коомдун өнүгүүсүндө (анын ичинде *экономикалык* – неолитикалык революция, өнөр жай революциясы, маданият революциясы, демографиялык революция, «талаптардын өсүүсүндөгү революция» жана *саясий* – социалдык революция, саясий революция), *илимде* («илимий революция» – физикада, биологияда, медицинада, философияда, космологияда жана техникада). Ошондой эле термин «илимий-техникалык революция» деп да колдонулат. Негизи революция (эволюция да) бардык сфераларда колдонулуусу мүмкүн.

Тарых жана саясат таануу илиминде революция социалдык жана саясий болуп экиге бөлүнөт:

- *Социалдык революция* бир социалдык-экономикалык системанын экинчиси менен алмашуусуна алып келет;
- *Саясий революция* – бир саясий режимди экинчиси менен алмаштыруу.

Мындан тышкары марксизм окуусу буржуазиялык, социалисттик жана улуттук-боштондук революцияларга бөлүнүүсүн киргизген. *Буржуазиялык революцияларга*, мисалы, 16-кылымдагы Голландия революциясы, 17-кылымдагы Англия революциясы, Улуу Француз революциясы, 1848–1849-жылдардагы Европадагы революциялар (Германия, Австрия, Италия, Венгрия ж. б. революциялар).

Социалисттик революция капитализмден социализмге өтүүгө алып келет. 1917-жылдагы Россиядагы Октябрь революциясы, 1949-жылдагы Кытайдагы, 1959-жылдагы Кубадагы революциялар социалисттик болуп эсептелет.

Улуттук-боштондук революциянын жүрүшүндө айрым колониялык өлкөлөр, жарым колониялык же башка чет элдик (улуттук) көз карандылыктан кутулуу үчүн болгон революциялар. 1896–1898-жылдардагы Филиппин революциясы, 1945-жылдагы Вьетнамдагы август революциясы, 1952-жылдагы Египеттеги июль революциясы, 1958-жылдагы Ирак революциясы, Алжир революциясы мисал болот.

Революциялар максаты жана масштабы, тарыхый мааниси жагынан *классикалык жана классикалык эмес* болуп бөлүнүшөт. *Классикалык революцияларга* мисал катары, XVI кылымдагы Англиялык буржуазиялык, XVII кылымдагы Улуу Француз, XIX кылымдагы Италия сыяктуу батыш европалык, 1917-жылдагы Россиядагы Февраль, Улуу Октябрь жана Түркиядагы буржуазиялык революцияларды атоого болот. Классикалык революциялар койгон максаты жана маңызы жагынан буржуазиялык, буржуазиялык-демократиялык, социалисттик жана башка болуп бөлүнүшү мүмкүн.

Ал эми *классикалык эмес революцияларга*:

- а) ишке ашпай калган революциялар;
- б) түп-тамырынан бери өзгөртүүгө алып барбаган, коомдук түзүлүштүн белгилүү бир чөйрөсүн гана алмаштырган, салыштырмалуу тынчтык жол менен өткөн революциялар кирет.

Экинчи топтогу революцияларды азыркы саясат таануу илиминде «*жибек революциялары*» деп аташат. Мындан тышкары «*түстүү*

революция» деген ат менен белгилүү болгон революциялар тарыхтан кеңири орун алды. *«Роза революциясы»* аталган ат менен 2003-жылы Грузияда, *«Саргыч революция»* деген аталыш менен 2004-жылы Украинада болгон элдик толкундоолордун натыйжасында бул эки мамлекетте президенттик шайлоолордун жыйынтыгы жокко чыгарылган.

2005-жылы 24-мартта *«Жоогазын революциясы»* деген ат менен Кыргызстанда революция жеңип чыгып, президент А. Акаев үй-бүлөсү менен Москва шаарына баш калкалап кетүүгө аргасыз болгон.

Эгемен Кыргызстан 30 жылдык кыска тарыхында үч революцияны: 2005-ж. Март революциясы, 2010-ж. Апрель революциясы жана 2020-ж. Октябрь революциясын баштан кечирди. «Бечелден жөтөл кетпейт» сыңары, жаңыдан телчигип, бутуна тура албай жаткан биздин жаш өлкөбүз үчүн бул революциялардын пайдасынан зыяны көбүрөөк болду. Тынымсыз так талашуудан чыккан олку-солкулуктун айынан Кыргызстанда коомдук-саясий түзүлүш аныкталбай, социалдык-экономикалык абалдын оордошуусу мамлекеттин бардык структураларында уюшулган коррупцияга кеңири жол ачты.

Коррупциялашкан мамлекетте калктын турмуш деңгээли төмөнкү чекке жетип, башкаруу бийлигине болгон нааразычыктар күчөп, борбордук аянттарга экономикалык талаптар менен митингдерге жана демонстрацияга чыгуулардын саны көбөйгөн. Калктын социалдык-экономикалык талаптар менен чыккан нааразычылык жүрүштөрүн оппозиция жетекчиликке алып, өз кызыкчылыктарына ийкемдүү пайдалануу максатында башкаруу бийлигине каршы экономикалык эле эмес, саясий талаптарды коюу менен элдик жүрүштөрдүн сандык жана сапаттык жагын күчөтүшкөн. Өлкөдө стабилдүүлүктүн деңгээли кескин төмөндөгөн. Бюрократиялык башкаруу бийлиги элдик нааразычылык акцияларын укук коргоо органдарынын күчү менен басууга аракет жасаган. Оппозициянын жана элдик жүрүштөрдүн жетекчилерине карата ар кандай мыйзамсыз жолдор менен сот жообуна тартууга аракеттер болгон. Натыйжада башкаруу бийлигинин өзү өлкөдө революциялык кырдаалдын курчушуна шарт түзгөн.

Акаевдик башкаруу мезгилинде Кыргызстан КМШдагы эң жакыр өлкөлөрдүн бири болгон. Официалдуу маалыматтар боюнча калктын 50%ы жакырчылыктын чегинде, бирок иш жүзүндө бул цифра алда канча жогору. Өлкөдөгү жумушсуздук 77%ды түзүп, астрономиялык көрсөткүчкө жеткен.

Жумушсуз жаштар Россияга, Казакстанга жана башка чет өлкөлөргө иштөө үчүн мигрант болуп кетүүгө аргасыз болушкан.

Өлкөдөгү жумушсуздук менен жакырчылык акаевдик үй-бүлөлүк башкарууга каршы калктын нааразычылыгын күчөткөн. Март революциясына чейин эле үй-бүлөлүк бийликке каршы оппозициялык күчтөрдүн биригүүсүнө бийлик өзү ыңгайлуу шарттарды түзгөн. 1993-жана 2003-жылдардагы «Кум-Төр» боюнча коррупциялык келишим, 2002-жылдагы «Үзөгү-Кууш» маселеси жана ага улай Аксыдагы «Бозпиек» трагедиясы, мына быйыл кандуу окуяга жыйырма жыл толду. Кара-Кулжа менен өзгөндүктөрдүн Бишкекке нааразычылык жөө жүрүшү, 2004-жылы Акаевдин президенттик мөөнөтүн 2010-жылга чейин узартууга болгон аракети жана, албетте, 2005-жылдагы Жогорку Кеңешке депутаттарды шайлоо процессиндеги мыйзамсыздыктар март революциясына алып келген.

2004-жылдын күз айларында оппозициялык маанайдагы партиялар: «Жаңы Кыргызстан», «Асаба», «Кайран Эл», «Кыргызстан демократиялык кыймылы», «Эркин Кыргызстан», «Эркиндик», Коммунисттер партиясы жана өкмөттүк эмес уюмдар, эркин ММКнын жетекчилери, «Эл бийлиги үчүн» же «Акаевге отставка, эл үчүн реформа» кыймылдары биригип, «Кыргызстан Элдик Кыймылын» (КЭК) түзүү чечими кабыл алынган.

2004-жылы ноябрда «КЭЖтин» жыйыны болуп, ага аталган партиялардын, кыймылдардын, ММКнын өкүлдөрүнөн башка М.Ашыркулов, М.Шеримкулов жана башка көрүнүктүү саясий ишмерлер катышкан. Жыйында «КЭЖтин» жетекчилигине К.Бакиев шайланып, 2005-жылдагы президенттик шайлоого катышары чечилген.

Акаевдин экс-өкмөт башчысы Бакиевдин өлкөдөгү эң радикалдуу оппозициялык кыймылдын төрагалыгына шайлануусу, анын президенттик шайлоого катышуу чечими президент Акаевге жана анын айланасындагыларга катуу сокку болгон. Акаевдин командасы, үй-бүлөсү, Администрациясы, Танаев башында турган өкмөтү бардык күчтү Жогорку Кеңештин шайлоосуна буруп, «КЭЖтин» мүчөлөрүнүн бирин да депутаттыкка өткөрбөөнүн планын иштеп чыккан. Танаевдин жетекчилиги астында өкөрүлгөн «*Жирный крест*» деп аталган жыйындын стенограммасы ошол, 2004-жылдын 1-декабрында көз карандысыз ММКга жарыяланып кеткени Ак-үйдү дагы будуң-чаңга түшүргөн.

«*Жирный крест*» деп аталган оппозициянын лидерлерине каршы жыйынды жыйынтыктап жатып Танаев: «...Еще раз прошу вас всех – чтобы

там ни было, ни одного слова из нашего сегодняшнего разговора не должно выйти за эти двери. Список, который мы рассматривали, оставьте на столе. Не записывайте в свои блокноты ни одну фамилию. Если даже вас во сне спросят о них, вы не должны назвать эти фамилии – Нур уулу Досбол, Балтабаев Ташполот, Абдимомунов Алишер, Артыков Анвар, Исаков Исмаил, Мадумаров Адахан, Чотонов Дуйшенбек, Жээнбеков Жусупжан, Текебаев Омурбек, Садырбаев Дооронбек, Сыдыков Усен, Бекназаров Азимбек, Бакиев Курманбек, Казаков Тугельбай, Шеримкулов Медеткан, Шерниязов Болотбек, Султанов Алымбай, Отунбаева Роза, Проненко Алевтина, Жекшеев Жыпар, Кадырбеков Ишенбай.

Каждый из вас должен держать в голове эти фамилии и знать, что надо делать против них. На этот список я ставлю *жирный крест...*

Зря, что ли, за огромные деньги мы пригласили из Москвы наших друзей, технологов-пиарщиков...

Мы покажем народу, как надо отстаивать власть. Вам советую сделать то же самое во время выборов. А теперь, после перерыва, рассмотрим тех, кого нам надо пропускать вместо них. Сейчас перерыв на 15 минут...» – деп айткан [3: 465].

2005-жылы күзүндө өтүлүүчү президенттик шайлоону Акаев өз пайдасына ызы-чуусуз, тынч өткөрүү максатында 75 шайлоо округунун ар бирине бийликти колдой турган экиден кем эмес ишенимдүү талапкерлер тандалган. Алар Ак-үйдүн жетинчи кабатында, шайлоо штабынын жетекчилеринин элегинен өтүшкөн соң, жеке милдеттемеге кол тамгаларын калтырышып, шайлоого аттанышкан. Административдик ресурстар толук колдонуларын баса белгиленген. Талапкерлерге шайлоо округундагы мамлекеттик кызматкерлер менен тыгыз иштөөсү да эскертилген.

Жогорку Кеңешке депутаттарды шайлоо эки тур менен 2005-жылдын 27-февралында жана 13-мартында өткөн. Шайлоонун биринчи туру өткөн күндүн эртеси Борбордук шайлоо комиссиясы (БШК) 75 шайлоо округунун ичинен 32 талапкер, анын ичинде Кыргызстандын президентинин уулу Айдар Акаев 80%га [4] жакын добуш алуу менен биринчи турда жеңип чыгышканын жарыялаган. Президенттин тун кызы Бермет Акаева 2-турда Бишкектин университеттик округунда шайлоочулардын 50%дан ашуун добушуна ээ болуп, атаандашы, оппозициячыл журналист Болотбек Мариповдон озуп, депутаттык мандатка ээ болгону белгиленген [1].

Парламентке оппозициянын бир катар өкүлдөрү: Роза Отунбаева, Өмүрбек Текебаев, Дооронбек Садырбаев, Болотбек Шерниязов, Муратбек Мукашев, Исхак Масалиев, жана Азимбек Бекназаровдор өтүшкөн. Шайлоодогу негизги сенсация КЭЖтин лидери Курманбек Бакиев баш болгон оппозициялык маанайдагы көпчүлүк талапкерлердин жеңилиши болгон. Өткөрүлгөн парламенттик шайлоодо жеңишке жетишип, депутаттык мандатка ээ болушкандардын абсолюттук көпчүлүгү, 90%га чейин бийликчил жана бийликке каршы чыкпаган, лоялдуу депутаттардан түзүлгөн [1]. Жогорку Кеңеште оппозициянын өкүлдөрү жаңы парламенттин 10%га жетпегенин түзгөн. Бийликчил көпчүлүккө алар олуттуу каршылык көрсөтүшө алышпайт деп эсептешкен аналитик-серепчилер.

Шайлоонун биринчи эле турунда бийлик күчүн көрсөтүп, шумдуктуудай мыйзам бузуулар менен шайлоо өткөрүлүп жатканын көрүшкөн карапайым шайлоочулар жер-жерлерде стихиялык митингдерге өздөрүнүн талапкерлерин коргоп чыгышкан. 4-март күнү Жалал-Абадда шайлоого нааразы болгон шайлоочулар митингге чогуларын бийлик алдын ала сезгенби, эртең менен эрте жүздөгөн милиция кызматкерлери менен ОМОНдор облادминистрацияны коргоого алышкан.

Митинг 4-мартта, саат 10дон оогондо: «Акаев кетсин!», «Акыйкат шайлоо өткөрүлсүн!» деген ураандар менен башталып, нааразычылык акциясына чыгышкандардын саны тез эле миңден ашып, күч түзүмдөрүнүн каршылыгына карабай, түш оогондо обладминистрациянын имаратына кирип, губернатор баш болгон областтык кызматкерлерди кууп чыгышкан [5]. Ушул эле күнү кечке жуук митингчилердин саны 6–7 миңге жеткен. 4-март күнү Жалал-Абад областында Акаевдин бийлиги кулатылган. Миңдеген шайлоочуларды тартипке чакырып, уюштуруу иштерин жетектегендер, албетте, Бакиев, Сыдыков, Бекназаров жана Бакиевдин бир тууган инилери болушкан. Бул кабар республиканын булуң-бурчуна чагылгандай тез тараган. Ушул эле күнү Д. Садырбаевди колдошкон үч миңге жакын шайлоочулар Ноокенде Бишкен–Ош жолун тосуп салышкан. 6-мартта Өзгөндүн акимчилиги митингчилер тарабынан ээленген. Кыргызстандын түштүгү революциячыл окуялардын башкы аренагына айланган.

Шайлоонун биринчи турунан кийин өлкөнүн түндүк регионунун бир топ райондорунда шайлоочулар райадминистрациянын башчыларын кууп жиберешкен. Тондо, Кочкордо, Нарында, Таласта, Токмокто акаевдик бий-

лик официалдуу кулатылып, элдик акимдер шайланышпаса да, бийлик шал болуп, күчүн жоготкон.

Координациялык Кеңештин чечимине ылайык 15-мартта Жалал-Абаддын администрациясынын астында курултай өткөрүлгөн. Курултайга түндүк регионунан да оппозиция жетектеген жоон топ делегаттар катышкан. Ага 10 миңден ашуун эл катышып, элдик губернатор болуп Жусупжан Жээнбеков шайланган. 19-мартта Кыргызстандын экинчи борбору аталган Ошто акаевдик бийлик официалдуу кулатылып, А.Артыков элдик губернатор болуп шайланган. 23-мартта Баткен облатында акаевдик бийлик кулатылып, элдик губернаторлугуна Б.Имаров шайланган. Бишкектен спецназдардын келүүсүнө жолтоо болуусу үчүн түштүктүн аэропорттору оппозициячылар тарабынан жабылган. Ушундай эле максатта Бишкек – Ош трассасы да революционерлердин контролунда болгон. 14-мартта бийлик Таласта кулатылган. Укук коргоо органдарынын кызматкерлери кайдадыр житип, жок болушкан. Акаевдин бийлиги Кыргызстандын түштүгүндө жана Талас областында толугу менен кулатылып, революционерлердин колуна өткөн.

Оппозиция жетектеген митингчилердин мизин кайтаруу үчүн 23-числодо Акаев акыркы ирет чабуул жасоого аракет жасап, ИИМдин жана Генпрокуратуранын жетекчилерин ээлешкен кызматтарынан кетирип, өзү ишенген кишилерди дайындаган. Оппозициянын айрым активисттерин камакка алуу башталган. Ошол эле күнү ОМОН оппозициянын Бишкектеги митингин ырайымсыздык менен кууп тараткан. Бирок бул А. Акаевдин убактылуу гана жеңиши болгон. Эртеси, 24-мартта борбордук аянтта он миңдеген элдердин катышуусу менен мөөнөтсүз митинг башталган. Митингде башкы прокуратурадан келишкен өкүлдөр прокуратуранын кызматкерлери эл тарапка өтүшкөнүн билдирген кайрылууну окуп беришкен. Бул мамлекеттик органдардын эл тарабына өткөн биринчи кайрылуусу болгон.

Митингге чогулгандар ораторлордун сөздөрүн угуп жаткан мезгилде бийлик провокация жасоого барган. Ак-үй тараптан ак кепкачан, көк повяска тагынган жалданма жаштар митингдин катышуучуларын таш бараңга алышып, мушташууга аракет кылышкан. Бирок толкуган эл бир дүрбөлөңгө түшүп үркүп, эсине келген соң, кепкачандарды кууп, контр чабуулга өтүшкөн. Көп өтпөй митингчилер Ак-үйгө чабуул жасашкан. Каршылык көрсөткөн ОМОН чабуулдун мизин кайтарууга чамасы келбей, өз алдынча житип жок болушкан. Акаевдик режимдин репрессиялык органдары көтөрүлүштү басууга кудурети жетпей, шал болуп калышкан. Иш жүзүндө

өлкөнүн бардык жетекчилери Ак-үйдөн качып, житишип жок болушкан. Кыска мезгилдин ичинде өкмөт үйү эч кимдин «мурду канабай» көтөрүлүшчүлөрдүн колуна өткөн. Шаардын борбордук бөлүгү толугу менен элдин көзөмөлүндө калган. Бишкектин көчөлөрүндө формачан адамдар житип, жок болушкан. Президент Акаев үй-бүлөсү менен Казакстанга, андан ары Россияга чыгып кеткен.

2005-жылы 24-мартта «Жоогазын революциясы» кыргыз мамлекетинин келечеги үчүн үй-бүлөлүк башкарууга, уюшулган коррупцияга, мыйзам бузууларга, бийликтин элге жасаган адилетсиз мамилесине каршы туруу аракети болгон. Жыйынтыгында мылтыктын үнү жаңырбай, кан төгүлбөй, бийлик кулатылып, тынчтык жол менен Март революциясы жеңишке жетишкен. 25-март күнү Президенттин милдетин аткаруучу К. Бакиев борбордук «Ала-Тоо» аянтында митингге келгендерге: *«Урматтуу эл, мен эч качан Акаевге окшоп үй-бүлөмдү, аялымды, балдарымды, туугандарымды бийликке аралаштырбаймын. Конституциялык реформаларды тезинен баштаймын. Мына үч ай өтпөй өзгөрүүлөргө өзүңөр күбө болосуңар»*, – деп убада берген [3: 516].

Эгерде К. Бакиев бийликке келгендеги элге берген убадаларында бекем туруп, коюлган максаттар ырааты менен аткарылганда, Кыргызстан эли Март революциясын башкача эскерип, башка маанайда майрамдалмак. Ал мезгилде бийликтен Акаевдин үй-бүлөсүн кетирип, революциянын шарапаты менен өлкө башына келген Бакиев бир туугандары менен кошо бийликти ээлеп алып, кайрадан революциялык кырдаалды жаратат деп эч ким ойуна келбеген чыгар. Кыргызстанды отуз жыл ичинде бийлешкен бардык президенттердин башкаруу стилдери, кетирген кемчиликтери коёндой окшош. Эгемен Кыргызстандын президенттери кетирилген кемчиликтерден сабак алышып, кыргыз улутун бириктирүүгө жарашкан жок.

Болжолу, биздин улуттук менталитетибизге ылайык, басып өткөн тарыхый жолубуз али уруулук баскычтан бирдиктүү улуттук деңгээлге жете элек өңдөнөт. Кыргыз журту улуттун туусу астында бир атанын балдарындай биригип, алга карай умтулган мезгилде гана өнүккөн, күчтүү мамлекет курууга ар тараптуу шарттар түзүлөрү бышык.

Тарых – окутуучу эмес, нускоочу, жашоонун устаты. Ал эч нерсеге үйрөтпөйт, а бирок өткөндөн сабак албаганды жазалайт.

Литература:

1. Андрей Стенин © РИА Новости /. 10:08 24.03.2015 "Тюльпановая революция" в Киргизии (2005) <https://ria.ru/20150324/1053953942.html>
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция>
3. Бекназаров Азимбек Аксы ыйы – улут кайгысы. Даректүү басылма. Экинчи китеп. – Бишкек: Бийиктик, 2010.
4. На парламентских выборах в Киргизии лидируют дети президента время публикации: 28 февраль 2005 г. | последнее обновление: 07 декабря 2017 г. <https://www.newsru.com/world/28feb2005/vote.html>
5. На юге Кыргызстана оппозиция захватывает администрацию и требует отставки президента 4-март, 2005. <https://www.azattyk.org/a/1235607.html>

Маджун Д.С.

Консолидирующая роль ислама в жизни дунган Центральной Азии

Ключевые слова: дунгане, ислам, репрессии, мечеть, медресе, Кыргызстан, Казахстан, Китай.

Аннотация: Вся многовековая история дунган со времен формирования и до настоящих дней неразрывно связана с исламом, который не позволил им раствориться в людском океане Поднебесной империи и сохранить свою самобытную культуру, обычаи и обряды, а после обретения новой родины – наладить добрососедские отношения с мусульманскими народами Центральной Азии. В самые трудные годы своей истории дунганский народ всегда тянулся к Богу, несмотря на запреты и угрозы. Вера в Аллаха вселяла надежду на спасение в годы жестоких войн и репрессий, а сегодня помогает людям, спасти свои души, противостоять губительным соблазнам.

Орто Азиянын дунгандарынын турмушунда исламдын консолидациялык ролу

Негизги сөздөр: дунгандар, ислам, репрессиялар, мечит, медресе, Кыргызстан, Казакстан, Кытай.

Аннотация: Дунгандардын түптөлгөндөн тартып бүгүнкү күнгө чейинки бүткүл көп кылымдык тарыхы ислам дини менен ажырагыс байланышта, бул алардын Асман империясынын адамзат океанына эрип кетишине жана өзүнүн түпкү маданиятын, үрп-адаттарын жана ырым-жырымдарын сактап калууга мүмкүндүк берген эмес. , жана жаңы мекенге ээ болгондон кийин, Орто Азиядагы мусулман элдери менен жакшы коңшулаштык мамиле түзүү. Тарыхынын эң оор жылдарында дунган эли тыюу салууларга, коркутууларга карабастан дайыма Кудайга жакын болуп келген. Аллага болгон ишеним ырайымсыз согуштар жана репрессиялар жылдарында куткарылууга үмүт берип, бүгүнкү күндө адамдардын жанын сактап, кыйратуучу азгырыктарга каршы турууга жардам берет.

The consolidating role of Islam in the life of the Dungans of Central Asia

Key words: Dungans, Islam, repressions, mosque, madrasah, Kyrgyzstan, Kazakhstan, China.

Annotation: The entire centuries-old history of the Dungans from the time of formation to the present day is inextricably linked with Islam, which did not allow them to dissolve in

the human ocean of the Celestial Empire and preserve their original culture, customs and rituals, and after gaining a new homeland, to establish good neighborly relations with Muslim peoples of Central Asia. In the most difficult years of their history, the Dungan people have always been drawn to God, despite the prohibitions and threats. Faith in Allah gave hope for salvation during the years of cruel wars and repressions, and today it helps people, saving their souls, resist destructive temptations.

В VII веке, прибывая в Китай, мусульмане (хуэйхуэй) расселялись компактными независимыми поселениями (кварталами), которые, по сути, представляли собой иностранные анклав в портовых городах страны. Жизнь здесь текла по собственным законам, установленным шариатом, люди говорили на арабском и персидском языках, придерживались исламских обрядов и обычаев. Самой просвещенной и влиятельной частью общества были деятели религиозного культа.

Именно из их числа, для регулирования отношений внутри кварталов, мусульмане избирали старост. Староста занимался общественными делами своего квартала, собирал государственные налоги и пошлины, будучи одновременно и главой духовенства, и судьей (кази). Он руководил духовной жизнью мусульман: занимался пропагандой ислама, руководил молением (намаз), а также разрешал различные споры и конфликты, выносил приговоры и назначал наказание за преступления в своем квартале. Таким образом, в руках главы духовенства (старосты) в рамках квартала, сосредоточивалась практически неограниченная власть, которая поддерживалась его непрерываемым авторитетом.

Статус главы духовенства (имам) сохранялся у мусульман Китая на протяжении нескольких столетий, а в некоторых районах нынешнего проживания дунган существует и поныне. Несомненно, глава духовенства выполнял консолидирующую роль внутри своей общины, но со временем, это стало одной из причин сектантской борьбы между дунганами (хуэйцзу) Китая.

Представители мусульманского духовенства, будучи лидерами своих общин, стояли во главе всякого начинания – от обустройства нового поселения и постройки мечети до руководства восстаниями. В результате самого крупного из них – дунганского восстания 1862–1877 гг. – дунгане обрели новую родину. Духовные лидеры каждый своим путем привели дунганские общины на территорию Российской империи и обустроили их, наладив контакты с русскими властями и местным населением.

Так, например, в ноябре 1877 г. духовный лидер Да Сыфу привел из Уч-Турфана группу беженцев, которые впоследствии образовали селение Ирдык. Суйдунских дунган в 1881 г. привел Хэлир ахун, разместив их в

районе западнее реки Сокулук (ныне с. Александровка). Линто ахун (Ма Дэнькуй) сопровождал дунган из района Чинфихэзы, которые в 1882 г. обосновались в западной части Пишпека (ныне Бишкек) и т.п. Именно представители мусульманского духовенства занимались выбором места жительства и распределением земельных участков, определяли расположение улиц, арычной системы, места для строительства мечетей и кладбищ. Лидеры духовенства практически в неизменном виде сохраняли ритуалы исламской религии, выработанные поколениями верующих тех районов Китая, откуда они прибыли.

Для управления мусульманским населением Туркестанского края Российское правительство, терпимо относившееся к другим религиям, издало специальное Положение, в основу которого были положены законы шариата. Деятели мусульманского культа – имам, мулла и др. – приравнивались к сану русской православной церкви. Так, мулла был приравнен к сану священника, его кандидатура утверждалась специальным постановлением областной администрации, и он прикреплялся к определенной мечети. Дунганским селением управлял волостной правитель, который обычно избирался сходом дунган. Поскольку глава мусульманского духовенства пользовался огромным авторитетом, именно от его решения во многом зависело, кто будет волостным правителем. Поэтому без согласования с представителями духовенства не принималось ни одного важного решения.

Свободное отправление богослужений, проповедей и молитв, а также религиозное обучение молодого поколения у дунган длилось вплоть до 20-х годов XX века. С утверждением советской власти в Среднеазиатских республиках начинают активно проводиться мероприятия по отделению школы от религии и ограничению влияния духовенства на все сферы жизни. Наибольший накал государственный террор против представителей национальной интеллигенции, зажиточных слоев населения, православного и мусульманского духовенства пришелся на конец 20-х и 30-х годов.

В самые тяжелые годы, выпавшие на долю дунганского народа, видные деятели ислама у дунган сохраняли чистоту религии и поддерживали веру в сердцах людей. Неслучайно, этим людям придают ореол святости, а их имена запечатлены в памяти народа, обрастая подчас волшебными легендами. Так, крупным деятелем ислама у дунган Пишпекского уезда Семиреченской области был предводитель переселения Линто Ложынжя (Ма Дэнькуй). Он был главным имамом соборной мечети в дунганской слободе г. Пишпека, при которой открыл школу и хуфийский даотон, и пользовался

огромнейшим авторитетом среди верующих – не только дунган, но и других мусульманских народов Пишпекского уезда [1: 64].

Шэньсийская группа дунган легендарной личностью считает духовного главу Гу ахуна. Он родился около 1880 г. в Китае, там же получил хорошее образование в области ислама, после переселения жил в г. Алма-Ате, был ахуном в мечети, обучал детей. В начале 20-х годов XX в. по приглашению дунганской общины он переехал в с. Шортюбе, умер в 1956 г.

В 20-е годы ахун из с. Каракуруз, последователь традиционной секты «ло годиму» (старое учение) уехал, а прибывшие из хаджа дунгане стали проповедовать и совершать исламские обряды по-ваххабитски (т.к. ваххабизм – официальная религия в арабском мире). Это усилило внутренние распри в общине и привело к расколу существовавших к этому времени в селе 20 мечетей – в результате разделения их стало 48.

В этих условиях старейшинами села было принято решение пригласить известного своими знаниями Гу ахуна, проживающего в то время в Алма-Ате. Огромная заслуга этого человека, которого шэньсийцы считали святым, заключается в том, что своими знаниями в области ислама и высокими моральными качествами он смог приобрести неограниченный авторитет среди верующих и объединить их. В бытность его имамом прекратились ссоры и распри внутри шэньсийской общины – ваххабизм, как новое течение в исламе, был фактически изжит, прекратилось разделение на секты «якши» и «яман». В 1922 г. Гу ахун открыл в Токмаке медресе, которое просуществовало около четырех лет. За это время он подготовил около 30 учеников, среди которых можно назвать Хихур ахуна, Щирза ахуна, Зерман ахуна, Га имама и других, продолжавших нести свет знаний и мудрости священного Корана населению дунганских сел Киргизии и Казахстана.

Во второй половине 20-х годов начались коллективизация сельского хозяйства и борьба с кулачеством и духовенством на селе. В эти годы были арестованы и расстреляны многие дунганские деятели религиозного культа. Не избежал этой участи и Гу ахун, который в 1925 г. был арестован и посажен в пишпекскую тюрьму, где провел около двух лет. Впоследствии, выйдя из тюрьмы и вопреки строгому запрету обучать детей канонам ислама, он все же тайно обучал желающих.

Второй этап массовых гонений и репрессий религиозных деятелей в советском государстве начался в 1937 г. Проведение религиозных мероприятий было поставлено под строжайший запрет, мечети и молитвенные дома использовались как конторы, школы, склады или просто конюшни. В результате ожесточенной борьбы советского государства с религией уже с

конца 30-х годов даже тайное преподавание исламского культа дунганским детям практически прекратилось. Основная часть мусульманских проповедников бежала в Китай или была репрессирована, а те немногие, кому удалось спастись, прятались по чердакам и подвалам у родственников и соседей. Но, несмотря на угрозу ареста и репрессии, дунганское население, особенно шэньсийская группа, продолжали подпольно совершать обязательную пятничную молитву, отправления богослужения по каждому значимому событию, связанному с мусульманскими праздниками, а также с рождением детей, свадьбой, обрезанием, похоронами и поминками. Опасаясь преследований, пятничную молитву совершали у кого-нибудь дома, иногда в саду или поле. Именно в эти годы были уничтожены наиболее грамотные и влиятельные деятели религиозного культа у дунган, прекращено религиозное обучение детей, закрыты все мечети и молитвенные дома.

В начале 40-х годов старики нескольких дунганских селений (Александровка, Милянфан и др.) обратились с письмами в Москву, в центральные и местные органы власти с просьбой разрешить верующим открыть мечети или молитвенные дома для отправления богослужений. В 1943 г. постановлением Государственного комитета обороны была разрешена свободная религиозная проповедь в СССР людям преклонного возраста. В том же году в с. Милянфан открыли мечеть, куда верующие пригласили имамом Юшанло Юй ахуна, получившего религиозное образование в Китае. Сельский совет с. Александровки отвел участок для строительства молитвенного дома и уже к 1944 г. его построили, имамом был избран Хия ахун. С этого времени началось возрождение мусульманской общины – под контролем государственных органов и с их разрешения в селах стали открывать мечети для людей пожилого возраста, но участие молодежи в деятельности религиозной общины строго запрещалось.

В открывшихся в селах центральных мечетях проводилась обязательная для всех мусульман пятничная молитва с участием всех верующих, а ежедневные пятикратные молитвы совершали в домах сельчан, или в молитвенных домах (сомэ, суй сы), которые существовали на полуполюгальном положении. Там же немногие старики обучались основам мусульманского вероучения – изучали шариат и учились читать по-арабски, уровень знаний был очень низким из-за нехватки ученых-богословов.

В следующие десятилетия изучение богословия и исламских канонов, а также отправление богослужений было поставлено под строжайший контроль государства – в каждом районе при райисполкоме существовал отдел, контролирующий работу религиозных организаций. Нередки были случаи,

когда очередная комиссия без объяснения причин закрывала действующую мечеть или молитвенный дом. Неудивительно, что в дунганских селениях на протяжении нескольких десятилетий ахун был малограмотным самоучкой. Грамотные деятели мусульманского культа стали приезжать в 60-х годах XX в. и в основном из Китая, поэтому к 70-м годам все имамы дунганских мечетей в Киргизии и Казахстане были выходцами из Китая. Исключение составлял, пожалуй, единственный дипломированный имам Месир ахун, коренной житель Казахстана. В 60-х годах он закончил медресе в г. Бухаре, а в 70-х – духовный институт в г. Ташкенте при Духовном Управлении мусульман Средней Азии и Казахстана, а позже был избран имамом г. Джамбула. Месир ахун – единственный представитель дунганской народности, окончивший высшее духовное заведение и совершивший хадж в советское время.

Годы безграничного господства атеистической идеологии не могли не наложить своего отпечатка на морально-нравственный облик советских мусульман и не отразиться в попытках руководства Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана адаптировать ислам к советской идеологии.

Так, Среднеазиатское Духовное управление приняло ряд фатв (толкований), в корне противоречащих канонам ислама. В частности, было объявлено о необязательном соблюдении месячного поста в священный месяц рамазан: достаточно было якобы, поститься по три дня – в начале, середине и в конце месяца; о необязательном соблюдении обряда обрезания; и дано разрешение женщинам посещать мечеть [1: 138]. Все эти и другие нововведения можно оценить как попытку выхолащивания сути и основ исламской религии, которая зиждется на строгом выполнении всех предписаний Аллаха и не допускает никаких реформ законов, установленных Всевышним.

Ряд духовных лидеров дунганского народа (Гу ахун и др.) выступал с протестами против этих нововведений, объясняя верующим, что человек, выполняющий эти фатвы, совершает тяжкий грех. Таким образом, и в самые трудные годы господства тоталитарного режима представители дунганского мусульманского духовенства продолжали отстаивать чистоту ислама, призывая к добру и удерживая от зла. Особенно серьезное отношение к мусульманской религии на протяжении нескольких столетий сохранилось у шэньсийских дунган: до настоящего времени в местах их компактного проживания преобладает патриархальный уклад жизни, подчиненный законам шарии.

Качественно новый этап в возрождении и развитии ислама на постсоветском пространстве произошел с началом перестройки, когда верующие получили возможность свободного отправления богослужений и более глубокого изучения мусульманских канонов. С начала 90-х годов XX в. в села Кыргызстана и Казахстана, в том числе дунганские, для совершения давата ежегодно стали приезжать мусульманские проповедники из Саудовской Аравии и Пакистана. Они призывали людей встать на путь ислама и обратиться к Аллаху, обещали устроить у себя на родине в медресе всех желающих изучать Коран. В те годы более 250 человек – граждан Кыргызстана и Казахстана – начали обучаться в Пакистане, из них около 150 человек дунган, несколько дунган обучались в исламских институтах в Египте, Сирии и Саудовской Аравии. Ежегодно десятки мусульман Кыргызстана и Казахстана едут в исламские страны, чтобы глубже постичь истину исламской веры и изучить законы шариата. Приезжая на родину из арабских стран, послушники – учащиеся исламских институтов поддерживают тесные контакты, организуют даваты в кыргызских и казахских селах, в общем призыве к Всевышнему сближая мусульманские народы Центральной Азии – кыргызов, казахов, узбеков, дунган, даргинцев, аварцев и др.

В конце 80-х годов XX в. во всех дунганских селениях и местах компактного проживания верующие начинают строить десятки мечетей и молитвенных домов. Так, в 1988 г. в с. Масанчи (Казахстан) по инициативе имама Куйва ахун Паншарова начинается строительство одной из самых больших мечетей в Чуйской долине, автором проекта был талантливый архитектор И. Чилиров. Строительство мечети, принадлежавшей общине «яман», было завершено в 1995 г. Тогда же в северо-западной части этого села начинают строить большую мечеть представители общины «якши». Инициатором строительства выступил внук Бай Яньху – Люва хаджи Баянху.

В 1985 г. дунгане г. Бишкек построили мечеть в северо-западной части города. Строительство мечетей и медресе активно продолжается во многих дунганских селениях до настоящего времени. В начале 90-х годов XX в. начинается строительство мечетей в селах Ивановка, Кенбулун, Александровка (Кыргызстан), Джалпак-Тюбе (Джамбульская обл., Казахстан) и др. Так, 27 июня 1993 г. состоялось официальное открытие одного из самых величественных культовых зданий Кыргызстана – мечети им. Абу Ханиф ан Нуман б. Сабита в с. Александровке. Мечеть была построена на пожертвования жителей села при поддержке и помощи председателя колхоза «Дружба» Э. Исмаева и председателя сельсовета Б. Дувазы.

Почти при всех мечетях открываются медресе или начальные школы для изучения основ ислама. Восстановленная в настоящее время система религиозного обучения у дунган практически не отличается от той, которая была создана пять веков назад в Китае. Начальная форма обучения охватывает почти всех детей школьного возраста в местах компактного проживания. Обучение имеет две формы – учащиеся либо живут при мечети, уходя домой на выходной, либо живут у себя дома, посещая и школу, и мечеть. Занятия проводятся каждый день, выходной – пятница.

Заочная форма обучения существует у взрослых мусульман, которые обучаются муллой при мечети или на дому. Изучают шариат, правила поведения мусульманина (фикх), учатся правильному чтению Корана (без перевода). Во всех дунганских мечетях еженедельно после пятничного намаза читается проповедь, а в главной мечети с. Масанчи такие проповеди читают после каждого из пяти ежедневных намазов. Особенно активно работа по распространению ислама проводится в священный для мусульман месяц рамазан.

Для современного периода актуальным стало активное включение женщин в процесс изучения мусульманской религии. Во многих дунганских селах и местах компактного проживания в городах дунганки, знающие арабский язык и исламские каноны, сами организуют женские группы и обучают основам ислама. В настоящее время практически во всех дунганских селах Кыргызстана и Казахстана функционируют несколько таких групп. Обычно девочки с 6–7 лет и до замужества посещают одни группы, замужние и женщины преклонного возраста занимаются отдельно, ежедневно или 1–3 раза в неделю. При некоторых шэньсийских мечетях одинокие пожилые женщины проживают постоянно, содержась за счет пожертвований прихожан.

Группы, где изучают основы религиозной грамоты, стали местом получения не только знаний, но и морально-психологической помощи и поддержки. Неукоснительное выполнение одной из обязанностей мусульманина – ежегодная выплата зяката (налог с имущества) – позволяет каждому верующему чувствовать себя частицей коллектива, способного в любой момент прийти на помощь слабому и больному, и обязывающего сильного оказывать эту помощь из сострадания, ради довольства Аллаха. На добровольно собранные пожертвования строят дома погорельцам, обеспечивают продуктами питания нуждающиеся семьи, больных и сирот, делятся урожаем с учащимися медресе и пр. Система человеческих взаимоотношений, построенная на основе ислама, оказывает огромное влияние на характер и духов-

ный облик людей, воспитывая в них лучшие человеческие качества. В селах, где изучают каноны ислама, взрослые дети не бросают своих стариков, преваляет уважительное, почтительное отношение к старшим, существует запрет на употребление спиртных напитков, что определяет здоровый образ жизни, в основе которого лежит добросовестный труд.

Работу высших религиозных учебных заведений (медресе) курируют муфтияты Кыргызстана и Казахстана. В настоящее время в дунганских селах функционируют по одному или несколько медресе в районах их компактного проживания, где обучаются дети различных национальностей. Дунганские дети также обучаются в медресе в кыргызских, казахских, даргинских селах. В медресе функционируют два факультета: кари – заучивание Корана наизусть, факультет фикха – изучение правил поведения и обязанностей мусульманина. Обучение проводится бесплатно.

После распада СССР и улучшения отношений с другими государствами у граждан Кыргызстана и Казахстана появилась возможность совершать паломничество к святым местам (хадж), для чего король Саудовской Аравии предоставил ряд льготных условий мусульманам стран бывшего Союза. С провозглашением независимости мусульмане Кыргызстана также активно включились в этот процесс. При дунганских мечетях формировались списки желающих совершить хадж и нанимался автотранспорт, поездка длилась более месяца. В 1996 г. Первый курултай мусульман Кыргызстана указал на недостатки в организации паломничества к святым местам. Правительство Кыргызской Республики пошло навстречу верующим, подписав 13 марта 1997 г. соглашение с Министерством по делам хаджа Королевства Саудовской Аравии о создании специального представительства Кыргызстана в этой стране для обеспечения паломникам нормальных условий при совершении хаджа. В настоящее время основная часть паломников совершают хадж самолетом.

Таким образом, вся многовековая история дунганского народа со времен формирования и до настоящих дней неразрывно связана с исламом. Именно мусульманская религия не позволила дунганам раствориться в людском океане Поднебесной империи и сохранить свою самобытную культуру, обычаи и обряды, а после обретения новой родины – наладить добрососедские отношения с мусульманскими народами Центральной Азии. В самые трудные годы своей истории – во времена гонений и притеснений со стороны Цинской династии, после народных восстаний в Китае и вынужденного бегства на территорию Российской империи, последовавшей за этим чередой войн, восстаний, революций и репрессий – дунганский народ всегда тя-

нулся к Богу, несмотря на запреты и угрозы. Вера в Аллаха вселяла надежду на спасение в годы жестоких войн и репрессий, а сегодня, когда жизнь находится вне опасности, помогает людям, спасать свои души – противостоять губительным соблазнам.

Годы безграничного господства атеистической идеологии не могли не наложить своего отпечатка на морально-нравственный облик советских дунган. К сожалению, у некоторой части дунганского населения – не только жителей городов, но и многих дунганских селений, в настоящее время сформировалось стойкое атеистическое мировоззрение – они не совершают обязательной для мусульман ежедневной пятничной молитвы, не держат пост во время месяца рамазан, не выплачивают зякат, употребляют в пищу свинину и пьют спиртные напитки. Другие придерживаются только внешней стороны религии – соблюдают основные обряды, такие, как обрезание, чтение «никаха» при бракосочетании, поминки, празднование мусульманских праздников, при этом, не понимая и не пытаясь познать глубинную сущность ислама, определения его категорий добра и зла.

Вызывает опасение тот факт, что в тех селениях, где позиции мечети слабы и процент верующих людей невелик, все чаще место Бога занимает алкоголизм, наркотики, жажда наживы любыми средствами, моральное разложение и распущенность. Характерно, что дунгане никогда не состояли и не участвовали в религиозно-экстремистских организациях, так как с малых лет изучают основы религии и имеют четкие представления о сущности традиционного ислама, основанного на мире и добре. Дунганские общины одними из первых приходят на помощь, организовывая горячее питание, сбор и отправку гуманитарной помощи для жителей Кыргызстана и Казахстана, попавших в трудную ситуацию. Например, во время дунганских погромов в феврале 2020 г. в с. Масанчи дунгане близлежащих сел предоставили беженцам кров и питание, во время конфликта на кыргызско-таджикской границе весной 2021 г. были отправлены продукты питания в Баткенскую область Кыргызстана.

Изучение канонів ислама является фарзом (обязанностью) каждого мусульманина. В настоящее время впервые за долгие десятилетия созданы реальные условия для глубокого и всестороннего познания ислама и свободного отправления религиозных служб.

Благодаря проводимой правительством политике верующие Кыргызстана и Казахстана получили возможность более глубокого изучения религиозной истины, призывающей людей к благочестию, разумной праведности

поведения, смирению и терпимости, способствуя установлению добрососедских отношений между народами.

Литература:

1. Сушанло М.Я. Духовные деятели дунганской диаспоры // Рукописный фонд Центра дунгановедения и китаистики НАН КР. Ф. 1, д. 1, л. 64, 138.

Ормоналиев К.О.

Погранично-территориальные разногласия в постсоветской Центральной Азии как следствие национально- территориального размежевания 20–30 гг. XX в.

Ключевые слова: Центральная Азия, государство, границы, территориальное размежевание, пограничные разногласия, территориальные споры, проблемы, напряженность, конфликт, инцидент.

Аннотация. В статье речь идет о том, что в постсоветский период страны ЦА столкнулись с многочисленными проблемами, связанными с урегулированием государственных границ. Подчеркивается, что эти проблемы являются следствием национально-территориального разграничения 20–30 годов прошлого столетия, которое было проведено условно, без учета специфики региона. После распада СССР допущенные ошибки привели к территориальным спорам, создающим напряженность в межгосударственных отношениях.

Борбордук Азиядагы чек ара-аймактык келишпестиктер XX к. 20–30-жж. улуттук-территориялык жиктешүүнүн натыйжасы катары

Негизги сөздөр: Борбордук Азия, мамлекет, чек ара, аймактык жиктешүү, чек ара-аймактык талаштар, көйгөйлөр, чыңалуу, чыр-чатактар, окуя.

Аннотация. Макалада постсоветтик мезгилде Борбордук Азия өлкөлөрүндөгү мамлекеттик чек араларды жөнгө салуу процесси менен байланышкан көптөгөн көйгөйлөр тууралуу айтылат. Бул проблемалар 20–30-жж. улуттук-территориялык жиктешүүнүн кесепети экени баса белгиленет. Анда аймактын өзгөчөлүгүн эске албастан, шарттуу түрдө ишке ашырылган мындай саясат СССР кулагандан кийин мамлекеттер аралык мамилелерди чыңалуусун шарттаган.

Border-territorial divisions in post-Soviet Central Asia as a result of national-territorial divisions 20–30 gg. XX c.

Keywords: Central Asia, state, borders, territorial delimitation, border disparities, territorial disputes, problems, tensions, conflict, incident.

Annotation. The article goes on to say that in the post-Soviet period the CA faced a number of problems related to the regulation of state borders. It is emphasized that these problems are due to the national-territorial division of 20–30 gg. the last century, which was conducted conditionally, without taking into account the specifics of the region. After the collapse of the USSR, the allowed mistakes were attributed to territorial disputes, creating tensions in interstate relations.

Издrevле горы, реки, пустынные районы, являющиеся естественными ландшафтными барьерами, служили границами в Центральной Азии. По-

скольку большую часть местного населения составляли кочевники, в степных районах границ вообще не было. В конце XVIII в. в регионе появились Кокандское и Хивинское ханства, а также Бухарский эмират.

В указанных государственных образованиях вплоть до 20-х годов XX в. политические границы не совпадали с территориями этнического расселения. Так, Кокандское ханство включало в себя современные Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, а Бухарский эмират охватывал современный юг Узбекистана, восток Туркменистана, Таджикистана и часть северного Афганистана. Под давлением Российской и Британской империй с севера и юга в течение XIX в. компрессия традиционного геополитического пространства привела к новому, как бы полувосточному структурированию территории [3].

Россия завоевала Центральную Азию в XIX в. В 1876 г. территория Кокандского ханства была преобразована в Ферганскую область, которая стала частью Туркестанского генерал-губернаторства, входившего в состав Российской империи. Его южные границы на Памире в 1885 г. были установлены англо-русской комиссией. В результате такие историко-географические регионы, как Рошан и Вахан были переданы Бухарскому ханству в обмен на части региона Дарваз (левобережье р. Пяндж), которые были отданы Афганистану. В тот период в данном регионе столкнулись геополитические интересы России и Великобритании. Их противоречия были решены в 1907 г., благодаря англо-русскому соглашению, которое разделило сферы влияния в Центральной Азии. Россия отказалась от посягательств на Афганистан, признав его сферой британского влияния [11].

В результате победы октябрьской революции 1917 г. в регионе установилась советская власть, и появились Туркестанская, Бухарская и Хорезмская республики.

После образования СССР в Средней Азии, большая часть которой входила в пределы Туркестанской АССР, возникла сложная ситуация, охарактеризованная членом ЦИК СССР К. Атабаевым на 2-й сессии 2-го созыва 1924 г. следующим образом: «Деятельность Советской власти в Туркестане была подвержена постоянным трениям, тормозящим большую часть полезной работы. Хозяйственная работа в среде одной национальности направлялась в ущерб другой, усугубляя антагонизм, была сопряжена с чрезвычайно сложными национальными комбинациями, выдвигаемыми одной группой в противовес другой...» [12].

В середине 1920-х гг. было решено разделить Среднюю Азию на республики по этническому признаку в процессе национально-территориального размежевания. Так была заложена основа нынешних территорий Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Верховным органом размежевания Центральной Азии стало Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б), которое 28 апреля 1924 г. приняло Постановление о размежевании региона по национально-территориальному признаку. Были созданы временные территориальные комиссии: узбекская, туркменская, киргизская, казахская, таджикская.

13 июня 1924 г. была образована Среднеазиатская комиссия по районированию, занимавшаяся подготовкой и проведением территориального разграничения. Предложения, подготовленные партийным бюро по организации Узбекской ССР, легли в основу принципов установления границ между республиками. В связи с тем, что именно в Ташкенте функционировали все представительные органы союзной власти в Средней Азии, при проведении размежевания учитывались интересы, прежде всего, Узбекистана. Кроме того, союзная власть относилась к разграничению границ, как к процессу административно-территориального районирования региона единой страны с целью облегчения политико-экономического управления [9: 204]. Принципы установления границ, выдвинутые узбекским бюро, в целом были справедливыми, но не всегда учитывали специфику региона, искажались в целях «экономической целесообразности» и позволяли принимать конъюнктурные решения.

Так, при применении принципа определения границы по этническому признаку не учитывалось, что в Центральной Азии жили как кочевые, так и оседлые народы. Поэтому одна и та же территория в разное время года отличалась по количеству населения и его этническому составу. К примеру, кочевники-кыргызы составляли подавляющее большинство населения местности в одно время года, но оказывались меньшинством среди оседлых народов – в другое. По этой причине некоторые кыргызские волости (Аимская, Курган-Тепинская, Джалал-Кудукская), расположенные в окрестностях Андижана, вошли в состав Узбекистана. Та же участь постигла Кошой-Коргонскую и Тойтубинскую волости Ташкентского уезда. Для того чтобы создать структуру населения более полиэтнической, а республики более

удобными для управления, между ними были поделены одинаковые этнические группы и природные ресурсы.

Принцип фактического пользования местностью на момент размежевания также не учитывал интересы народов, ведущих кочевой образ жизни, так как главным признаком фактического землепользования считалось лишь оседлое орошаемое земледелие. Это привело к неправильному распределению территорий для проживания тех или иных народов.

Согласно принципу экономической целесообразности, развитие хлопководства провозглашалось в качестве приоритетной отрасли развития народного хозяйства. В результате территориальные интересы кыргызов пострадали больше всего. В то время хлопководством в основном занимались узбеки и таджики, поэтому, как правило, земельный спор решался в их пользу.

Принцип недопущения извилистости границ, больших чересполосиц (т.е. расположение земельных участков одного хозяйства полосами попеременно с чужими участками), а также вкраплений в сопредельные территории, использовался не совсем правильно. Это привело к появлению этнических анклавов, которых особенно много на территории Ферганской долины. Практическая реализация принципов установления границ между республиками выполнялась Комиссией по уточнению границ новых государственных образований при Среднеазиатском Ликвидационном Комитете, которая была создана в ноябре 1924 г. Однако анализ национальной структуры населения приграничных районов и рисунка границы показывает, что при размежевании национально-территориальных границ указанные принципы особо не соблюдались [1: 69].

12 июня 1924 г. ЦК РКП(б) принял историческое решение о национально-государственном размежевании Средней Азии. Начались подготовительные работы по определению национально-территориальных границ среднеазиатских народов, уточнению национального состава населения и численности отдельных национальностей, а также приступили к всенародному обсуждению вопросов о размежевании, решению экономических вопросов [7: 292].

27 октября 1924 г. 2-я сессия ЦИК СССР приняла окончательное решение по вопросу о национально-государственном размежевании среднеазиатских народов. На территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской ССР были образованы: Узбекская и Туркменская советские социа-

листические республики (27 октября 1924 г.); Таджикская АССР (14 октября 1924 г.) в составе Узбекской ССР; Кара-Калпакская автономная область (11 мая 1925 г.) в составе Казахской АССР и Кара-Киргизская автономная область (14 октября 1924 г.) в составе РСФСР [12: 45].

Итоговый доклад Комиссии по уточнению границ был заслушан 17 марта 1925 г. на Пленуме Среднеазиатского Ликвидационного Комитета. В результате было принято правовое решение (оформленное в письменном виде) по границам национальных территорий среднеазиатских народов. Пленум также принял решение о том, что пастбища Суусамыр, Каркыра, Кёкойрок и Чон-Кемин будут считаться землями общего пользования населения Казахской АССР и Кара-Киргизской автономной области. В тот же день Центральная территориальная комиссия, в состав которой вошли полномочные представители республик, утвердила границы национальных образований в Средней Азии. Но Казахская АССР, а также Киргизская автономная область остались недовольны результатами, так как установленные границы делили не только пограничные киргизские селения, но и смежные волости, населенные исключительно киргизами. К тому же на юге границы Узбекистана выравнивались за счет киргизских земель.

Проект границы практически не удовлетворил ни одну из союзных республик, автономных республик и автономных областей. От заинтересованных правительств в центральные органы СССР поступили десятки заявок на отдельные селения, волости, районы, включенные в состав соседних государственных образований.

Киргизская автономная область предъявила целый ряд территориальных претензий в отношении Баски-Себергенской, Исфанейской, Чапкулугской, Чаткальской, Ханабадской, Курган-Тюпинской, Джалал-Абадской, Сохской, Исфаринской и других волостей. Узбекистан, в свою очередь, претендовал на часть территории Киргизской Республики, а именно: южную часть Аимской волости, г. Ош и Ошскую волость, Ляйлякскую и Найгут-Кипчакскую волости Ферганской области [1: 77].

Сославшись на принцип экономической целесообразности, члены комиссии оставили в составе Узбекистана исконно киргизские территории, использовавшиеся как зимние пастбища: урочища в верховьях реки Ангрэн Бетегулуу-Койташ и Уруктай. Вместе с тем в пользу киргизской стороны решился вопрос в отношении, не имевших особого значения в ирригационном плане, урочищ Ак-Сай, Каланташ, Джал-Тюбе, Улар-Ойнор и Коч-

кор-Ата. Две трети Ханабадской волости были оставлены в Узбекистане (несмотря на то, что там большую часть населения составляли киргизы) из-за водораспределителя Кампыр-Рабатской оросительной системы с двумя оросительными каналами (Андижан-Сай и Шаарихан-Сай), имеющими важное значение для хлопководства.

Комиссия также, в целях экономической целесообразности, отклонила претензии на части (населенные киргизами) Аимской, Карасуйской, Чимионской, Курган-Тепинской, Джалал-Кудукской волостей. В состав ККАО была включена только правобережная часть Аимской волости. Чтобы не дробить экономически важнейший для страны хлопковый район, во всех остальных волостях выделять киргизские селения не стали.

В 1926 г. была создана новая комиссия, возглавляемая председателем ЦИК СССР Г.И. Петровским. Комиссия не приняла претензии Узбекистана на г. Ош и Ошскую волость. Это объяснялось тем, что г. Ош был исходным пунктом гужевых путей в киргизские районы и единственным крупным торговым и административным центром части Ферганы, включенной в состав Киргизской автономной области. А Ошская волость была тесно связана с городом и большую часть ее населения составляли киргизы. Таким образом, г. Ош и Ошская волость остались в составе Киргизской автономной области.

В то же время нерешенным остался вопрос об исправлении границы Ошского округа в пределах Ляйлякской, Нойгут-Кыпчакской, Яукенсек-Бостонской волостей в пользу Киргизской автономной области, так как установленная граница этих волостей проходила не по их окраинам, а на 10-15 верст южнее, в результате чего значительная часть киргизской территории отошла в пользу Узбекской ССР.

Решения комиссии Петровского не отвечали интересам Киргизской автономной области. В связи с этим в декабре 1926 г. была создана еще одна Паритетная комиссия под руководством Кульбешерова Б., которая из 13 спорных вопросов только 5 решила в пользу Киргизской АССР.

Фактически, когда было принято решение Президиума ЦИК СССР о российско-узбекистанской границе (4 мая 1927 г.), на участке Киргизской АССР не были сформированы взаимно признанные территории и границы этих республик. Процесс формирования территорий и границ в регионе продолжался. Паритетные комиссии осуществляли поиск взаимоприемлемых решений [1: 79].

Таким образом, всех проблем, возникших при определении границ новых республик, власть так и не смогла решить. В мае 1927 г. ЦИК СССР принял постановление, согласно которому до 1930 г. ходатайства об изменении границ, определенных при размежевании, приниматься не будут. Это свидетельствовало о самоустранении центра от решения важнейших проблем административно-территориальных границ республик.

На протяжении всего советского периода между центральноазиатскими республиками шли споры о границах, но так и не были решены к моменту распада СССР. Продолжала существовать практика, при которой некоторые районы переходили из одной республики в другую, что приводило к изменению линии границы. Были случаи, когда районы предоставлялись во временное пользование соседней республике с целью урегулирования вопросов землепользования. В итоге все это привело к обострению конфликта в будущем. При национально-территориальном разграничении в регионе были допущены многочисленные ошибки, повлиявшие на последующее развитие республик и приведшие к погранично-территориальным разногласиям между ними после распада СССР.

В постсоветское время новые независимые государства ЦА практически сразу столкнулись с многочисленными проблемами, связанными с урегулированием своих государственных границ, которые в рамках СССР были проведены условно, без учета этнических и географических особенностей региона. Отдельные участки границ продолжают оставаться спорными, что препятствует развитию межрегионального сотрудничества. Периодически из-за погранично-территориальных разногласий в межгосударственных отношениях возникает напряженность, особенно между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Для региона характерна полиэтническая структура населения, но при этом наблюдается несовпадение этнических и государственных границ. В результате во всех странах ЦА проживают большие диаспоры других титульных этносов региона. К примеру, «удельный вес» узбекских диаспор в этнонациональной структуре Таджикистана составляет 24,4%, Кыргызстана – 13,8%. А в численности населения Узбекистана 4,8% – таджики и 0,9% – кыргызы. При этом абсолютное большинство (73,5%) кыргызов Узбекистана проживают в трех областях Ферганской долины: Андижанской, Ферганской и Наманганской. Если в общем количестве населения Узбекистана (около 30 млн. чел.) число кыргызов довольно мало, то по отношению к численности

жителей Кыргызстана (5,4 млн. чел.) 13,8% узбеков (300–350 тыс. чел.) – крупная диаспора. При этом необходимо учитывать, что большинство узбеков проживает в Баткенской, Ошской и Джалал-Абадской областях (Ферганская долина) Кыргызстана [14].

Несовпадение государственных и этнических границ может служить причиной межнациональных конфликтов: на юге Казахстана – между казахами и узбеками. В Оше и Узгене – между кыргызами и узбеками. В Самарканде, Бухаре, в Худжандтской области Таджикистана – между узбеками и таджиками. В Каракалпакии – между узбеками и каракалпаками. В оазисах Аму-Дарьи – между узбеками и туркменами [6: 75].

Особенностью расселения является компактное проживание диаспор вблизи государственных границ титульной нации, что часто приводит к пограничным инцидентам. Поэтому жители приграничных районов и анклавов, в первую очередь, ощутили последствия распада СССР, когда родные места превратились в соседнюю независимую республику, а родственники оказались гражданами разных независимых стран.

Большинство инцидентов на границах, как правило, происходит из-за разногласий, связанных с инфраструктурой, земельными и водными ресурсами и строительством на спорных участках. В этих районах пограничники в связи с конфликтами часто блокируют пропускные пункты, что приводит к проблемам. Доступ на территорию соседних стран перекрывается, в том числе для граждан этих стран, проживающих в анклавах.

Особенно трудно приходится жителям анклавов, которые в повседневной жизни сталкиваются с проблемами при пересечении государственной границы, с функционированием экономики, социальной сферы и систем жизнеобеспечения. А они существуют во всех государствах Центральной Азии за исключением Туркмении, которой в этом отношении очень повезло. Кыргызстан имеет шесть анклавов (четыре узбекских и два таджикских) и один эксклав в Узбекистане. У Казахстана тоже есть два эксклава в Узбекистане, зато нет анклавов внутри страны. В Узбекистане существуют по одному таджикскому и кыргызскому анклаву, два казахских, а также четыре эксклава в Кыргызстане. У Таджикистана, не имеющего анклавов на своей территории, существуют два эксклава в Кыргызстане и один в Узбекистане. Все указанные анклавы оторваны от основной территории своих государств. Это создает большие сложности для их населения. Были попытки путем обмена территориями решить эти проблемы, но они оказались безрезультат-

ными. Так, в 2001 г. от узбекского руководства поступило предложение соединить узбекский анклав Сох с Узбекистаном широкой полосой киргизской территории в обмен на передачу южной части анклава Киргизии. Однако обмен не состоялся из-за того, что киргизская сторона посчитала предложенные земли, не имеющими агротехнической ценности, а Ляйлякский и Баткенский районы в результате были бы отрезаны от остальной территории республики. Стоит отметить, что пограничные противоречия между Узбекистаном и Кыргызстаном вблизи анклавов привели к неопределенной линии границы между государствами и на современном этапе переговоры по этому вопросу зашли в тупик [10].

Важным условием существования анклавов на территории других государств является наличие четко определенных границ и отсутствие преград по перемещению людей и транспорта. Именно несогласованные границы являются основной проблемой анклавов в регионе.

Процесс переговоров о делимитации и демаркации границ между центральноазиатскими государствами начался на рубеже XX–XXI вв. При этом Казахстан и Туркменистан первыми среди государств ЦА решили вопросы по делимитации своих соответствующих сухопутных границ с соседями по региону, тем самым полностью завершив процесс их правового оформления. Между остальными государствами региона погранично-территориальные противоречия значительно более болезненны и остры.

Большая часть проблем сосредоточена в Ферганской долине, разделенной между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Пограничные противоречия между ними усилились в ходе Баткенских событий 1999–2000 гг. В тот период боевики ИДУ (Исламского движения Узбекистана) дважды проникали с территории Северного Таджикистана в Кыргызстан и Узбекистан. В 2000 г., опасаясь исламских экстремистов, узбекская сторона в одностороннем порядке заминировала границу с Таджикистаном и Кыргызстаном. Это повлекло многочисленные жертвы среди мирного населения. Недовольство кыргызской стороны вызывало также размещение вооруженных сил Узбекистана в своих анклавах Сох и Шахимардан, что, по мнению Бишкека, противоречило международным нормам [8].

В начале 2000-х гг. из-за планов Душанбе построить Рогунскую ГЭС Ташкент закрыл основную часть пропускных пунктов на границе с Таджикистаном, а также решил прекратить с ним железнодорожное сообщение.

Больше всего между ними было разногласий из-за стратегически важных объектов, находящихся на границе (напр., Фархадская ГЭС).

Конфликты между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном связаны, прежде всего, с этническими противоречиями, использованием водных и энергетических ресурсов, территориальными претензиями, неопределенностью границ на отдельных участках. В Центральной Азии установились извилистые, с резкими изгибами, очертания границ, которые затрудняют внутреннее передвижение в некоторых ее странах. К примеру, устойчивые коммуникации между Ошской и Джалал-Абадской областями, расположенными на юге Кыргызстана, возможны только через территорию соседнего Узбекистана. Подобные проблемы существуют и в Таджикистане. Так, чтобы доставить грузы из г. Душанбе в г. Худжанд (бывший Ленинабад), также необходимо проехать через узбекскую территорию.

Таким образом, нынешнее состояние государственных границ таит в себе почву для возможных разногласий, которые могут проявиться в форме как территориальных, так и этнокультурных притязаний. В свою очередь, этническая чересполосица и споры о территориальных границах – один из основных факторов, мешающих заложить надежный фундамент в строительство общего пространства безопасности в регионе [13: 223].

В кыргызско-узбекских двусторонних отношениях территориальный вопрос является самым сложным. К настоящему времени проведена делимитация большей части совместной границы, однако остались от 70 до 100 спорных участков. Для решения данного вопроса создана межправительственная кыргызско-узбекская комиссия, которая сталкивается с множеством трудностей в своей работе. Так, по мнению узбекской стороны, при проведении границы следует опираться на карту 1924 г. А Кыргызстан считает, что в качестве базы для переговоров должна служить карта 1955 г. В двусторонних взаимоотношениях важную роль играет анклавный фактор. Как уже отмечалось, на территории Кыргызстана имеется 4 узбекских анклава – Сох и Шахмардан с численностью населения от 40 до 50 тыс. человек, а также Джангайл и Чон-Гара. В свою очередь, и в Узбекистане имеется кыргызский анклав – село Барак, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области, с населением 589 человек [15: 322]. Таким образом, в современный период кыргызско-узбекские отношения характеризуются некоторой нестабильностью.

Лишь в 2017 г. стороны смогли достигнуть значимых договоренностей. В октябре указанного года в Ташкенте было заключено соглашение о делимитации границы, подписанное президентами двух стран (Шавкатом Мирзиёевым и Алмазбеком Атамбаевым), окончательно признавшими 1170 км из общей совместной границы протяженностью в 1280 километров [2]. Данное соглашение является результатом усилий, предпринятых правительствами обоих государств: с сентября 2016 г. узбекские и кыргызские делегации для изучения спорных участков проводили встречи на регулярной основе. Однако достичь согласия по анклавам, а также по 36 спорным участкам вдоль границы будет непросто, даже несмотря на стремление к урегулированию споров с обеих сторон.

Ситуация на границе Кыргызстана и Таджикистана также оставляет желать лучшего, особенно в последние годы. Из-за горного ландшафта и присутствия таджикских анклавов Ворух и Западная Калача в Баткенской области Кыргызстана кыргызско-таджикская граница протяженностью 970 километров является одной из самых сложных в регионе. Большая ее часть остается несогласованной – это 459 километров в Ферганской долине, а также 58 оспариваемых участков вдоль границы [2]. Для решения проблемы в 2000 г. была создана межправительственная комиссия по вопросам делимитации и демаркации. Лишь в ноябре 2015 г. был решен вопрос относительно 520 километров границы, в основном, в горной местности, не имеющей спорных участков.

В приграничных районах часто происходят инциденты. Особенно «плодотворным» в этом отношении был 2020 г., в течение которого произошло более десятка конфликтов между гражданами Кыргызстана и Таджикистана из-за спорных земель. В результате столкновений были погибшие и раненые. Но самый крупный конфликт произошел в конце апреля – начале мая 2021 г. у границ двух стран, в котором участвовали местные полупартизанские отряды, а также военнослужащие обеих сторон, применявшие авиацию и тяжелую технику. В результате погибли десятки человек, сотни получили ранения, сгорели дома и другие объекты [4: 37].

Не менее проблематичными являются отношения между Таджикистаном и Узбекистаном. В рамках, образованной в 2000 г. совместной комиссии по делимитации узбекско-таджикской государственной границы, стороны договорились взять за основу решения президиумов Верховных Советов Таджикской ССР и Узбекской ССР, принятые в 1961 г. Это явилось

очень важным шагом с точки зрения согласованности позиций сторон относительно нормативно-правовой основы регулирования границы [4: 37].

Несмотря на то, что по всем направлениям двусторонних отношений у них имеются разногласия, прорывы есть: узбекско-таджикская граница имеет протяженность 1332 км, из которых только 93 км остаются несогласованными. 84% от общей протяженности границ были определены в 2002 г. после подписания соответствующего соглашения о делимитации и его ратификации парламентами обоих государств [2]. В то же время по оставшейся части границы стороны до недавнего времени не могли прийти к согласию. 30–31 мая 2017 г. в Душанбе прошло заседание таджикско-узбекской межправительственной комиссии по делимитации и демаркации государственных границ. В январе 2018 г. состоялся визит премьер-министра Узбекистана А. Арипова в Таджикистан, в ходе которого прошел следующий раунд переговоров [11]. Во время заседаний двусторонней межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и переговорам по делимитации и демаркации государственных границ, которые прошли под председательством премьер-министров Узбекистана и Таджикистана, сторонам удалось прийти к согласию по спорному объекту – Фархадской гидроэлектростанции, построенной еще в советское время на границе между двумя странами. После развала СССР вокруг плотины и прилегающих к ней инфраструктурных объектов разгорелись территориальные споры. Было принято соглашение, согласно которому Таджикистану будет принадлежать земля, на которой находится объект, а плотина с оборудованием и инфраструктурой останется собственностью Узбекистана. Таким образом, был сделан важный прорыв в разрешении приграничных споров.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что национально-территориальное размежевание, проведенное во времена СССР, стало фактором, породившим проблему этнических анклавов, а также борьбу за земельные и водные ресурсы между государствами региона. Это привело к появлению затяжных погранично-территориальных противоречий. Важным является их своевременное решение на взаимовыгодной основе. В противном случае, если межгосударственные границы стран Центральной Азии не будут установлены в соответствии с практикой и нормами международного права, то будут обостряться существующие и, возможно, появляться новые конфликты, что является угрозой безопасности и стабильности в регионе.

Литература:

1. Аламанов С.К. Краткая история и опыт решения пограничных проблем Кыргызстана. Бишкек, 2005.
2. Абулхаирхан Жүнисбек / <https://www.eurasianresearch.org/publication/problematerryto-ryalnix-sporov/?lang=ru>
3. Бартольд В.В. О национальном размежевании в Средней Азии // Центральная Азия и Кавказ // ca_c.kz.
4. Бобокулов И. Международно-правовое оформление границ как условие региональной безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т.14. Вып. 2. 2011.
5. Брюс Панниер. Конфликт на кыргызско-таджикской границе: от камней и палок к пулям и бомбам / Радио Азаттык. 30 апреля 2021. 09:50.
6. Волков И.В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации. Бишкек. 2007.
7. Галиева З.И., Молдоев Э.Э. История государства и права Кыргызской Республики. Бишкек, 2014.
8. Дмитриев А. Узбекистан и Киргизия поссорились из-за 27 километров границы. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=2584>.
9. История кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2000.
10. Мамараимов А. Аламанов С.: Граница между Киргизией и Узбекистаном напоминает сито. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/1/3/69.html>
11. Озоди Д. Ссора Ашхабада и Ташкента затронет Москву // Российские вести, 2004. 1 июля. URL: <http://www.freeas.org/?nid=3106&print=1>
12. Ожукеева Т.О. XX век: возрождение национальной государственности в Кыргызстане. Бишкек. 1993.
13. Омаров Н.М. Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». Бишкек, 2005.
14. Тагайбекова А.А. Современные погранично-территориальные проблемы в Центральной Азии // Известия вузов, 2012, №8.
15. Чотонов У. Кыргызстан по пути суверенитета. Бишкек, 2007.
16. <https://rus.ozodi.org/a/28966212.html>

Скрипкина С. М.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КЫРГЫЗСТАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Ключевые слова: Кыргызстан, народное образование, историческая ретроспектива, дооктябрьский период, советская система, постсоветское время, многоуровневая концепция.

Аннотация: Раскрывается состояние народного образования в дооктябрьский период и последующая ликвидация неграмотности населения; представлены становление и основные этапы развития советского народного образования; рассматривается широкий спектр проблем и достижений в развитии образования в постсоветское время.

Кыргызстандагы элдик билим берүүнүн ретроспективдүү тарыхы

Негизги сөздөр: Кыргызстан, коомдук, билим берүү, тарыхый таянсак, алдын-октябрь мезгил, СССР системасы, СССР убакыт, көп баскычтуу түшүнүк.

Аннотация. Чейинки убагындагы жана сабатсыздыкты жоюу боюнча мамлекеттик билим берүүнүн абалын өсүшү; калыптандырууга жана СССР мамлекеттик билим берүүнүн өнүгүшүнүн негизги этаптары сунуш; Ал СССР доорунда билим өнүгүүнүн көйгөйлүү жана жетишкендиктер бир катар карайт.

Public education of Kyrgyzstan in historical retrospective

Key words: Kyrgyzstan, public education, historical retrospective, pre-October period, the Soviet system, post-Soviet time, multi-level concept.

Annotation: The state of public education in the pre-October period and the subsequent elimination of illiteracy of the population is revealed; presents the formation and main stages of development of Soviet public education; It considers a wide range of problems and achievements in the development of education in the post-Soviet period.

Народное образование до Октябрьской революции. В Кыргызстане функционировали в основном религиозные, чисто конфессиональные школы – медресе и мектебы. Они возникли на юге Кыргызстана ещё в первой половине XIX в., в северных районах появились во второй половине XIX в. По данным канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, к 1909 г. в Пишпекском уезде насчитывалось 14 мектебов, в Пржевальском уезде – 11, а на юге Кыргызстана, где особенно сильно сказывалось влияние мусульманского духовенства, было 169 мектебов [10: 265].

Обучение в мектебах по буквослогательному методу сводилось к чтению Корана, других религиозных книг, отрывков из произведений классиков восточной литературы, письму на арабском языке, простейшему счёту. Содержание религиозных книг, написанных на арабском и персидском языках, нередко не понимали сами учителя-муллы. Окончившие мектебы имели право продолжить учебу в медресе – высшей конфессиональной школе на мусульманском Востоке. Здесь учащиеся изучали мусульманское религиозное и гражданское право, науку исчислений, медицину, арабский язык. Его выпускники в основном являлись служителями мечетей и учителями (муллами) мектебов. Но из их среды наиболее способные и пробивные занимали должность мударриса – преподавателя медресе, казия – судьи-толкователя мусульманского права и муфтия – высшего мусульманского духовного лица, имевшего право выносить решения по религиозным и религиозно-юридическим вопросам.

Начиная с 1901 г., представители татарской интеллигенции организуют на территории Кыргызстана новометодные (усулижадид) школы, в которых наряду с вероучением изучались общеобразовательные дисциплины.

ны (арифметика, естествознание, география, история), на изучение которых из 25 педагогических часов недельной нагрузки отводилось только 5 часов. Обучение грамоте велось на татарском, казахском, узбекском языках с помощью букварей. Преподавание отвечало классовым интересам зарождавшейся мусульманской буржуазии.

Светские школы появились в Кыргызстане после его присоединения к России во второй половине XIX в. с притоком русского населения. Первая русская начальная школа была открыта в 1874 г. в Караколе, при которой организуется ученическая квартира для кыргызских детей. В 1876 г. в Оше открывается начальная школа (двухклассное училище), в Пишпеке – в 1879 г., в Токмаке и Беловодском – в 1880 г. Возникла сеть церковно-приходских школ в количестве 23, преимущественно в Пишпекском и Пржевальском уездах, с числом учащихся около 1500 человек.

Для проведения колониальной политики, управления на окраинах империи необходимы были переводчики и другие работники из представителей местного населения. С этой целью открываются русско-туземные школы, имевшие прогрессивное значение. Первая такая школа открылась в 1884 г. в Чуйской долине (с. Кара-Конуз), где обучались 23 ученика; в Токмоке – в 1897 г. и в 1911 г. – специальная женская русско-туземная школа [24: 480]. К 1914 г. на территории Кыргызстана функционировали 15 русско-туземных школ, из которых 10 было кыргызских, 3 дунганских и 2 татарских; 7 из них имели интернаты. В этих школах обучались только мальчики – около 300 человек. В целом в 1914 г. на 800 тыс. населения в Кыргызстане было всего 107 русских школ разных типов с общим числом учащихся 7041 чел., среди которых было всего лишь 574 кыргызца [10: 266]. Учебных заведений повышенного типа в Кыргызстане не было до конца XIX века. В 1897 г. в Пишпекке основана начальная прогимназия, в 1910 г. – гимназия (для юношей). Это была единственная гимназия на территории Кыргызстана. Для девочек прогимназия была открыта в Караколе в 1911 г. [4: 270]. До Октябрьской революции лишь единицы из числа кыргызов (дети знати) получали среднее образование.

Ликвидация неграмотности населения. После Октябрьской революции началась работа по созданию подлинно народной системы образования. Наряду со школами нового типа создавались пункты, вечерние курсы по ликвидации неграмотности среди населения. Борьба за всеобщую грамотность стала одной из решающих предпосылок коренных преобразований в

сферах общественных отношений, народного хозяйства, культуры. Уже в ноябре 1917 г. в Наркомпросе РСФСР был создан внешкольный отдел под руководством Н.К. Крупской, одной из главных задач которого стала организация ликвидации неграмотности в стране. Только за первый год Советской власти было издано около 200 декретов и постановлений правительства по вопросам образования.

Декрет Совнаркома Российской Федерации от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» положил начало практической работе по преодолению неграмотности. Правительством Туркестанской АССР аналогичный документ был принят в сентябре 1920 г. По этому декрету все население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязывалось обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию. В декабре 1920 г. при Наркомпросе Туркестанской АССР для координации деятельности всех организаций по обучению взрослого населения учреждается Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. При областных, уездных и волостных отделах народного образования в крае были созданы аналогичные комиссии и отделы политического просвещения, которые открывали кружки, курсы и пункты ликбеза, подбирали для них учителей. Такая же оперативная цепочка прослеживается при принятии любого указа из Центра страны. Так Советское государство без проволочек и показной благотворительности немедленно приступило к решению задачи, которую не могли решить ни монархия, ни буржуазия.

В марте 1924 г. ЦИК Туркестанской АССР принял решение о создании специального фонда им. В.И. Ленина по ликвидации неграмотности в республике. В июле 1924 г. состоялся первый Всетуркестанский съезд по ликвидации неграмотности, на котором приняли решение о создании крайне необходимой для Туркестана организации – общества «Долой неграмотность» по образцу одноименного Всесоюзного добровольного общества, руководимого М.И. Калининым. Накануне национально-государственного размежевания Средней Азии в Туркестанской АССР функционировало 470 школ ликбеза (с 13626 учащимися), в том числе в Каракольском уезде – 36, в Нарынском – 23, на юге – 38. Всего в Кыргызстане в 1924 г. школы посещало 3100 человек [11: 93].

Как показали итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г., общая грамотность жителей Кыргызстана в то время составляла лишь 15,1% (по СССР – 51,1%), а среди местного населения она была намного ниже – всего

4,7% [9: 193]. В связи с этим необходимо было в кратчайшие сроки пересмотреть формы и методы работы по ликвидации неграмотности. В штаты районных отделов были введены должности инструкторов по школам взрослых. Все культурные силы, вплоть до учащихся старших классов, были привлечены к работе по ликвидации неграмотности. К обучению привлекли десятки тысяч неграмотных мужчин и женщин. На 10 августа 1936 г. школами ликбеза было охвачено 93 тыс. неграмотных и 21,5 тыс. малограмотных [3: ф. 10, оп. 8, д. 5, л. 171–172, 194–195], а в следующем году – 170 тыс. человек [3: ф. 56, оп. 1, д. 1143, л. 67–68].

Все эти и другие меры позволили широким фронтом развернуть работу по ликвидации неграмотности. В результате этой всенародной борьбы с неграмотностью в 1934–1937 гг. в республике было охвачено обучением более 400 тыс. человек. В 1938 г. школы ликбеза посещали 194 тыс. человек, в том числе 126 тыс. неграмотных и 68 тыс. малограмотных. Появились первые колхозы и совхозы, айылы и сельские советы сплошной грамотности. К концу 1938 г. общая грамотность в Кыргызстане составляла уже 70%, а среди населения в возрасте от 9 до 49 лет – 80%, в том числе среди мужчин – 89,4, среди женщин – 74,4% [14].

Ликвидация неграмотности населения продолжалась и в последующие годы, но ее завершению помешала Великая Отечественная война. После победы над фашистской Германией работа по окончательной ликвидации неграмотности возобновилась и продолжалась до конца 50-х годов. Как показала Всесоюзная перепись 1959 г., в Кыргызстане были грамотными 97,9% городского и 98,1% сельского населения в возрасте 9–49 лет [21: 325].

Развитие народного образования. В апреле 1918 г. на V съезде Советов Туркестана был создан Народный комиссариат просвещения, а на местах – отделы народного образования при исполкомах областных и уездных Советов. Образование и воспитание передавалось в ведение Народного комиссариата по просвещению. СНК Туркестанской АССР 14 мая этого же года издал приказ об организации в республике единой трудовой школы, где говорилось: «Школы всех рангов и ведомств открыты теперь для всех желающих учиться в них без различия возраста, национальности, вероисповедания и свидетельств. Единственным условием для поступления в любой класс любой школы Туркестанской республики отныне является только желание учиться» [12]. В решении Пишпекского уездного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов (сентябрь 1918 г.) отмечалось, что в организации

новых школ «особое внимание должно быть обращено на мусульманские массы как наиболее непросвещенные» [5].

В связи с почти полным отсутствием материальной базы широко практиковалась реквизиция под школы домов представителей эксплуататорских классов. С установлением Советской власти воспитание детей дошкольного возраста, на которое до Октября не обращали никакого внимания, стало составной частью всей системы народного образования. Одним из первых, в сентябре 1918 г. открылся детский сад в г. Оше, немного позже – в Пишпеке. К 1920 г. в Караколе работали уже два, в Пишпеке – 4 детских сада [8: 210].

Итак, параллельно с ликвидацией неграмотности населения проводилась работа по созданию совершенно новой системы народного образования, основные принципы, структура и задачи которой были определены Положением «О единой трудовой школе» и постановлением «О школах национальных меньшинств», принятыми ВЦИК и Наркомпросом РСФСР в октябре 1918 г. В соответствии с этими документами вместо ранее действовавших многочисленных и разнообразных типов и видов учебных заведений создавалась единая трудовая школа с двумя ступенями: первая – для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс обучения) и вторая – для детей от 13 до 17 лет (4-летний курс обучения). Обучение стало светским, бесплатным, обязательным и совместным для мальчиков и девочек школьного возраста независимо от их национальной принадлежности, с преподаванием на родном языке.

6 декабря 1918 г. ЦИК Туркеспублики утвердил Положение «Об организации дела народного образования в Туркестанской АССР», положившее начало становлению школьного образования в Кыргызстане. Вместо религиозных и новометодных мектебов, русско-туземных и различных типов русских школ стали создаваться светские трудовые школы.

Следует сказать, что более успешному и быстрому решению этой важнейшей проблемы помешали непродуманные реформы национальной письменности. Первый Учредительный съезд Советов Киргизской АССР принял 12 марта 1927 г. постановление о введении в Киргизии нового киргизского алфавита. Решением Президиума ЦИК республики 12 декабря этого же года арабский алфавит заменен новым киргизским алфавитом на основе латиницы. 31 января 1941 г. сессией Верховного Совета Киргизской ССР утвержден проект о переводе киргизской письменности с латинизированного на русский алфавит. Таким образом, национальная письменность за пер-

вые 15 лет своего функционирования переводилась с арабского алфавита на латинскую графику, затем с латинской – на современную – кириллицу, вследствие чего одного и того же человека пришлось трижды обучать (переобучать) грамоте.

В середине 20-х годов в Кыргызстане наряду с общеобразовательными школами открываются средние специальные учебные заведения. В 1925 г. были организованы два сельскохозяйственных и два педагогических техникума. Значительным событием для республики явилось открытие в ноябре 1925 г. в Пишпеке Института просвещения, ставшего впоследствии поистине кузницей кадров киргизской интеллигенции. В 1927 г. это учебное заведение было реорганизовано в педагогический техникум.

В 1925 г. в Оше начал работать педтехникум с одногодичным сроком обучения, но в 1926 г. срок обучения в нем был увеличен до трех лет. С 1927г. в столице начал работать рабфак, в 1928 г. открылся педтехникум в Джалал-Абаде, в 1929 г. – медицинский техникум во Фрунзе. В последующие годы открывались все новые и новые средние специальные учебные заведения. В этот период начали работать советско-партийные школы, в которых обучались будущие руководящие кадры. К концу 1940 г. в Кыргызстане функционировало уже 33 техникума, в том числе 11 сельскохозяйственных, 8 медицинских, 6 педагогических, 3 техникума, готовящих специалистов для промышленности, строительства и транспорта, 3 – специалистов в области экономики и права, 2 – работников искусства. К концу 1940 г. ими было подготовлено 3875 специалистов. В 1930/31 учебном году было введено всеобщее обязательное начальное обучение, что ознаменовало новый этап в развитии школьного образования, и соответственно потребовало больших усилий. В течение только одного года были открыты более 300 новых начальных школ, число учащихся увеличилось до 95 тыс. детей. В 1932/33 учебном году в республике функционировали 1491 начальная, 65 неполных средних и всего 4 средних школы [21: 326].

В октябре 1932 г. открылось первое высшее учебное заведение – Киргизский государственный педагогический институт им. М.В. Фрунзе, положивший начало развитию высшего образования в республике.

По постановлению ЦИК Киргизской ССР с 1938 г. вводилось обязательное изучение русского языка в киргизских и других нерусских школах. Были составлены новые учебные программы с учетом особенностей изучения русского языка в нерусских школах. Перевод письменности на русский

алфавит, упорядочение грамматики и орфографии киргизского языка, издание новых словарей и учебников облегчили изучение как родного, так и русского языка.

С каждым годом в республике крепла и расширялась сеть высших учебных заведений, росло количество студентов и профессорско-преподавательского состава. Так, в 1939 г. открыты Киргизский медицинский и Ошский учительский институты, а в следующем году – Пржевальский учительский институт. В годы войны в Кыргызстан были эвакуированы 12 высших и средних специальных учебных заведений. Высшие учебные заведения, перебазированные из центральных городов страны, сыграли большую роль в подготовке кадров из коренной национальности.

В течение *пяти послевоенных лет* в республике был восстановлен довоенный уровень школьного образования: в 1950/51 уч. году в 1638 школах обучалось 328858 детей, работало более 16300 учителей. На нужды образования в 1950 г. израсходовано 413,7 млн. руб., или в 2,4 раза больше, чем в 1940 г. [15: 174]. В 1945–1950 гг. выпущено свыше 300 названий оригинальных и переводных учебников, а также методической литературы тиражом более 3,6 млн. экземпляров, а учащиеся начальных классов были полностью обеспечены учебниками на родном языке.

В целях усиления учебно-методической помощи школам и повышения квалификации работников народного образования в 1945 г. был организован Республиканский институт усовершенствования учителей. В 1950 г. начал свою деятельность Киргизский научно-исследовательский институт педагогики. С 1953 г. стала издаваться «Учительская газета» («Мугалимдер газетасы»), с 1958 г. – журнал «Русский язык и литература в киргизской школе», способствовавшие существенному повышению квалификации учительских кадров.

В процессе дальнейшего развития среднего специального образования в республике, значительное внимание уделялось системе вечернего и заочного форм обучения. Для рабочих, колхозников и практиков, занимающих инженерно-технические должности, были организованы Фрунзенские вечерние техникумы машиностроительный (1951) и легкой промышленности (1954), советской торговли и Джалал-Абадское училище (1954), Таласское медицинское училище (1955), Таласский сельскохозяйственный и Нарынский зооветеринарный техникумы (1956), Фрунзенский автодорожный

техникум Министерства автотранспорта и шоссейных дорог Киргизской ССР (1957).

Важную роль в повышении общеобразовательного и культурно-технического уровня трудящихся Киргизии играли школы рабочей и сельской молодежи, которые функционировали в СССР уже с 1944 г. Процесс обучения осуществлялся на базе промышленных предприятий,строек, колхозов и совхозов, за которыми были закреплены училища. Всего за 1946–1960 гг. в училищах и школах системы трудовых резервов республики было подготовлено 36,3 тыс. молодых рабочих для промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства [16: 179].

В связи с растущими потребностями народного хозяйства Кыргызстана в специалистах создавались все новые средние специальные и высшие учебные заведения. За 10 лет (1951–1960) организованы 26 техникумов и училищ, в том числе 5 медицинских и 4 музыкальных училища, 4 педагогических техникума, машиностроительный, политехнический, автодорожный, электромеханический, 2 строительных техникума, 2 техникума торговли, авиационно-техническое и хореографическое училища и другие. В первой половине 50-х годов был открыт Киргизский государственный университет (1951), начали свою деятельность Ошский (1951), Киргизский женский (1952), Пржевальский (1953) пединституты, Фрунзенский политехнический (1954) и Институт физической культуры (1955). В 1967 г. – Институт искусств, в 1979 г. – Педагогический институт русского языка и литературы (ныне Бишкекский гуманитарный университет).

17 июля 1973 г. на шестой сессии Верховного Совета СССР были приняты «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании». Этот большой многоплановый документ закрепил основные принципы построения системы народного образования, кодифицировал важнейшие решения в области образования, отразил богатейший педагогический опыт в нашей стране, сформулировал задачи, стоящие перед народным образованием, создал прочную правовую базу для всех типов учебно-воспитательных учреждений в Советском Союзе. Исходя из положений Конституции, в СССР в 1974 г. был принят первый «Закон об образовании».

Одной из важных задач советской школы являлось *введение политехнического обучения*. Производственное обучение было введено еще в конце

50-х годов в 40 школах республики, а по опыту передовых школ Ставропольского края РСФСР создавались ученические производственные бригады, способствовавшие подготовке учащихся к практической деятельности.

Успехи в развитии народного образования позволили к началу 80-х годов решить задачу большой социальной значимости – в основном завершить переход ко всеобщему среднему образованию молодежи в Кыргызстане. В 1980/81 учебном году в 1614 школах (из них 1036 – средние) обучалось 828 тыс. учащихся. В 1987/88 учебном году в 1733 школах всех типов обучалось 912,6 тыс. учащихся, воспитанием их занималось 68 тыс. учителей, из них 74% имели высшее образование. Иначе говоря, за 70 лет Советской власти количество школ увеличилось в 16 с лишним раз, число учащихся в них – в 130, учителей – в 315 раз [21: 328]. В 1990/91 учебном году в 9 вузах республики обучались 58,8 тыс. студентов, в 48 средних специальных учебных заведениях – 43,4 тыс. учащихся [9: 211].

Но наряду с огромными успехами в сфере школьного образования в этот период имелись и серьезные недостатки. Не был преодолен отрыв школы от жизни, обучения – от практики. Идея «единой» школы была превращена в идею «единственной» школы, все программы и учебники по гуманитарным дисциплинам, вся учебно-воспитательная работа в школе были идеологизированы, не допускались новые альтернативные методы обучения. Постепенно сужалась сфера применения киргизского языка. Знание русского языка неофициально признавалось как обязательное условие при выдвижении кадров на руководящие должности. Во многих аилах и селах стали закрываться киргизские школы.

Необоснованное прекращение изучения киргизского языка в русских и других некиргизских школах республики, широкое применение русского языка в общественно-политической и культурной жизни, в делопроизводстве Кыргызстана привело к сужению функций киргизского языка, сокращению количества киргизских школ, что отрицательно сказалось на дальнейшем развитии родного языка. В процессе перехода к всеобщему среднему образованию снизились требования к освоению предметов.

Финансирование всех отраслей культуры, в первую очередь, образование и его материально-техническое обеспечение взяло на себя Советское государство, поэтому во всех сферах жизнедеятельности общества советского периода доминировала роль партии и государства, установивших полный контроль над его духовной жизнью.

Советская школа не только решала общеобразовательные задачи, обучая учащихся знаниям законов развития природы, общества и мышления, трудовым навыкам и умениям, но и формировала у них на этой основе коммунистические взгляды и убеждения, воспитывала в духе высокой нравственности, советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Советская система среднего и высшего образования подготовила миллионы образованных, грамотных людей. Она вырастила замечательные кадры выдающихся ученых, инженеров, конструкторов и т.д.

Именно советская система образования и коллективистского воспитания сделала СССР второй державой мира за очень короткий исторический срок – менее 70-ти лет (если учесть годы революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, когда рост благосостояния граждан был просто невозможен). Советская система образования имела целый ряд важных достоинств, как с позиции эффективности обучения и подготовки кадров, так и с точки зрения социальной направленности. Но она отставала в материально-техническом оснащении, нуждалась в модернизации в соответствии с мировыми образовательными тенденциями и адаптации к новым рыночным отношениям.

Народное образование в условиях независимости. С переходом Кыргызстана на рыночные отношения началась реформа образования, так как прежняя система перестала отвечать новым экономическим, техническим и духовным требованиям, и утратила свою эффективность. Но с распадом советской системы оказалось, что суверенное государство Кыргызстан не может обеспечить такое же качество и объем образования, исследований и знаний в широком смысле, к которому привыкло население. Государственные расходы на образование резко сократились. Так, в период между 1990–2001 гг. в Кыргызстане доля расходов на образование в ВВП сократилась с 8,3 до 3,1% (при этом среднемировой уровень составлял 4,1%) [7: 33].

Экономические и социальные сложности переходного периода отразились, прежде всего, на школе. *Во-первых*, ограничение реальной доли государственных расходов на базовое образование привело к ухудшению состояния инфраструктуры: старение зданий и сооружений, основных фондов учреждений школьного звена, отсутствие необходимого материально-технического обеспечения. *Во-вторых*, наметилась тенденция сокращения доступности образования, особенно для малоимущих слоев населения, возникновение неравенства в получении качественного образования в результа-

те удорожания сферы базового образования в силу роста цен на учебники и учебные пособия, школьные принадлежности, продукты питания, одежду, обувь. В-третьих, падение уровня обеспеченности, отсутствие постоянных информационных каналов, средств связи и взаимодействия методических информационных служб привело к сокращению возможности регулярного повышения квалификации педагогов. Все это явилось следствием снижения качества и эффективности школьного образования и падения престижа педагогической профессии в обществе.

Прежняя идеологическая база образования была разрушена, а новой еще не было. Первые документы в области образования положили начало становлению и формированию новой системы образования в Кыргызстане при сохранении советской образовательной традиции. Принятый в 1992 г. закон «Об образовании» определил программу развития образования на ближайшее время, установил основные принципы, новую многоуровневую структуру. Разработка государственных образовательных стандартов и создание национального Базисного учебного плана позволили сохранить единое образовательное пространство как внутри страны, так и за ее пределами. Система школьного образования в республике, несмотря на все издержки, сумела выжить.

В 1995–1997 гг. происходит концептуально-програмная модернизация образовательной сферы: принята концепция «Образование через культуру» (1995, март) и Президентская программа «Кадры XXI века» (1995, сентябрь). Ввиду значимости данной проблемы 1996 год объявляется «Годом образования», но самым значительным шагом в этом направлении стала Национальная образовательная программа «Билим» (1996–2000). В ее рамках разработан комплексный план мероприятий по устранению возникших негативных явлений. В Закон «Об образовании» вносятся дополнения и изменения (ноябрь 1997), в соответствии с которыми развивается дифференциация школьного образования, внедряются платные формы обучения и вводятся современные образовательные технологии, учебные планы и программы, создаются альтернативные типы и виды школ (гимназии, лицеи и др.), общеобразовательные учреждения с негосударственной формой собственности, лицеи с двойной формой подчиненности [2: 3–7]. Создавалась новая структура школьной сети с учетом интересов и склонностей детей. В 1999 г. была принята уникальная Государственная программа «Доступ к образованию (Жеткинчек)», в которой открыто признавалось наличие детей, не

посещающих школу, и предлагалась система мер по всеобщему охвату образованием детей школьного возраста. Но, спустя 10 лет, проблема все еще оставалась. Так, в 2009 г. из общей численности детей в возрасте от 7 до 15 лет (958,7 тыс. чел.) более 29 тыс. не обучались ни в каких образовательных учреждениях, из них 9,3 тыс. в городах и 19,7 тыс. – в сельских местностях [20: 235]. Материальная база школьной сети не удовлетворяет все возрастающий рост населения Кыргызстана. В 2018 г. в стране в три смены работала 151 школа (каждая пятнадцатая). 90 школ Бишкека рассчитаны на 75 тыс. учащихся, но фактически в них учатся 170 тысяч [26].

В настоящее время образование в Кыргызстане является обязательным в течение девяти лет, в возрасте от семи до пятнадцати лет. После четырех лет начальной школы и пяти лет средней школы, система предлагает два года старшей общей школы, средней специальной школы или профессионального училища. Структура образования охватывает 8 официальных уровней, утвержденных Законом КР «Об образовании» в редакции 1992, 1997 и 2003 гг. [6: 4–36]. *Дошкольное образование* для детей от 6 месяцев до 7 лет – ясли и детские сады. *Школьное образование*, являющееся основным звеном системы образования, включает 3 ступени: начальное общее – 1–4 классы; основное общее – 5–9 классы; среднее общее – 10–11 классы, охватывает разные типы школ (лицеи, гимназии и пр.) и предусматривает для детей также и дополнительное образование. *Профессиональное образование* включает 4 уровня: начальное профессиональное – профтехучилища (лицеи); среднее профессиональное – училища, техникумы, колледжи; *высшее профессиональное* – разные типы вузов; послевузовское профессиональное – аспирантура, докторантура. Структура образования завершается *дополнительным профессиональным образованием* для взрослых.

Создание глобальных электронных сетей революционным образом повлияло на современное образование, активизируя интеграционные процессы в нем. В Кыргызстане доступ к сети Интернет стал возможным в 1994 г., в 1998 г. к нему уже подключились 10 университетов и 50 школ [13: 10]. В 2011 г. сотовая компания Мегаком в соответствии с проектом «Мегабиблим» отправила в сельские школы и интернаты республики 1000 компьютеров со специальным программным обеспечением, доступом в Интернет с подключением к интерактивному обучению. В 2014 г. лидер сотового рынка компания Билайн запустил уникальный проект «Интернет-библиотеки», предоставивший возможность кыргызстанцам бесплатно получать доступ к

информации, знаниям и чтению оцифрованных электронных книг. За год было интернетизировано 213 библиотек по всей стране и проведены обучающие семинары в 45 школах в соответствии с проектом «Мобильная грамотность» [23: 52–53]. Сегодня вузы и большинство школ республики подключены к системе Интернет.

Система среднего профессионального образования (СПО) включает два уровня: начальное (техническое) профессиональное – профтехучилища (лицеи); среднее профессиональное – училища, техникумы, колледжи. В связи с изменением ситуации на рынке труда, ПТУ стали менять перечень подготавливаемых профессий. Ежегодно профтехучилища заканчивали более 20 тыс. чел., в том числе проходили переобучение около 10 тыс. человек по 63 специальностям [25: 25–26].

Средние профессиональные учебные заведения (спузы). Большинство спузов (более 59%) располагается в регионах республики. Наибольшее их количество – в Ошской области. Объем государственных расходов на систему СПО составил в 2005 г. 8,3% от общих государственных затрат на образование, в то время как на высшее профессиональное образование было израсходовано 19,6% [22: 295]. На начало 2004/05 учебного года обучение в спузах проводилось по 55 специальностям: 30,2% студентов приходилось на долю здравоохранения, 21,6% – экономики и управления, 8,8% – образования, 5% – культуры и искусства, 4,8% – сельского и рыбного хозяйства, 4,5 – технологических машин и оборудования [22: 296–297]. Ежегодно растет количество студентов спузов (в основном за счет обучающихся на контрактной основе). Так, если в 2000 г. в 53 спузах обучалось 26,6 тыс. человек [19: 19–20], то в 2009/10 учебном году численность обучающихся составила 57 тыс. человек и по сравнению с 2006 г. увеличилась на 29% за счет открытия дополнительных государственных и частных учебных заведений [20: 222]¹.

В спузах создаются подсобные хозяйства и учебно-производственные комплексы в сотрудничестве с производственными предприятиями и организациями сферы услуг, с которыми заключаются договоры на прохождение производственной практики студентов с последующим трудоустройством выпускников. Около 30 спузов входит в учебно-научно-производственные комплексы вузов, в которых используется и вузовский профессорско-преподавательский состав. Такое сотрудничество позволяет повысить каче-

¹ Подсчитано автором по данным переписи 2009 г.

ство обучения и обеспечить непрерывное образование для желающих получить высшее образование.

Систему высшего профессионального образования Кыргызской Республики образуют высшие учебные заведения трех типов: университет, академия, специализированный вуз (институт), которые реализуют программы высшего и послевузовского образования по широкому спектру специальностей. Возрастающая потребность населения в образовании способствует быстрому росту *сети высших учебных заведений*. Если в 1990 г. было 9 вузов с общим числом студентов 58,8 тыс. человек, то в 1999 г. – 39 вузов с контингентом студентов около 146 тысяч, из них 26 государственных и 13 частных, в которых обучались более 13,2 тыс. студентов [18: 44]. К 2005 г. число вузов увеличилось более чем в 5 раз (стало 49², из них государственных – 33), а контингент студентов вырос в 3,7 раза. В 2022 г. в стране функционирует уже 60 вузов, в которых обучается до 230 тысяч студентов [26].

Для обеспечения доступности высшего образования для населения всех областей республики используется региональный принцип размещения вузов. В 1991 г. 80% всех вузов находились в столице, а в 2009 г. они составили 70% и в них обучалось 53% всех студентов страны [1: 26]. Региональные различия в уровне образования в целом невелики, за исключением г.Бишкек, где доля лиц с высшим профессиональным образованием превысила среднереспубликанский показатель в 2 раза.

По данным трех переписей, за 20-летний период (1989–1999–2009), несмотря на высокий уровень эмиграции, доля постоянного населения в возрасте 15 лет и старше с высшим образованием на одну тысячу населения динамично возросла с 94 чел. в 1989 г. до 105 – в 1999 г. и 124 – в 2009 г. [20: 131]³. Заметно улучшился такой общепринятый показатель образованности населения, как число студентов (вузов и спузов), приходящихся на 10 тыс. населения. Если в 1990 г. этот показатель в Кыргызстане был равен 130 [22: 307], то к 2009 г. он увеличился в 4,2 раза – 548 [20: 224]⁴.

Отечественная система высшего профессионального образования успешно выполняет и еще одну важную социальную функцию, внося существенный вклад в решение гендерной проблемы транзитной Кыргызской

² В 2015 г. в Кыргызстане насчитывается уже 60 вузов [Электронный ресурс].

³ Подсчитано автором по данным переписи 2009 г.

⁴ Подсчитано автором по данным переписи 2009 г.

Республики – в направлении повышения образовательного уровня женщин страны. Перепись населения Кыргызстана в 2009 г. не выявила существенных различий между уровнем образования мужчин и женщин. Более того, если среди мужчин доля лиц с высшим образованием достигла 11,3%, то среди женщин она составила почти 13,4%. Еще более высокий уровень образованности женщин наблюдается среди специалистов, имеющих среднее профессиональное образование, то есть их насчитывается в 1,8 раза больше, чем мужчин [20: 138]⁵.

Введение многоуровневой системы образования заложило начало трансформации высшей школы Кыргызстана в соответствии с международными стандартами. Создается сеть высших учебных заведений (колледжи, институты, университеты, академии), вводится система контрактного обучения, открываются региональные вузы; параллельно с государственными начинают функционировать частные вузы.

Высшая школа Кыргызстана оперативно перешла на рыночные взаимоотношения, активно используя негосударственные источники финансирования. Основным источником вузовского бюджета стала плата за обучение, что дало возможность вузам, начиная с 1995 г., достаточно стабильно развиваться в финансовом отношении. Расходы на высшее образование в целом постоянно росли за счет собственных доходов вузов, несмотря на снижение государственных отчислений от ВВП: 1991 г. – 6% от ВВП, 1997 г. – 4,1%, 2001 г. – 3,9%. В 2005 г. бюджетное финансирование составляло 24% доходов вузов, а 76% давало платное обучение [22: 311].

Система высшего образования Кыргызстана стала самой массовой среди всех отраслей социальной сферы страны и едва ли не единственной сферой государства, показавшей устойчивый и стремительный рост на фоне всеобщего хаоса и развала фактически всех отраслей народного хозяйства кыргызстанского кризисного социума. Она стала одной из бюджетообразующих сфер отдельных регионов и всей Кыргызской Республики. Так, по результатам оказания платных услуг населению система образования, в которой доминирующую позицию занимала высшая школа, вышла на 4-е место после транспортных, коммунальных и бытовых услуг [1: 23].

Реформированная высшая школа Кыргызстана характеризуется такими новыми чертами, как *непрерывность образования* в соответствии с лозунгом «Образование на протяжении всей жизни», в отличие от прошлого –

⁵ Подсчитано автором по данным переписи 2009 г.

«Образование на всю жизнь»; *гибкость* – способность откликаться на новые потребности, создавать восприимчивые к переменам структуры (частные вузы, дистанционное обучение и др.); *вариативность*, придавшая системе классификационное разнообразие; *динамичность* (активное содержательное развитие); *открытость*, нацеленная на укрепление контактов с зарубежными образовательными учреждениями и способствующая активному обмену информацией, контингентом преподавателей и студентов.

Реализация идеи обучения в течение всей жизни даст возможность человеку не «выпадать» из общества в условиях быстрого научно-технического прогресса, структурной перестройки, отмирания старых и рождения новых профессий. Благодаря политике реформ за короткое время национальной системе образования удалось сохранить устойчивость развития, установить многообразие учебных программ на всех уровнях образовательной лестницы, предложить альтернативные формы и новые технологии обучения, добиться многоканальности финансирования, провести децентрализацию системы управления и ее демократизацию.

В 2018 г. по данным Министерства образования и науки в Кыргызстане функционировали 1296 дошкольных образовательных учреждений и 2236 школ, включая 18 специализированных учреждений, из них 409 с углубленным изучением различных предметов и 92 частные, которые посещали 1349413 детей. Свыше 80% школ находятся в сельской местности. 75% школьников посещают школы с кыргызским языком обучения (1423 школы). Только 216 школ в КР – с русским языком обучения. Всего в стране 551 кыргызско-русская школа, 43 узбекских, 3 таджикских. За 5 лет число школьников увеличилось на 16%, превысило 1,1 млн. В городах возросло на 25%, в сельских регионах – на 12% [26].

Сегодня в Бишкеке функционирует 187 муниципальных образовательных организаций: 96 школ, 85 дошкольных (74 простых детских сада и 11 специализированных) и 6 внешкольных организаций. Есть еще 55 частных школ, 13 ведомственных, 116 частных детских сада, имеющих лицензию [26]. В январе 2022 г. Министерство образования и науки внесло на рассмотрение Минфина и Госстроя список на строительство 357 школ, кроме того, в стране насчитывается 245 аварийных школ.

В 2022 г. в школах страны не хватало более 900 учителей. Больше всех в них нуждается Чуйская область – 305 чел., менее всего нуждается город Ош – 9 учителей. Контингент учителей растет очень низкими темпами.

Если в 2012/13 учебном году в КР было 77,1 тыс. учителей, то в 2021/22 уч./году – 82,7 тысяч. Если рассматривать только государственные школы, то количество педагогов за 10 лет выросло всего на 1,2 тысячи [26].

В настоящее время уровень грамотности 6-миллионного населения Кыргызстана достаточно высок и составляет около 97%. Государственные расходы на образование за последние годы увеличились более чем в 2 раза, продолжается формирование нормативной правовой базы, обеспечивающей закрепление современных принципов организации образования, а также их содержательных аспектов. Ибо в Законе Кыргызской Республики «Об образовании» утверждается, что «Образование является приоритетным стратегическим направлением государственной политики Кыргызской Республики» [17: 8].

Литература:

1. *Абдырахманов Т.А.* Высшее профессиональное образование Кыргызской Республики как важнейший фактор в решении социальных задач переходного общества: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. – Бишкек, 2010.
2. *Айдаралиев А.А., Наркозиев А.К.* Опыт внедрения дистанционного образования в Международном университете Кыргызстана // Вестник МУК. –2010.– №1.– С. 3–7.
3. Архив Кыргызского филиала Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. – Фрунзе. Ф. 10, оп. 8, д. 5; ф. 56, оп. 1, д. 1143.
4. *Асанканов А.А.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): Учеб. для выс. уч. зав., изд. 3, доп. – Бишкек: ОАО «Эркин-Тоо», 2009.
5. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917–1920 гг.): Док. и материалы. – Фрунзе, 1957.
6. Закон Кыргызской Республики «Об образовании», от 30 апреля 2003 года // Настольная книга работника образования Кыргызской Республики (Мин-во образования и науки КР). – Бишкек, 2015.
7. *Ибраимова Ч.* Финансирование образования в Кыргызской Республике // Реформа №2, 2004.
8. История Киргизской ССР: Т. 2, кн. 1 / Ред. совет: К.К. Каракеев, А.Г. Зима, С.К. Керимбаев и др. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968.
9. История Кыргызстана в схемах и комментариях: Уч. пособие / автор-составит. Т. Джуманалиев. – Бишкек, 2012.
10. Киргизская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедия. – Фрунзе, 1982.
11. Культурное строительство в СССР: Стат. сб. – М.–Л., 1940.
12. Культурное строительство в Туркестанской АССР, 1917–1924: Сб. док., т. 1. – Ташкент, 1973.
13. *Курбанова Н.У.* Интеграция Кыргызстана в мировое образовательное пространство: Автореф. дис... к. и. н. – Бишкек, 2001.
14. Кызыл Кыргызстан. – 1936. – 28 июня.
15. Народное хозяйство Киргизской ССР: Стат. сб. – Фрунзе: Госстатиздат, 1960.

16. Народное хозяйство Киргизской ССР в 1960 году [Текст]: Стат. ежегодник – Фрунзе: Госстатиздат, 1961.
17. Настольная книга работника образования Кыргызской Республики (Министерство образования и науки КР). – Бишкек, 2015.
18. Наука и образование: потребность, возможность, прогноз. – Вып. 2. – Бишкек: ЦЭиСР при МФ КР, 2000.
19. Наука Кыргызстана в цифрах: Стат. сб. – Бишкек: Технология, 2000.
20. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года: Книга 2 (часть первая). Население Кыргызстана. Нацстатком КР. – Бишкек, 2010.
21. *Плоских В.М.* История кыргызов и Кыргызстана: Уч. для вузов, изд. 2 / В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев. – Бишкек: Раритет Инфо, 2009.
22. Стратегическая матрица Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития / Под общей редакцией А.Б. Байшуакова. – М.-Алматы: Институт экономических стратегий–Центральная Азия, 2007.
23. Тренинговое пособие по эффективному школьному управлению (USAID – Агентство США по международному развитию). – Ош, 2015.
24. Чуйская область: Энциклопедия. – Бишкек, 1994.
25. *Эсенкулов Н.Ж.* Политическая и социально-экономическая трансформация независимого Кыргызстана (1991–2009 гг.): Автореф. дис.... д-ра ист. наук. – Бишкек, 2011.
26. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bilim.akipress.org>

Старусева Т.И.

Интернациональное и патриотическое воспитание населения Кыргызстана в 1961–1985 гг.

Ключевые слова: политико-воспитательная работа, идеологическая, интернациональное воспитание, патриотическое, взаимодействие, общественные организации, научные и культурно-просветительные учреждения.

Аннотация. В статье дан подробный анализ состояния идеологической, политико-воспитательной работы в Кыргызстане в 60-х годах двадцатого столетия. Подчеркивается тесное взаимодействие общественных организаций, научных и культурно-просветительных учреждений в борьбе за повышение эффективности патриотического и интернационального воспитания советской молодёжи и населения.

Интернационалдык жана патриоттук тарбиялоо 1961–1985-жылдарда Кыргызстандын калкы

Негизги сөздөр: саяси-тәрбие жумысы, идеялык, интернационалдык тәрбие, патриоттук, эзара карым-катынас, когамдык уйымдар, гылыми жэне мэдени-агартуу мекемелер.

Аннотация. Макалада ХХ кылымдын 60-жылдарында Кыргызстанда идеологиялык, саясий-тарбиялык иштердин абалы кеңири талдоого алынган. Советтик жаштарды жана калкты патриоттук жана интернационалдык тарбиялоонун натыйжалуулугун жогорулатуу учун куреште коомдук уюмдардын, илимий, маданий-агартуу мекемелеринин тыгыз өз ара аракетте-ри баса белгиленген.

International and patriotic education

population of Kyrgyzstan in 1961–1985 years

Key words: political educational work, ideological, international education, patriotic, interaction, public organizations, scientific and cultural and educational institutions.

Annotation. The article provides a detailed analysis of the state of ideological, political and educational work in Kyrgyzstan in the 60s of the twentieth century. The close interaction of public organizations, scientific, cultural and educational institutions in the struggle to increase the effectiveness of patriotic and international education of Soviet youth and the population is emphasized.

В 1960-е годы в общественно-политической жизни Кыргызстана произошли коренные события, и об этом свидетельствовал Пленум ЦК Компартии Киргизии в мае 1961 г. Он занял важное место в борьбе за улучшение стиля и методов партийного руководства, за дальнейшее укрепление парторганизации, повышение ее авангардной роли. Первым секретарём ЦК Компартии Киргизии был избран Турдакун Усубалиевич Усубалиев. В центре внимания партийных организаций республики, как и ранее, стояла задача активизации всей идеологической работы. Пленум ЦК КП Киргизии, обсудивший в июле 1961 г. ход выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам пропаганды, отметил существенное расширение сети политического просвещения. В конце июля – начале августа в «Правде», а затем и в республиканской печати, на русском и киргизском языках были опубликованы проекты Программы и Устава КПСС. Для оказания помощи в обсуждении этих важнейших документов ЦК КП Киргизии направил 200 человек из республиканского и партийного актива, а в первичные парторганизации – около 1200. Во всех партийных комитетах были проведены совещания секретарей первичных партийных организаций, пропагандистов и агитаторов, рассмотревших вопросы, связанные с организацией массово-политической работы по обсуждению опубликованных проектов. Кроме этого, проекты были широко обсуждены на партийных собраниях трудящихся с присутствием свыше 277 тыс. человек и выступивших более 25 тысяч.

В этой обстановке высокой политической активности и состоялся (19–21 сентября 1962 г.) внеочередной XII съезд Компартии Киргизии. На нем было избрано 629 делегатов с правом решающего и 65 – с правом совещательного голоса, представлявших 68469 членов и кандидатов в члены КПСС, объединённых в 2276 первичных организациях. При обсуждении проекта программы КПСС и ее Устава съезд полностью одобрил их. Он также определил конкретную программу дальнейшего повышения руководящей роли республиканской партийной организации, уровень ее организаторской и

идеологической деятельности в соответствии с требованиями нового этапа исторического развития СССР.

Очередным важным этапом в жизни советского общества стал XXII съезд КПСС (17–31 октября) 1961 г. Он подвёл итоги деятельности партии за период с XX съезда, а также рассмотрел ход выполнения семилетнего плана, коренные преобразования внутренней и внешней политики партии. Это был завершающий этап обсуждения новой программы партии, а его выводы и положения стали значительным вкладом в теорию научного коммунизма. Задачи коммунистического строительства рассматривались в тесной взаимосвязи и охватывали комплекс проблем по преобразованию всех сторон жизни общества: производительных сил и производственных отношений, формы распределения и удовлетворения потребностей людей, классовой структуры и национальных отношений, политической организации и коммунистического воспитания, развития науки и техники, литературы и искусства.

Процесс строительства коммунизма в ней определялся двумя взаимосвязанными тенденциями – бурным расцветом, всесторонним развитием каждой социалистической нации и их последовательным сближением, усилением взаимовлияния и взаимообогащения. При решении вопросов национальных отношений в духе социалистического интернационализма следовало не допускать как игнорирования, так и раздувания национальных особенностей. Поддерживая прогрессивные традиции каждого народа, партия всемерно развивала новые, единые для всех наций революционные традиции строителей коммунизма. У советских людей, – подчёркивала Программа КПСС, – сложились общие черты духовного облика, порождённые новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР. Программа также ставила задачу продолжать всестороннее развитие экономики и культуры всех советских наций и народностей, обеспечивая их все более тесное сотрудничество и взаимопомощь, сплочение и сближение во всех областях жизни и, достигая всемерного укрепления Союза ССР; полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности его народов. Мощная организаторская, идеологическая работа по мобилизации населения на выполнение решений XXII съезда КПСС и новой Программы развернулась и во всех звеньях партийной организации Киргизии. Республиканский партийный актив, состоявшийся 24 ноября 1961 года, одобрил эти решения и, определив конкретные формы разъяснений документов съезда, предложил

закрепить и развить подъем трудовой и политической активности трудящихся.

Следует отметить, что непременным условием реализации программы социалистического строительства было совершенствование идеологической деятельности партии, укрепления ее связи с конкретными задачами хозяйственного и культурного строительства, коммунистического воспитания. Осуществление решений XXII съезда КПСС, подъем творческой активности населения, расширение сферы идейного воздействия закономерно вызвали к жизни новые формы массово-политической работы, усилив к тому же в ней общественные начала. Так, система политического просвещения расширила свои рамки. В 1962/63 учебном году политической учёбой, с учётом всех форм массовой пропаганды, было охвачено 250 тыс. человек против 153,5 в 1960/61. Расширились и коллективные формы политического самообразования: в практику вошли кружки по основам коммунистического воспитания, вопросам научного атеизма и т.д. В теоретических семинарах в 1962–1963 гг. свой идейно-политический уровень повышали 40451 человек против 18977 в 1961 г.

Учитывая специфические особенности проведения идейно-воспитательной работы среди различных групп населения, парторганизации усилили внимание политическому просвещению животноводов, свыше 20 тысяч из которых были ежегодно заняты на отгонных пастбищах. Центрами массово-политической работы среди них стали 14 культцентров, иницируемых культурно-просветительными учреждениями. В каждый из них входили школа, библиотека, радиоузел и т.д.; было начато строительство ещё восьми таких культцентров. В 1963 г. для животноводов на выпасах были впервые организованы кружки и политшколы. В Тянь-Шаньском районе, например, работало 17 кружков, в которых занималось 324 животновода. Такие же кружки были на пастбищах и сыртах Кочкорского района, причём в нем организовывались межколхозные политкружки. Культцентр на межрайонном пастбище в урочище Кара-Куджур стал центром методической помощи пропагандистам.

Следует отметить, что партийные организации республики, в которой жили и трудились представители более 80 национальностей, уделяли постоянное внимание вопросам патриотического и интернационального воспитания. Дальнейшему совершенствованию этой важнейшей из сторон идеологической деятельности партии способствовала пропаганда решений XXIII

съезда и пленумов ЦК КПСС, а также подготовка и празднование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 25-летия победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Большой интерес вызывали общественно-политические чтения с участием лекторов из союзных республик, в свою очередь, лекторы из Киргизии делились ее успехами. По инициативе ЦК Компартии Киргизии в целях обмена опытом интернационального воспитания во Фрунзе в 1966 г. был проведён межреспубликанский семинар на тему: «XIII съезд КПСС и вопросы пропаганды идей дружбы народов, социалистического интернационализма», в работе которого приняли участие 780 активистов лекционной пропаганды из всех братских республик. Различные формы массовой пропаганды, печать, радио, телевидение, литература и искусство утверждали в сознании населения необходимость дружбы народов как источника прочности существования многонационального советского государства [3: 614].

Одним из основных направлений в деятельности парторганизаций было изучение русского языка как языка межнационального общения. В ноябре 1970 г. Бюро ЦК Компартии Киргизии приняло Специальное постановление «О задачах партийных организаций республики по дальнейшему усилению интернационального воспитания трудящихся», в котором призвало, «используя положительный опыт, накопленный в дни подготовки и проведения ленинского юбилея, еще выше поднять уровень организаторской и идейно-воспитательной работы, совершенствуя формы и методы партийной пропаганды и агитации; добиваться дальнейшего укрепления ленинской дружбы народов, усиления воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма»[7].

Важной задачей идейно-политического воспитания считалось формирование у советских людей чувства гордости за свое Отечество, дальнейшее укрепление братской дружбы народов, пролетарского интернационализма. В пропаганде раскрывались закономерности развития социалистических наций, конкретное сближение их в ходе коммунистического строительства, братское сотрудничество в создании единого народнохозяйственного комплекса. Взаимопомощь и единство патриотического и интернационального воспитания проявлялись как в уважении к национальному достоинству людей, к национальным культурам, так и в непримиримости к рецидивам национализма и шовинизма [2: 28–34, 162–163].

Советский патриотизм был неразрывно связан с социалистическим интернационализмом, а вместе они были взаимосвязанными чертами советского образа жизни. Все достижения в развитии экономики и культуры каждой советской нации и народности, каждой республики являлись результатом их совместного труда. В этом патриотизме выступали не только любовь к своему языку и культуре, но и преданность Отечеству – Союзу ССР.

Между тем, чем интенсивнее шло экономическое и социальное развитие каждой из союзных республик, тем более активизировался процесс интернационализации. Он, естественно, затрагивал состав КПСС и всех ее организаций, которые становились все более многонациональными. ЦК Компартии Киргизии, обкомы и райкомы партии регулировали рост партийных рядов так, чтобы они отражали существующую национальную структуру населения республики. Если в год своего создания республиканская партийная организация насчитывала 13 национальностей, то в 1981 г. – уже 74. Принцип органического сочетания интернационального и национального соблюдался и при подборе и расстановке руководящих кадров. Так, в республике в составе номенклатурных работников ЦК Компартии Киргизии были представлены практически все ее нации и народности: 57,1% – киргизы, 28% – русские, около 6% – украинцы, около 3% – узбеки и т.д. [5: 107]. В целом, в Кыргызстане жили и трудились представители более 80 национальностей, что накладывало свой отпечаток на деятельность партийных организаций при проведении работы по интернациональному и патриотическому воспитанию.

Одно из ведущих мест в работе с населением занимало его военно-патриотическое воспитание. Главное внимание здесь уделялось пропаганде марксистско-ленинского учения о войне и армии, ленинского военно-теоретического наследия, положений Конституции СССР о защите социалистического Отечества, разъяснения сущности и назначения советского военного строительства, миролюбивой внешней политики КПСС и Советского государства. Эти проблемы и меры по их решению систематически изучались и обсуждались на пленумах, заседаниях президиумов, методических секций и советов, на республиканских, областных и районных семинарах лекторов. В частности, секция по пропаганде военных знаний и военно-патриотического воспитания при правлении республиканского общества «Знание» состояла из 25 человек. Только членами ее бюро в 1985 г. было прочитано более 600 лекций, прослушаны и рецензированы 62 лекции об-

ластных и районных лекторов. В составе бюро секции были Герой Советского Союза, ее председатель Д.А. Асанов. Свыше 30 лет успешно пропагандировал военно-патриотические знания в Ошской области ветеран Великой Отечественной войны, Кавалер Ордена Славы I, II и III степеней М.П. Бадьгин.

Важным направлением в работе секции было оказание помощи местным организациям, руководство пропагандой военно-патриотических знаний. Она регулярно направляла в районные и городские организации методические разработки, материалы в помощь лекторам, примерные тематики бесед, лекций, их циклов и т.д. Членами секции были подготовлены и выпущены такие работы, как «Советский патриотизм и социалистический интернационализм – великая созидательная сила», «М.В. Фрунзе – верный ленинец», «Трудовые подвиги тружеников села Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», «Всемирно-историческая Победа», «Сберечь мир, предотвратить ядерную войну» и др. Пропаганда военных знаний и военно-патриотическое воспитание велись дифференцированно, с учётом возраста, образования и характера деятельности слушателей. Так, если в 1985 г. по военно-патриотической тематике было прочитано 8500 лекций, то в молодёжных аудиториях – 5200, в пограничных районах – более 2 тысяч. Весьма разнообразны были и формы работы: проведено более 300 циклов лекций, радиоциклов, кинолекториев на самые различные темы и среди них: «Заветы В.И. Ленина молодёжи», «КПСС о необходимости укрепления обороны страны», «Бдительность – наше оружие», «Дорогой отец», «Родина! Славлю тебя», «Два мира – две юности» и т.д.

Воспитание молодёжи на революционных и боевых традициях, подготовка к службе в Вооружённых Силах СССР начинались со школьной скамьи в общеобразовательных школах, затем в техникумах и вузах, а также учебных заведениях системы профтехобразования. Здесь практиковались такие формы пропаганды, как уроки мужества, военно-патриотические клубы, объединения, отряды «красных следопытов» и т.п. Уроки мужества проводили ветераны, герои Великой Отечественной войны, передовики производства. В 1985 г. в республике более 250 тыс. юношей и девушек, 77 тыс. пионеров и школьников собирали материалы о ратных и трудовых подвигах советских людей, шефствовали над инвалидами и ветеранами Великой Отечественной войны. Регулярно организовывались Всесоюзные походы комсомольцев и молодёжи по местам боевой и трудовой славы. В них участво-

вали 360 тыс. юношей и девушек из Киргизии и только в 1985 г. в период месячника оборонно-массовой работы в республике было проведено 414 походов, 966 игр «Зарница» и «Орленок» с участием 160 тыс. чел. [1: 28].

В 80-е годы активизировалась деятельность организаций общества «Знание»: в лекционной пропаганде раскрывались такие грани социалистического образа жизни, как коллективизм, товарищеская взаимопомощь, дружба народов, интернационализм и др.; увеличился удельный вес лекций с контрпропагандистской направленностью. Циклы лекций по этой проблеме читались более чем в 400 аудиториях, а по идеологической борьбе – свыше, чем в 150. По общественно-политической тематике в республике работали 160 народных университетов, в которых обучались более 27 тыс. человек и среди них: по ленинскому идейному наследию, жизни и революционной деятельности В.И. Ленина – 15, марксистско-ленинской теории и политике КПСС – 14, социалистическому образу жизни – 10, ленинской национальной политике и дружбе народов СССР – 23, внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства – 10, по проблемам идеологической борьбы и контрпропаганды – 10 и т.д. [1: 28–30].

Между тем во второй половине 70-х годов западные идеологи не могли остаться «в стороне», то есть, не реагировать на жизнедеятельность советского общества и, в свою очередь, также готовились к такому событию в его общественно-политической жизни, как подготовка к 60-летию образования СССР. В связи с этим значительно возросла активность различного рода исследовательских учреждений, «советологических» центров, специалистов в области межнациональных отношений. Интернационализация идеологической борьбы охватила и организационно-тактическую сферу. Так, в 1970 г. в США был создан Комитет по изучению национальностей в СССР и Восточной Европе, который выступал связующим звеном между научными учреждениями, с одной стороны, и госдепартаментом и Конгрессом США – с другой.

80-е годы характеризуются тотальным наступлением на все послевоенные завоевания социализма. Запад, во главе с американской администрацией, превратил борьбу идей в идеологическую экспансию, возводя ее в ранг важнейшего направления государственной политики, которая нашла выражение в «крестовом походе» против социалистического лагеря и «психологической войне» против СССР. К новым явлениям в области «советологии» следует отнести и широкое подключение к «изучению» проблем меж-

национальных отношений в СССР мусульманских центров—крупнейший из которых был расположен в Ускинте (под Лондоном). Одной из форм координации деятельности «советологических» центров США являлось финансирование их за счет фондов Рокфеллера, Форда и Карнеги, издание и переиздание работ американских, западноевропейских идеологов и выехавших из СССР эмигрантов.

Созданный совместными усилиями буржуазных идеологов «теоретический задел» был реализован в практической повседневной деятельности западных средств массовой информации и, прежде всего, 37 зарубежных радиостанций, таких, как «Голос Америки», «Би-би-си», «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна», «Голос Израиля», «Радио Ватикана» и др. Все вместе они вели передачи около 200 часов в сутки на 23 языках народов СССР. Кроме этого, действовали 400 подрывных центров и организаций [6: 116]. В одной из инструкций для «Голоса Америки» под названием «как составлять пропагандистские радиопередачи» попытка разлагающе воздействовать на сознание советских людей проявилась особенно характерно: «Натравливать народы друг на друга, натравливать меньшинство на большинство, используя национальные различия, натравливать эстонцев, литовцев, белорусов, украинцев и других на русских. Сейте национальную рознь!» [4: 86].

Одним из главных средств подрывной деятельности буржуазной пропаганды были попытки насадить национализм, поэтому важнейшей задачей формирования политического сознания советской молодёжи и населения являлось усиление их патриотического и интернационального воспитания. Следовательно, для успешного решения проблем идеологической, политико-воспитательной работы было необходимо и в дальнейшем совершенствовать взаимодействие общественных организаций, научных и культурно-просветительных учреждений. В республике, как и по всей стране, была развёрнута активная борьба за повышение эффективности этого процесса и она проходила под непосредственным руководством ее партийной организации во главе с Т.У. Усубалиевым.

Литература:

1. *Кыштобаев К.К.* К IX съезду Всесоюзного общества «Знание». Воспитываем патриотов-интернационалистов. М.: Изд-во «Знание», 1987.
2. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: Сб. материалов. М.: Политиздат, 1981.
3. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Изд. 2-е, перераб. Фрунзе: Кыргызстан, 1979.

4. *Смолянский В.Г.* Интернационализация социалистического образа жизни и идеологическая стратегия антикоммунизма // Непримируемость к буржуазной идеологии, пережитки национализма. М., 1982.
5. *Усубалиев Т.У.* Руководящая роль КПСС в укреплении единства интернационального и национального в советском социалистическом образе жизни. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
6. *Цвигун С.* Подрывные акции – оружие империализма // Коммунист. 1980. № 1.
7. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 172. Д.63. Л.5.

Чыныкеева Г.Э., Заидов А.М.

**Турдакун Усубалиев – мамлекеттик ишмер жана өрнөктүү
инсан катары**

Негизги сөздөр: инсан, партия, советтик бийлик, экономика, айыл чарбасы, билим берүү, өнүгүү, маданият, саясат.

Аннотация. Макалада кыргыз элинин көрүнүктүү мамлекеттик ишмери Т.Усубалиевдин коомдук-саясий ишмердүүлүгү иликтенген. Анын 1960–1980-жж. Кыргызстандын социалдык-экономикалык жана саясий өнүгүүсүнө кошкон салымына баа берилет. Андан сырткары Т. Усубалиевдин постсоветтик мезгилдеги ишмердүүлүгү да каралат.

**Турдакун Усубалиев – государственный деятель
и выдающаяся личность**

Ключевые слова: личность, партия, советская власть, экономика, сельское хозяйство, образование, искусство, развитие, культура, политика.

Аннотация. В статье анализируется жизнь и общественно-политическая деятельность выдающегося кыргызского государственного деятеля Т. Усубалиева. Подробно исследуется его вклад в социально-экономическое и политическое развитие Киргизии в 1960–1980 гг. Освещается его деятельность и в постсоветский период.

Turdukun Usubaliev - statesman and outstanding personality

Key words: personality, party, Soviet power, economy, agriculture, education, art, development, culture, politics.

Annotation. The article analyzes the life and social and political activities of the outstanding Kyrgyz statesman T. Usubaliev. His contribution to the socio-economic and political development of Kyrgyzstan in 1960-1980 is examined in detail. His activities in the post-Soviet period are also covered.

XX к. 60–80-жж. Кыргызстанда экономика менен катар эле маданият тармагы да дүркүрөп өскөн. Бул мезгилде кыргыз элинин белгилүү жазуучуларынын чыгармалары чет тилдерге байма-бай которулуп, кыргыз кинолору эл аралык фестивалдарда алдыңкы байгелүү орундарды ээлеп, опера, балеттери дүйнөнүн абройлуу сахналарында жаңырды. Республиканын аталган жылдардагы коомдук турмушунун бардык чөйрөлөрүндөгү ири өзгөрүүлөрдүн ишке ашышында Турдакун Усубалиев белгилүү бир ролду ойногон.

Көрүнүктүү мамлекеттик ишмер Т. Усубалиев 1919-ж. Нарын облусунун Кочкор районундагы Кочкор кыштагында туулган. Өзүнүн эмгек жолун 1938–1941-жж. Кочкор кыштагында мугалим, окуу иштери боюнча директордун орун басары кызматтарын аткаруу менен баштаган. Ал 1941-ж. Кыргыз мамлекеттик педагогика институтун бүтүргөн. 1945-ж. ВКП(б) БКнын алдындагы жогорку партиялык мектебин аяктаган. 1965-ж. Москвадагы В.И. Ленин атындагы педагогикалык институтун бүтүргөн. 1977-ж. тарых илимдеринин кандидаты даражасына ээ болгон. 2009-ж. КРнын Улуттук илимдер академиясынын ардактуу академиги, 2013-ж. КУУ жана БГУ ардактуу профессору, Кыргыз-Түрк «Манас» университетинин доктору болгон.

Анын саясий ишмердиги 1941-ж. партиянын Кочкор райкомунун бөлүм башчысынын орун басары кызматын аткаруудан башталган. 1941–1945-жж. Кыргызстан КП БК нын инструктору, 1945–1955-жж. КПСС БКнын инструктору, 1955–1956-жж. республикалык «Советтик Кыргызстан» гезитинин редактору болуп иштеген. 1956–1958-жж. Кыргызстан КП БКнын бөлүм башчысы, 1958–1961-жж. Кыргызстан КП Фрунзе шааркомунун 1-секретары кызматында эмгектенген. 1961–1985-жж. Кыргызстан КП БК нын 1-секретары болуп турган. 1993–2005-жж. КРнын ЖК нын депутаты [8].

Т. Усубалиев мектепте окуп жүргөндө башкалардан өзгөчө активдүүлүгү менен айырмаланган деле эмес экен. Курдаштарындай эле мектепке барып келип, андан бош убактарында мал көздөп, чүкө атышып, тоолорго чыгып жүрүп чоңойгон. Башка балдардан бир гана айырмасы, ал кат тааныгандан тартып, иштин көзүн билгендигинен, аракетчилдигинен улам колхоздун башкармасынын төрагасы болуп иштеген атасына жардамчы болот. Атасынын колуна кандай кагаз тийбесин ал алгач кичинекей Турдакунга окутуп угуп, анан өзү туура көргөндөй чечим кабыл

алчу, кээде арыздангандарга, жогорку органдардан келген каттарга жооп жаздырчу экен [3: 126].

Ал 1938-ж. Фрунзеге келип педагогикалык институттун кыргыз тили жана адабияты факультетине тапшырат. Эгерде мектепте орточо окуучулардан болсо, бир жагы өзүнүн каны менен бүткөн намыскөйлүгүнөн, экинчи жагы, билимдүүлөрдү өзгөчө баалаган атасынын таасиринен улам, институтта бир да сабактан, лекциядан калбай, айрым башка жолдошторундай ары-бери баспай, китепканалардан чыкпай тырышып окуп, тез эле алдыңкы студенттердин бирине айланат. 1940-ж. компартиянын мүчөлүгүнө кандидаттыкка кабыл алынат. Ал эми 1941-жылдын 1-семестринин жыйынтыгы менен ал институттагы Сталиндик стипендияга татыктуу болгон 6 студенттин бири болот. Ал Сталиндик степендия колуна тийгенде бир нече пластинкасы менен патефон сатып барып, айылдаштарынын бардыгын таң калтырат. Ал убакта андай нерсе эл башкаргандардын үйлөрүндө деле сейрек болгон экен [3: 128]. Т. Усубалиев өз максатына жетүүдө, деги эле, жашоодо өз ордун табууда билимдин канчалык маанилүү жана зарыл экенин аңдап, ошол замандын талабына жооп берген кадр болуп чыгууга катуу аракеттенген. Ошол мезгилде Фрунзе шаарынын түндүк тарабы азыркы темир жол менен чектелип, андан жогору жагы ээн адыр болгон. Институттун аскердик кафедрасы дем алыш күндөрү студенттерди ошол адырга алып чыгып, курал-жарактарды колдонгонду үйрөнүп, окопторду каздырып, 20 чакырымдан жүгүрчү экен [3: 129].

Ал жетекчи болуп турганда Кыргызстан суктанаарлык ийгиликтерге жетишкен. Республикабыз Союздагы 15 республиканын арасында экономикалык, социалдык өнүгүү дайыма ортодон жогорку орундардын бирин ээлеп келген. 1962-жылдын жайы кургакчыл келип, Өзбекстандын айрым жерлериндеги пахта, шалылар куурай баштаганда, КПСС БКнын катчысы В.И. Поляков Т. Усубалиевге телефон чалып, Соң-Көлдү жардырып, суусун Нарынга кошууну, бул маселеге Союздун жетекчилиги макулдук бергенин айтат. Эгерде көл бир соолутулса, экинчи ордуна келмек эмес. Аны түшүнгөн Т. Усубалиев ошол замат Москвага жетип барып, Н.С. Хрущевго чейин кирип, өз позициясында бекем туруп, Соң-Көлдү сактап калат.

Пахта стратегиялык продукцияга айланганда анын аянтын көбөйтүп, түшүмдүүлүгүн арттыруу максатында Кара-Калпак АССРи Казакстандан чыгарылып, Өзбекстанга өткөрүлгөн. Андан кийин ошондой максатта Чимкент облусундагы Ташкентке чектеш 4 район да Өзбекстанга өткөрүлөт.

Москвада Кыргызстандын түштүгүндөгү айрым райондорду да Өзбекстанга өткөрүп берүү маселеси көтөрүлө баштайт. Бизди андай жоготуудан Кыргызстандын ар гектар пахта аянтынан алган түшүмү өзбектерден калышпай тургандыгына Усубалиевдин Москвадагы союздук жетекчилердин алдында ынанымдуу, аргументтүү жасаган билдирүүлөрү республиканын территориалдык бүтүндүгүн сактап калууга себеп болгон [3: 131].

Жолду куруу жөнүндө 1940-ж. Союздук өкмөттүн токтому чыгып, бирок согуштан улам кийинкиге калтырылып жүрүп, 1958-ж. кайра башталган Фрунзе–Ош жолунун курулушун 1965-жылы аягына чыгышына да түздөн-түз Т. Усубалиевичтин салымы чоң экени жалпыга маалым.

Т. Усубалиев Союздук бийликтегилерге маселе коюп жүрүп, 1974-жылдан тартып Кыргызстанда апиийим өстүрүүгө тыюу салууга жетишкен. Ага чейин Ысык-Көлдө 7 миң гектарга жакын аянка апиийим өстүрүлүп, республика акырындап баңгилердин, аны менен алектенген кылмыштык топтордун аймагына айлана баштаган. Маселен, ошол убакта жылына орто эсеп менен контрабандалык 600–700 киллограмм апиийим колго түшүрүлүп, 400–500 адам соттолуп турган [3: 132]. Ысык-Көл өз кезегинде союздук республикалардын (Өзбекстан, Россия, Түркмөнстан ж.б.)кылмыш топторунун баңги заттарды мыйзамсыз ташууга шыктандырган аймакка айланган эле.

Кыргыз элинин чыгаан жазуучусу Чыңгыз Айтматов 1978-ж. 50 жашка толот. Т. Усубалиев ушул датаны утурлап жазуучунун совет адабиятына кошкон салымын баалап, Социалисттик Эмгектин Баатыры наамын ыйгаруу тууралуу сунушу менен СССР Жогорку Советинин сессиясына жөнөйт. Алгач БК катчысы М.В. Зимянинге кирип, «жок» деген жооп менен кайтып, өз алдынча ойлонуп, Л.И. Брежневге, М.А. Сусловго, А.П. Кириленко, К.У. Черненко сыяктуу партиянын башчыларына кирип, маселени түшүндүрүү чечимине келет. Эки күн жүрүп аталган инсандарга жолугат. Баарынан макулдук алып, Л.И. Брежневдин кабыл алуусунда болуп, Ч. Айтматов совет адабияты үчүн чоң эмгек жасап жаткандыгын жана 76 тилге которулуп, 13 миллион нускада жарыкка чыкканын, жазуучунун чыгармаларынын негизинде 10 көркөм фильм тартылып, бир канча спектаклдер коюлуп, маданиятка өзгөчө салым кошуп жатканын баяндайт [1: 8]. Академик А. Акматалиевдин «Де-факто» гезитинде жазган макаласында мына ушундай улуу инсан ар дайым жакшылыкка гана себепкер экени баяндалып, өзгөчө Ч. Айтматовдун атагы алыска кетүүсүнө

да, чыгармачылыкта андан ары ийгиликтердин жаралуусунда Т. Усубалиев белгилүү бир ролду ойногондугу маалымдалат. Социалисттик Эмгектин Баатыры наамын алгандан кийин А. Айтматов чет жактарга чыгуусу, андан да көп тилдерге чыгармалардын которулушу, жаңы чыгармалардын жаралуусу сыңары көптөгөн жакшы саамалыктар коштоп, ийгиликтерге себепчи болгон.

1960–1970-жж. өлкөнү индустриалдаштыруу, машина куруу, өнөр-жайын өркүндөтүү, гидроэлектростанцияларды куруу маселесине өзгөчө көңүл бурулуп, 150 дөн ашык ири өнөр-жай имараттары, 511 миңден ашык көп квартиралуу үйлөр, борбор шаарда онкологиялык оорукана ишке киргизилген жана ар бир райондо ооруканалар, маданият үйлөрү, китепканалар ачылган.

Республикада космосту изилдөө боюнча институт ачылып, айдын топурагын ала турган атайын аппарат жасалган. Токтогул, Үч-Коргон, Шамалды-Сай ж.б. ГЭСтер, лампа, цемент ж.б. заводдору курулган. 1970–1980-жж. республикада 7 эт комбинаты иштеген жана жылына 25 миң тонна жогорку сапаттагы эт даярдалган. Койдун башы 12 миллионго жетип, өндүрүлгөн 40 миң тонна меринос жүнү союздук башка республикага жөнөтүлүп турган. Ички дүң продукция Кыргызстанда 2,5 эсе көбөйгөн [2: 126]. Мындан тышкары Өкмөт үйү, Улуттук тарых музейи, Улуттук филормония ж.б.у.с. белгилүү имараттар 1980-жж. орто ченине чейин курулуп бүткөн. Белгилүү болгондой республикадагы көптөгөн курулуш тармагындагы ири жетишкендиктер Т. Усубалиевдин башкаруу мезгилине туура келет.

Т. Усубалиев бир гана саясий ишмер гана эмес, окумуштуу катары да белгилүү. Анын улуттар аралык байланыштар, республиканын жер, суу, экономикалык проблемалары боюнча бир катар эмгектери чоң кызыгууну жаратат (мисалы, «Экономическая интеграция – прочный фундамент дружбы наших народов. Что с нами происходит?...» [6]. Т. Усубалиев 1995-ж. азыркы учурдун көйгөйүн көтөрүп чыккан. Тактап айтканда, мөңгүлөрдүн эриши, атомдук станцияны биздин аймактарга курууга такыр болбостугун жана суулардын булганышы сыяктуу бир нече чакан гана эмес, а балким глобалдык проблемаларды айтып чыккан. Андан тышкары анын ошол мезгилде Борбордук Азия мамлекеттеринин жетекчилерине кайрылганы бар экен. Тагыраак айтканда, «Урматтуу Президенттер! Эмне үчүн биздин

мамлекеттерге Европа Биримдигинин тажрыйбасын колдонбойбуз? Тажрыйба – бул түбөлүк өмүр мугалими», – деген сөзү бар.

Жыйынтыктап айтканда, Т. Усубалиев өзүнүн мол тажрыйбасы жана адамгерчилик сапаты менен бир нече жылдар аралыгында бийликте туруп, республиканын өсүп-өнүгүшүнө зор салым кошкон.

Адабият:

1. *Акматалиев А.* Турдакун Усубалиевдин өрнөктүү иштеринен // Де-факто. № 33 (433). 23 август, 2019-жыл.
2. Государственный бюджет СССР. 1990. М., 1990.
3. *Дүйшөнбаев П.* Биринчи катчылар. Бишкек, 2016.
4. *Кыдыралиева К.* Мамлекеттик ишмер Турдакун Усубалиев 100 жашта // Ош жаңырыгы. 24-август, 2019-жыл.
5. *Осмоналиев К.* Кыргыздар. VIII т. Бишкек, 2004.
6. *Усубалиев Т.У.* Экономическая интеграция – прочный фундамент дружбы наших народов. Что с нами происходит? Открытое письмо Президенту Узбекской Республики Каримову И.А., Президенту Казахской Республики Назарбаеву Н.А., Президенту Кыргызской Республики Акаеву А.А. Бишкек, 1995.

АРХЕОЛОГИЯ

Ведутова Л.М.

**Интерпретация происхождения гидронима *Бурана*
в ретроспективном свете арийской концепции**

Ключевые слова: гидроним Бурана, городище Бурана, значение, смысл, кыргызская лексика, историко-культурное наследие.

Аннотация. Настоящая статья посвящается рассмотрению проблемы значения и смысла гидронима Бурана в контексте историко-культурологического процесса развития наименования реки. Также рассматривается его динамическая связь с социальным и чувственно-психологическим образом женщины времени исторического перехода от матриархата к патриархату на территории Кыргызстана. В работе рассматриваются элементы лексического значения и семантики слова бурана, которые связаны с отражением внеязыковой действительности, а также соотношением системного, пространственного и временного содержания слова. Рассматриваются культурно-исторические взаимодействия протокрыгызом с шумерами в эпоху бронзы в контексте семантики гидронима Бурана.

Интерпретация *Буран* гидрониминин чыгарылышы арян концепциясынын нурунда

Ачкыч сөздөр: Бурана байыркы конушу, гидронимдер, мааниси, кыргыз лексикасын билдирет.

Аннотация. Бул макала Буран гидрониминин мааниси жана мааниси проблемасын Буран калктуу конушундагы маданий изилдөөлөрдүн контекстинде кароого арналган. Ошондой эле, анын Кыргызстандын аймагында матриархаттан патриархатка өткөн тарыхый мезгилдеги аялдын социалдык жана сезимталдык-визуалдык элеси менен динамикалык байланышы каралат. Чыгармада Бурана сөзүнүн лексикалык мааниси жана семантикасы, лингвистикалык эмес чындыктын чагылышы менен байланышкан элементтери, ошондой эле сөздүн тутумдук жана мейкиндик-убакыт мазмунунун өз ара байланышы изилденген.

Interpretation origin of the *Buran* hydronym in the light of aryan concept

Key words: ancient settlement Burana, hydronyms, meaning, meaning Kyrgyz vocabulary.

Annotation. This article is devoted to the consideration of the problem of the meaning and meaning of the Buran hydronym in the context of the cultural studies of the Buran settlement. It also examines its dynamic connection with the social and sensually visual image of a woman of the time of the historical transition from matriarchy to patriarchy on the territory of Kyrgyzstan. The article examines the elements of the lexical meaning and semantics of the word Burana, which are associated with the reflection of extra-linguistic reality, as well as the relationship between the systemic and spatio-temporal content of the word.

I. *Женица* vs река: метафорическая модель понимания в когнитивно-интерпретирующей семантике

*«...символ и интерпретация становятся соотносительными понятиями: интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов»
(Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций)*

Глобализация и, в то же время, суверенизация в начале третьего тысячелетия обострили интерес к проблемам идентичности и самоидентичности, материальной и духовной культуры народов. В этот период происходят объективные процессы качественных трансформаций не только в новых политических формах, но и в науках. В настоящее время в области обществознания намечаются тенденции и обозначаются общие новые контуры в современных исследованиях национальных и этнических культур.

Одной из актуальных проблем остается проблема изучения национальной самоидентификации, собственного культурогенеза, системность которого демонстрирует специфические конфигурации культурных комплексов, обусловленных социальной темпоральностью и локальной пространственно-географической средой исторического Кыргызстана.

Пространственно-географическая среда, в свою очередь, маркирована этническими топонимами, имеющими, уходящие в глубь веков, историко-культурные корни.

Целью исследования является установление дифференцированных закономерностей названия и специфических черт гидронима Бурана.

В основу объяснения значения термина 'бурана', в том числе и гидронима Бурана, предшествующими исследователями был положен топоним Бурана, что имело прямое отношение к раннесредневековому городу, возникшему на Великом шелковом пути. Городище Бурана расположено в Чуйской долине, её предгорной зоне и непосредственной близости к современному г. Токмок (*табл. I, рис. 1*). В настоящее время через восточную часть центральных развалин городища, по направлению Ю–С, протекает река Бурана-сай, которая, в свое время, бурными потоками разрушила юго-восточную часть раннесредневековой бани и цитадель в северо-восточном углу шахристана, что в дальнейшем послужило основанием для исследователей считать это городище бесцитадельным.

История изучения городища Бурана насчитывает более 500 лет, начиная с XVI в., когда Мухаммед Хайдар-мырза Гурагани упомянул в своем труде «Та'рих-и Рашиди» данные о руинах города, носившего среди местного населения, по его сведениям, название «Монора». Основанием для такой этимологической идентификации послужило наличие, хотя и частично разрушенного, минарета, сооруженного в XI в. Данное название относилось,

собственно, не к самому городищу, а к архитектурному памятнику – минарету. Это сообщение, в котором впоследствии были смещены понятия, позволило в дальнейшем, вплоть до XXI в., соотносить эти сведения с городищем Бурана [36: 5, 72; здесь же историография вопроса].

Однако при ближайшем рассмотрении, соотношение топонимов *Монора* (Мунара – минарет) и *Бурана* (городище), а также *Бурана сай* – река, (левый приток р. Чу), протекающая в настоящее время через восточную часть центральных развалин городища, *Бурана* – название ущелья, из которого вытекает река и, даже *Бурана* – название местного населенного пункта, указывает на то, что они близки только по звучанию. Соотносительно, имена этих разных объектов, в соотношении друг к другу, являются омонимами и примерами народной этимологии, то есть, не имеют одинакового смысла денотатов – минарета, городища, реки, ущелья и поселка. Поскольку смысл является концептом денотата, то последний должен иметь собственный один-единственный смысл. При искажении смысла имени возникает ситуация неоднозначности, что влечет за собой разрушение базисных основ местной культуры и другие негативные последствия.

Классикой в топонимических исследованиях является положение, по которому первоначальным топонимом, давшем свое имя окружающим природным и рукотворным объектам, в первую очередь, является название реки, если она имеет место быть в рассматриваемом ландшафте [39: 14]. Однако довольно многочисленные попытки объяснить этимологию географического термина ‘Бурана’ получили завершение в краткой словарной статье Киргизско-русского словаря следующего содержания: «Бурана (араб.) – минарет, башня» [24: 160]. Ранее, в 1911 г., В.В. Радлов, исследуя термин *бурмалы*, пришел к выводу, что это *минара* и, соответственно, означает ‘минарет’ с внутренней винтовой лестницей [45; 5].

Таким образом, в первой половине XX в., было закреплено сообщение 500-летней давности Мухаммеда Хайдера о топониме Бурана. Эти сведения он получил путем опроса «монголов», как назвал автор «Та’рих-и Рашиди» местное тюркское население юга-запада Семиречья и в которых, впоследствии, произошла логическая ошибка – подмена понятий в области географических названий, а, попутно, перешедшая в область истории, культурогенеза и этногенеза кыргызского народа.

Вполне возможно, ученому мусульманину, стоящему около минарета, в незнакомом слове «бурана» слышалось знакомое ‘монара’. В настоящее

время, бесспорно, только то, что в этом письменном источнике XVI в. слово 'бурана' было уже тогда топонимом, причем с затемненным этимологическим значением, что отразилось в краткости сообщения арабского письменного источника.

Характерной особенностью этих этимологических разысканий можно считать наличие в них трех тенденций, препятствующих более разностороннему анализу топонима. Во-первых, смешение названия с объектом. Во-вторых, рассмотрение происхождения термина 'бурана', как отражение политических событий в Центральной Азии во второй половине I и начале II тыс. н.э. и, в-третьих, самое главное, игнорирование, как культуры этноса, создавшего этот термин, так и культуры народа, сохранившего его до наших дней.

Нарушение тюркского единства в X в. арабским вторжением повлекло за собой возникновение мощного «арабского пласта» в историографии. Этот факт заслонил некоторым исследователям значение местных многовековых культурных традиций в области наименования природных объектов. Поэтому неправомерно утверждать, что народ, упорно сопротивлявшийся тогда принятию ислама, стал оперировать понятиями чуждой арабской культуры и вводить их в повседневный обиход.

Распространение ислама происходило насильственным путем при завоевательных походах в Среднюю Азию, что должно было отразиться и на топонимике. На территории Кыргызстана это проявилось не столько в насаждении арабских названий, сколько в искажении или калькировании тюркских, что также является частью философии захватнических войн, целью которых было и уничтожение культуры народов завоеванных территорий. Подобное произошло, на наш взгляд, с топонимом *Бурана*, представленном в арабском письменном источнике начала XVI в. как *Монара*, впоследствии, перекочевавшем в более позднюю научную литературу в значении «минарет», при сохранении транскрипции 'бурана'.

Сложная и длительная история формирования современного кыргызского этноса, где широко присутствуют древнейшие элементы собственной культуры, а с конца I тысячелетия освоены и тюркские, ставит вопрос о границах и причинах пространственно-временного распространения кыргызской культуры.

Н.Я. Бичурин отметил, ссылаясь на письменные источники, что на всем пространстве Средней Азии обитали в древности люди и народы, по-

томки которых и теперь населяют эти земли [7: 12]. Соответственно, происходившие на данной территории этнокультурные процессы обусловили и сложную этнотопонимическую систему, которая с самого начала подчинялась регламентированным жестким правилам при возникновении, а также сохранении топонимов.

Сохранившись до нашего времени, эти древние названия не объяснимы при помощи современных языковых средств, но, тем не менее, преломляясь в этих закономерностях, топонимы сохраняют и создают свои репродуктивные специфические закономерности, аксиологичность и смыслы, которые не проявляются в языке, как считает В.А. Никонов, вне топонимии [42: 14].

Однако лингвистическая и этимологическая репрезентация слова ‘бурана’ на кыргызской языковой основе позволяет обратить ретроспективный взгляд на время возникновения и первоначальную принадлежность его, как топонима, одному географическому объекту – реке. Кроме того, этот экскурс позволит определить непротиворечивую специфику последнего, а также осветить сферу и место функционирования понятий в форме ‘бурана’ в системе культурных ценностей носителей языка, создавших и использующих это слово.

Одной из характерных черт словообразования в кыргызском языке, как и во всех тюркских, является двухчастность их лингвистической структурной единицы [26: 109], при этом топонимы не составляют исключения из этого правила, на что впервые обратил внимание Э.М. Мурзаев [39: 317]. Как, позднее, уточнил К.М. Мусаев, частота двухсоставных тюркских топонимов составляет 90% против 10% однословных [40: 187–189, 191].

Двухчастное слово приобретает не только новое значение, но и новое синтаксическое оформление. Дальнейшая жизнь новообразования, как и рождение, регламентируется социальной необходимостью его существования. Таков был исторический путь и закономерные причины появления слова ‘бурана’, возникшего из ‘бур’ и ‘ана’, где первый топоформант, выполняющий предикативную функцию в этом словосочетании, явился основой, или корнем, а второй – существительное, ставшее, в данном случае, аффиксом.

Это словосочетание представляет собой целостность, но является вторичным относительно его частей, то есть, составлено из слов, самостоятельных в предшествующем своем существовании. Будучи отдельными язы-

ковыми элементами, они отражали разные фрагменты наблюдаемой действительности. Однако интеллектуальная деятельность коллектива, носителя представлений об этой действительности, позволила создать словосочетание, как сумму частей, оказавшихся внутренне семантически свернутыми, но, в тоже время, придав новое содержание третьему двухсоставному слову, представляющему не образ реки, как объекта, а его внутреннюю форму, как продукт мыслительной деятельности людей, создавших этот термин.

Особенностью существования нового словообразования стало проявление его фундаментального свойства – дихотомичности существования, т.е. благодаря неподвижности одной своей части (корня) и, исходя из конкретной ситуации, постоянной изменчивости другой своей части (аффикса), слово-знак оставался тождественным самому себе [22: 85]. При этом произошла не только позиционная расстановка морфем, но и возникли многочисленные различные семантические значения.

Эту закономерность можно проследить в родственных термину ‘бурана’ однокоренных словах: ‘бурхан’ (вестник богов) [15: 214–232], ‘бурут’ (этноним, неоднократно встречающийся в трилогии «Манас» [33: 537], ‘буртас’ (топоним, этноним), ‘бураты’ (топоним в Алтае), ‘Бурчум’ (гидроним, правый приток р. Черного Иртыша в Китае), ‘Буран’ (гидроним, левый приток р. Черного Иртыша в Восточном Туркестане), ‘Каран’ (левый приток р. Тигр в Ираке) и др. Здесь явно видна препозиционность постоянного форманта (глагольного) *бур-* и постпозиционность аффикса *-ана, -ан* (существительного). Главное слово маркируется своей позицией в этих словосочетаниях.

В данном случае предикат имени (*бур-*) обозначает «признак», «действие» и его отношения с предметами, последние же, в свою очередь, как существительные, но ставшие в словосочетаниях аффиксами, означают сферу реальных предметов и каких-либо повторяющихся и надындивидуальных явлений, отмеченных в языковой культуре населения. Причем, у каждого члена данного этнического коллектива эти слова должны вызывать, как одинаковые, так и противопоставленные ассоциации [6: 88].

Какие же одинаковые ассоциации и противопоставления должно вызывать слово *-ана* – второй формант топонима Бурана?

В настоящее время известно большое количество гидронимов, второй частью которых является *-ан*. Западная граница этого форманта установлена В.Н. Трубачевым и О.Н. Топоровым. Ими зафиксировано, что гидронимы с

элементом *-ан(ь)* отсутствуют полностью к западу от Днепра. Однако его распространение прослеживается к Дону, в гидронимике которого этот формант широко распространен [59: 118–119].

Г.Ф. Саттаров считает, что большинство гидронимов Средней Азии и Урало-Поволжья с формантом *-ан* относится к древнетюркскому ‘ан’ «река». Сибирские реки Черный Ануй, Белый Ануй – правые притоки Оби, Большой Анюй, Малый Анюй – правые притоки Колымы исследователи считают искаженными от древнетюркских *-анны*, *-анну* [53: 164]. Обобщая названия правых и левых притоков, он, тем не менее, не классифицируя их, делает необоснованный вывод об искажении названий.

В Узбекистане и Таджикистане река Зеравшан, в древности левый приток Амударьи, исток которой находится в Каракульском оазисе, имеет топоформант *-ан*, свидетельствующий о тюркском участии в происхождении этого гидронима. В создании основного форманта возможен персидский вариант, так как таджикский язык родственен персидскому. В таком случае, название может звучать, как «золотоносная река» и сам гидроним является не только двухсоставным, но и двуязычным.

В.В. Радловым отмечены в Монголии топонимы *Tsagan–Nor*, *Chiran* [8: 113]. Известный русский топонимист В.А. Никонов диагностично отмечает, что «...Ключ к топонимии многих территорий Европы нередко лежит в Азии... Без гидронимов Сибири не объяснить грандиозных массивов на *ан...* в Восточной Европе» [42: 12]. В текстах древнетюркских памятников VIII в. встречается название реки Ана [31: 63, 67, 395] – это современная Бирюса, левый приток Ангары, так же называется и левый приток реки Абакан (бассейн Енисея). Сама же река Абакан является крупнейшим левым притоком Енисея.

Итак, наиболее ранние из известных сообщений о гидрониме ‘ана’ и топоформанте *-ана*, *-ан* фиксируются по времени в VIII в. и относятся территориально к Алтаю и Южной Сибири. В настоящее время этот гидроним существует, как топоформант на территориях, совпадающих с местами расселения тюркских народностей и, в частности, расселения кыргызов. Повторяемость факта называния одним и тем же словом определенных географических объектов, на значительно удаленных друг от друга территориях, заставляет предполагать устойчивую древнюю культурную и языковую традицию, как уже сложившуюся в до-тюркское время. Тем не менее, исследователи соотносят время появления гидронимов с формантом *-ана*, *-ан* с

тюркской эпохой, как начальной точкой отсчета, сохраняющейся до наших дней, хотя, уже сегодня не имеющего своего внутреннего смысла, что связано с сохранением архаизмов в языках-субстратах населения, проживавших на данных территориях в прошлом.

Обращавшиеся к теме гидронимики, исследователи расходятся во мнении: одни утверждают, что древнетюркское *-ана*, *-ан* употреблялось в значении *женщина*, *мать*, другие, противореча им, считают, что это – *река*. В то же время смысл этого слова остается затемненным, т.е. ни в одном словаре тюркского языка, как древнего, так и современного, нет слова *ана* в значении ‘река’. Исследователи, лишь отвечая на вопрос: какой объект называется *анна*, давали единственный ответ – река. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что не каждая река, а только притоки рек, причем левые, вообще исследователями не рассматривается внутренняя форма гидронима и они продолжают считать это слово именем объекта.

Процесс накопления и формирования знаний о природе в этнокультурной среде обусловлен принципами производственной деятельности. Одним из фактов жизнеобеспечения вообще и успешного ведения скотоводческого хозяйства в частности, был учет географических условий, особенно, речной сети региона. Интеллектуальное освоение такого жизненно важного для человека природного явления, как река, происходило путем вычленения объекта в пространстве (пространственная классификация – определение конкретных рек, как притоков, стабильность этого состояния) и идентификация с явлениями, освоенными уже ранее (временная классификация – включение познаваемого объекта в классы объектов, характеризующихся, как второстепенные, подчиненные).

В данном случае термин ‘ана’ является классификационно-цивилизационной маркировкой конкретного, но многократно повторяющегося фрагмента объективной действительности и характеризует не всю речную сеть: бассейны рр. Чу, Амударья, Енисей, Лены, Оби и др., а только ее часть – т.е. левые притоки рек.

Подобная операция гарантировала от случайностей в назывании и отражала пред-научное состояние интеллектуальных действий коллектива в языковом освоении действительности. Как указывалось выше, рассматриваемое словосочетание ‘бурана’ явилось вторичным образованием по отношению к своим частям, т.е. моделирование его было обусловлено реферативным значением частей с целью упорядочения информационных процессов в

коммуникативной системе «говорящий – слушающий». Однако при образовании третьего, вторичного слова, последнее приобретает атрибутивный смысл, который, в данном случае, отражает признаки объекта ‘река’. Данная процедура свидетельствует о творческо-интеллектуальном мышлении создателей этих слов-названий, имеющих в исторической перспективе системно-ценностный характер.

В то же время сущностное основание этого лингвистического явления становится устойчивым и глубинным, при сравнении с его онтологически-практическим основанием, так как этот процесс словообразования противостоял увеличению роста разрушительной стихийности энтропии и систематизировал порядок негэнтропии с целью сохранения не только культуры этноса, но и самого этноса. Здесь, однако, мы уже выходим на новый уровень ценностной значимости когнитивно-лингвистических средств, участвующих в формировании единой системы жизнеобеспечения данной этнической культуры.

Основное количество информации о древнетюркском *ана*, ‘мать’ [17: 43; 54: 280; 41: 240] встречается в древнетюркских текстах рунических памятников, кроме названия реки, еще и в сочетании с другими словами в значениях «родина», «родная земля» [31: 62, 67]. Употребление этого термина в таких различных памятниках, как «Кутадгу билиг» и Сутра «Золотого блеска» свидетельствует о его широком распространении, как типологического культурного явления [46: 240]. Махмуд Кашгарский относил *анна* к языку карлукских огузов [41: 240].

Однако карлуки, явившиеся связующим звеном между культурами и языковыми традициями тюркских каганатов (VI–IX вв.) и Караханидской державой (IX– начало XIII вв.) пользовались словом ‘ана’ уже с вторичным значением – «река», «родина», что свидетельствует о его, значительно раннем, чем тюркское время, заимствовании.

С точки зрения ученых, топонимические корни форманта *-ана* уходят в период II– начало I тыс. до н.э., когда переселение индоиранцев с Иранского плоскогорья, по их мнению, принесло и культы тех народов. Именно для этого времени, как и последующих периодов, характерно почитание женского божества, соотносящегося с сырой (*ным*), водной (*су*) стихией. Древняя среднеазиатская богиня Анахита и древнетюркская Ана этимологически родственны иранской *Ar’dvi Sura Anahita*, считавшиеся источниками всемирных вод. Однако, что особенно важно отметить, уже и к этому време-

ни (II–I тыс. до н.э.) знаково-семантическая составляющая гидронима с топоформантом *-ана* была сложившейся и выполняла регулятивно-трансляционные, смысловые, целебноносные, религиозные, искусствоведческие и другие функции.

Иконография последней в ближневосточном искусстве, представляет образ женщины с длинными распущенными волосами и льющимися из глаз потоками слез. Так, например, в Месопотамии в настенной росписи дворца (III–II тыс. до н.э.) запечатлены образы статных женщин в ювелирных украшениях и держащих в руках сосуды, из которых изливаются потоки воды с плавающими в ней рыбами (*табл. II, рис. 1*). Характерной чертой русальных, водных обрядов у различных народов было участие в них женщин с распущенными волосами, олицетворявших богиню воды.

В Авесте Анахите посвящен цикл, в котором она описывается, как целебноносный, широко разливающийся мощный поток реки [55: 230].

Следует отметить, что у современного населения с. Дон-Арык (на территории городища Бурана в Кыргызстане) сохраняются древние представления о целебности воды р. Бураны в виде рассказов о находящейся, якобы, в истоке реки каменной скульптуры женщины, способной излечивать от болезней. Западнее, в 30 км, находится левый приток Чу – р. Иссыкаты, где в предгорной зоне расположена современная водолечебница, на территории которой, рядом с минерализованным источником имеется громадный камень с графическим изображением Будды – врачавателя Авалокитешвары XVI–XVIII вв.

Следует отметить, что на территориях, прилегающих к городищу Бурана, как в долинной части, так и в предгорной, среди кыргызов распространены многочисленные сказания, связанные с представлениями о городище, его возникновении и падении. Основная роль в этих рассказах принадлежит женским персонажам, носящим негативные характеристики. Особенно сложным, мифологичным по содержанию и философски значимым, является устное предание о классической пятичленной структуре мира и катастрофическом конце света, где триггером этого конца выступает женщина [11: 152–163].

Также в многочисленных хорезмийских легендах фигурирует святая Амбар-Она, супруга Хаким-Ата. Популярность Амбар-Она Г.П. Снесарев объясняет тем, что ее прообразом была богиня древнего культа плодородия в среднеазиатском варианте Ардви Сура Анахита [55: 240–245]. Централь-

ным действием, совершаемым Амбар-Она, является оплакивание ушедшего под воду р. Аму-Дарьи ее сына Хубби и поиски его в этой воде. В некоторых вариантах легенды Амбар-Она преследует своего сына, так и не сумев его догнать. Существует версия, в которой Хубби не сын, а возлюбленный Амбар-Она, также скрывшийся, но который, по утверждениям рассказчиков, должен вновь появиться [55: 250–251].

Отношения женского персонажа и мужского характеризуются стремлением соединиться, но легенда повествует только о возможности приближения, новое появление преследуемого предполагает повторение цикла: погоня – исчезновение. Свойственная мифу ситуация в хорезмийской легенде скрывает, на наш взгляд, имеющиеся в природе явления, частично оговоренные – это реально существующая река Аму-Дарья и историческая личность Сулеймана Бақыргана, хорезмийского шаха, известного под именем Хаким-Ата, т.е. придание его личности космогоничности происхождения.

Аналогичная смысловая конструкция зафиксирована в кыргызской народной сказке «Отчего Луна печальна, отчего она бледна» [23: 90–91], где красавица Луна целые дни плачет и ждет своего возлюбленного – Корабельщика, давно уплывшего за волшебным камнем. Следует отметить характерную черту содержания кыргызских сказок: события, в которых участвуют девушки и женщины, соотносящиеся с водой, маркируются значением «плохо» (см.: 23: №№ 2, 6, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 21, 32, 36). В дальнейшем равновесие восстанавливается действиями героя.

Маркировка ситуации «женщина – плохо» содержалась и в представлениях кыргызских шаманов, считавших, что джины ходят всегда, окруженные большой толпой девушек и келинов (молодых женщин) [20: 183–184].

Постоянно повторяющаяся в различных текстах связь женского персонажа с водой, характер следования в соотношении с мужским персонажем, прямая номинация в кыргызской сказке отсылает нас к космическому объекту. Дочь Месяца, по-видимому, является Венерой (*тюрк.* Тансулпан, Сулпан, Солпан, Чолпон, Энер сулпаны), «утренней звездой», в имени которой четко фиксируется корень *су-* «вода» и *сол-* «левая», поскольку Венера находится вблизи с левой стороны восходящей и заходящей Луны (Месяца-кораблика). Следует отметить, что и Луна, и Венера имеют отношение к воде и влаге: при полной Луне происходят приливы в морях и океанах, а при утреннем восходе Венеры на траву падает роса, что нежелательно для корма

животных. В последнем случае этот факт учитывают чабаны при выпасе овец, поэтому Венеру еще называют чабаньей звездой.

Теоним Чолпон мы встречаем и в другой кыргызской сказке [23: 13–17], где герой и девушка по имени Чолпон встречаются в то время, когда солнце опускается так низко, что вот-вот скроется за горами. Описываемое в закодированном виде явление астрономического состояния светил – восход Луны и Венеры на заходе Солнца (как в утреннее время перед восходом Солнца) отразило более ранние мифопоэтические представления о тождестве макро- и микрокосма, придало сакральный характер человеческим и общественным отношениям.

Последние предстали, как отражение космической драмы и явили собой структуру, характерную для предысторического мышления всех народов. Речь может идти, в данном случае, об известном мифе про двух близнецов и отражения в нем общности происхождения кыргызов и каракалпаков, а также освоении этих социально-этнических процессов мифопоэтической традицией [3: 66–69].

Возрождение народа мюйтен (*мой* – ‘шерсть’ по-ирански) легенды связывают с женщиной по имени Ак-Шолпан, якобы спасшей от уничтожения двух своих сыновей, от которых образовался этот народ [58: 84–89], впоследствии объединившийся с каракалпаками. Первоначальное же происхождение мюйтенов народная память связывает с Ираном. В этой связи, в контексте нашего исследования, мы предлагаем трактовать этноним *мюйтен*, как ‘речник’, или ‘идущие по реке’, причем, формант *мой* (шерсть) говорит о кочевом характере производственной деятельности этих племен. Наличие урана Ак-Шолпан и связывание своего происхождения с женским мифическим персонажем, олицетворяющим водную, влажную стихию, заставляет опять обратиться к образу иранской Arədvī Surā Anāhitā, покровительнице женских ремесел.

Нередко в эпической традиции речные пути описываются, как бесконечная пряжа и представлены в образе прядущей женщины. Например, в тюрк. *kātān* ‘полотно’, ‘лён’ от древнего переднеазиатского *ketaen / geten* ‘холст’ [1: 594]. Смысловое *kātān* ‘путь женщины’ можно соотнести со значением ‘путь воды’. Отголоском этой мифологемы мы находим в кыргызской сказке «Умный дехканин», где джигиты, посланные ханом найти глупца, на своем пути встречают женщину, которая сидит у юрты и прядет шерсть. Олицетворяя не только воду, но и время, которое у древних харак-

теризовало длительность, а не точку (т.е. совр. дата, число и т.п.). Прядение ассоциировалось с дорогой, путем, поэтому эту сказочную ситуацию можно было бы сегодня охарактеризовать следующими словами: «долго ли, коротко ли, ехали джигиты...» [23: 120].

Обретение новой родины мюнтенами происходило в несколько этапов и началось в конце I тыс. до н.э. Первоначальное место их обитания предания связывают с северо-западом Ирана, местом обитания кочевых ираноязычных племен в районе озера Урмия, носившем в древности название Ма(н)ти-ана [58: 175]. С последним исследователи связывают этноним мотиян [см.: 19]. В дальнейшем, на пути в Хорезм мюнтены оказываются в Туркестане, где постоянно сталкиваются с кыргызами (XVI–XVII вв.) [3: 66]. Однако, несмотря на эти столкновения, существуют предания о том, что сын предка кыргызов Долон-бия носил имя Эр-Калпак; также в числе легендарных предков кыргызов фигурирует Узун-Калпак Маат-бий, или Узун-Калпак Муратай [3: 67].

К одному из вариантов многократного повторения водного мотива, воспроизводящего фрагменты архаической модели мира, можно отнести самостоятельный сюжет в эпосе «Манас», предваряющий рождение богатыря Манаса. Содержание эпизода таково: мальчик Мендибай, погнавшись за конем Джакыпа (Джакып – отец еще не родившегося Манаса), исчезает в горах. Мать мальчика Канымджан, в поисках сына, проливая слезы, бродит по окрестностям. Однако даже в этой, тревожной для нее, ситуации, она характеризуется в тексте эпоса негативно: «...Вздорная женщина, бесстыжая она» [33: 221–225, 230–236]. Упоминается и отец Мендибая – Акымбек.

Схема эпических событий соответствует повествованию об Амбар-Она и ее сыне. Здесь обращает на себя внимание соответствие имен Хаким-Ата и Акымбек, а также одинаковость их функций в повествовании: также, как и в хорезмийской легенде, этот мужской персонаж в развитии сюжета не участвует.

Прежде всего, обратимся к семантике имени Канымджан, собственно к непрозрачной его части – Каным. Варианты этого имени известны, как Ханым, Хатун, Ханум, Катун, Катын, в тюркском означают ‘женщина’, ‘госпожа’, ‘жена’ [49: 188]. Соответствуя по смыслу индоевропейскому *ana* ‘мать’, первое, также как и второе, зафиксировано, как гидроним на территориях распространения тюркских языков: р. Катунь (левая и главная составляющая Оби), р. Катунь (левый приток р. Казыра в Западных Саянах), р.

Катанца (левый приток Чиноя в Монголии и Читинской обл. России), р. Хатунхэ (левый приток р. Тумыньцзян в Синьцзяне, КНР), р. Тунгуска (левый приток Амура на Дальнем Востоке. Россия), три Тунгуски – притоки р. Енисея эвенки называют Катанга.

Тексты орхоно-енисейских памятников содержат это слово, но в значении ‘земля’, ‘родина’. По поводу значения ‘катын’, ‘катун’, ‘каным’ в топонимической литературе идет многолетняя дискуссия, в которой одни утверждают, что эти слова означают ‘река’ [39: 9–11; 42: 184; 44: 23, 24]. Другие, не менее категорично, отрицают значение ‘река’, а доказывают, что это ‘женщина’ [16: 138–142].

Каным, будучи, как и многие тюркские слова, сложносоставным, представимо в следующем виде: ка//ным, где вторая часть – существительное, обозначает ‘влага’, ‘мокрота’, первая же – основа, представляет собой распространенный тюркский корень *qa-* ‘класть’, ‘складывать’, в то время как элемент *-t-* в глаголе *qat-* представлен в живых тюркских языках и в древних письменных памятниках. Причем, его семантика получает дальнейшее развитие и начинает означать ‘добавлять’, ‘прибавлять’, т.е. ‘соединять что-то с чем-то, взятым за основу’ [27: 13–14].

Уже на позднем этапе, отразилось и в лексике кыргызского языка: тюркский глагол *qa-*, характеризующий ситуацию в языковом плане, приобрел новое значение ‘спрятать’, ‘сделаться невидимым’, ‘исчезнуть’ [24: 358]. В других случаях этот глагол специализировался и стал обозначать ‘скручивать’, ‘свертывать’, ‘сучить’ (нитку, пряжу), т.е. соединять в одно целое соответствующим образом.

Обращение к лексической характеристике *каным*, *катун* проливает свет на закономерность называния этим словом только притоки рек, причем, что онтологически важно, – левые притоки, как добавляющие воду в главную речную магистраль. Эквивалентность эпической Канымджан влаге, а через нее иранской богине плодородия Ардвиге Сура Анахите подтверждается и наличием в сюжете из эпоса «Манас» тигра, шкуру которого, как символ плодородия доставляет Джакыпу вместе с его конем сын Канымджан – Мендибай, предсказывая, тем самым, рождение Манаса.

Здесь следует отметить, что, по мнению немецкого ученого Х. Нюберга, культ Анахиты – богини воды и плодородия сложился у кочевых иранских племен, в отличие от оседлых иранцев, у которых главным богом был Митра. Поэтому в условиях кочевого быта плодородие понималось не

только, как увеличение поголовья скота, но и как воспроизводство коллектива, уменьшавшегося в результате военных стычек. Следует отметить, что художественный образ богини плодородия в древнем пластическом искусстве часто представлен в сопровождении хищников кошачьей породы.

Повторение одной и той же закодированной информации, часто неосознаваемой более поздними носителями культуры и восстанавливаемой только в результате реконструкции и интерпретации, позволяет надолго сохранить ее с большей точностью. Набор мифологем ограничен и невелик, но подчиняется своим законам, связывающим в одно целое части и элементы и, создавая, таким образом, сложную, многоуровневую самоорганизующуюся систему. Система, в свою очередь, создает упорядоченность, как лингвистического, так и семантического характера. Нарушение этих законов влечет за собой искажение жизнеобеспечивающей информации, влияющей и на общественно-социальные отношения в этническом коллективе.

Анализ устных и письменных источников, содержащих слова с формантом *-ана*, *-ан* с очевидностью демонстрирует его многозначность, как понятия, в зависимости от описываемой действительности и ее пределами. Конкретный смысл этих слов диктуется в каждом случае фоновыми знаниями: идет ли речь о водном источнике, или социальных, ментальных и художественно-поэтических представлениях: образ женщины пластически преобразуется и находит свое обоснование.

На семантическом уровне данная лексическая ситуация прослеживается в кыргызской легенде, бытующей среди населения в окрестностях городища Бурана: где традиционный парный архетип «мужчина / женщина» связывается с архитектурным памятником Караханидской эпохи (IX в.) – минаретом, который в повествовании олицетворяет мировую вертикаль. Стержнем сюжета является «прятание» девушки, дочери хана, которой дервиш-мудрец предсказал смерть от укуса паука каракурта. Для предотвращения этого несчастья, по приказу хана была выстроена башня, куда и поместили, т.е., спрятали, юную красавицу. Мудреца же, предсказавшего трагическое событие, посадили в глубокий подвал под башней, специально для этого сооруженный [23: 327].

Нарушенный закон оппозиции – верх-низ, где с космологическим верхом соотносится мужчина, а с низом, землей и водой – женщина, в определенный момент был восстановлен: девушка, как было предсказано, умирает от укуса паука, что повлекло за собой ее «свержение» с башни и придание

земле. Легенда, в которой спроецирован миф о первоначальном космическом хаосе и последующем упорядочивании элементов космоса, орнаментирует внутреннее содержание гидронима *Бурана*, определяя гендерное место женского персонажа в иерархически дифференцируемой структуре представлений о мире и социуме.

Так, например, репрезентация первоначального смысла *ана* ‘мать’, как ‘вода’ и ‘река’, связана, с одной стороны, с процессом освоения социальной действительности, когда для понятия *су* ‘вода’ и *ным* ‘влага’ вводится классификационный термин ‘*анна*’ (она), обозначающий ‘часть’, добавляемую к однородной основе, т.е. маркируется ее вторичность. С другой стороны, отмечаются природно-биологические особенности женщины, вынашивающей ребенка продолжительное время в водной среде и изливающей эту воду в момент дарения жизни этому ребенку во время родов.

Отождествление таких, казалось бы, разных объектов действительности, как *вода*, *женщина*, *мать*, *земля*, *пряжа* и придало этому ряду, расположенному в логической горизонтальной плоскости, значения вторичности, следования, «левизны», негативизма и, одновременно, позитивизма. Таким образом, это отразило победу патриархальных общественных отношений и лексически манифестировало вытеснение женщины, как ранее главной социальной единицы, на второй план. Однако сохранение за женщиной статуса подательницы жизни, целительницы отразилось во фразеологизме «вода – это жизнь», в котором присутствует объективный ценностный компонент – *жизнь*.

Победа патриархата над матриархатом (IV–III тыс. до н.э.) свидетельствовала о наличии гендерной проблемы и успешной ее реализации в социально-культурных условиях того времени на центрально-азиатских и ближневосточных территориях.

Определяя в целом, значение имени реки Бурана, можно было бы назвать ее ‘Водоворот’, ‘Бурная река (вода)’ или «поворачивающаяся река» соотнеся топоформант *бур-* с индоевропейским *bur-* ‘вертеть’, ‘крутить’, с кыргызским – ‘поворачивать’, но не ‘это место’, как утверждает в своей статье Ф.Д. Ашнин [4: 95–105].

Таким образом, проанализировав цикл легенд, сюжеты кыргызских сказок и тюркские тексты VIII в., гидронимы с топоформантами *-ан* и *-ана*, мы приходим к выводу, что рассматриваемое словообразование ‘бурана’ относится к области производных наименований и упорядочивает типы связей,

наблюдаемые между объектами действительности. Общие черты, повторяющиеся в семантических дефинициях по своей структуре производных, могут быть представлены как аттестованные и принятые обществом мотивации.

Рассматривая концепт *бурана* с лингвокультурологической позиции, следует отметить, что возникновение данного концепта и его многовековое использование кыргызским этносом базировалось на вербальном уровне с привлечением языка, мышления, знания, культуры и поддерживалось национальным менталитетом. Сам концепт «бурана», построенный по принципу атрибутивного замещения, явился центральным стержнем, вокруг которого образовалась концептосфера родственных ему понятий, организуемых в экспликацию при помощи когнитивных парадигм: 1) бурана – слово; 2) Бурана – гидроним; 3) бур-ана – лексико-фразеологический термин; 4) бурана – знаковое значение: ‘река’; 5) бур-ана – категориальное значение: ‘приток реки’; 6) бур-ана – классификационно-концептуальное значение: ‘левый приток реки’; 7) -ана – когнитивно-информационное значение: ‘женщина, подательница жизни’; 8) бур-ана – социально-прототипическое значение: ‘женственность’, ‘вторичность’ и др.

Уже в древности начал формироваться взгляд на природу через призму антропоцентричности, создавая концепты, богатые разнообразными понятиями. В данном случае, в процессе научно-наблюдательной и мыслительной деятельности людей Центральной Азии и, в частности, Кыргызстана, женщина, как объект, предстала в их сознании образом-метафорой, соотносимой с речной водой и рекой, отраженной в гидрониме Бурана.

II. Миграция как когнитивно-деятельностное событие.

Межкультурная коммуникация в сфере знаний.

Гидроним Бурана как модель репрезентации

«...именно здесь я и подхожу, наконец, к проблеме, вынесенной в заглавие настоящего исследования: структура, слово, событие»

(Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций)

Проведенный структурно-лексический и семантический анализ гидронима Бурана показал его широкое пространственно-временное распространение на территории Евразийского ареала с сохранением, хотя частично

и утраченным в настоящее время, первоначального значения: ‘река’, ‘левый приток’. Однако гидроним Бурана (в форме *Буранунна*) функционировал в древности на территории Ближнего Востока.

Исследования шумерского эпоса о Гильгамеше венгерским ученым Домокоша Варги выявили древние названия рек: Евфрата – Буранунна, а Тигра – Идигина [9: 9, 17]. Названия этих «рек-близнецов» [см.: 29] в Месопотамии симптоматично родственны кыргызским словам ‘бурана’ и ‘идигине’ (адигине). Здесь мы находим подтверждение того, что принципы создания дифференцирования речных систем находят свой отклик в других регионах. Прототипический характер этих двух гидронимов, один из которых – Буранунна, олицетворяет фемининность, а второй – Идигина – маскулинность, можно рассматривать, во-первых, с точки зрения антропоцентризма, во-вторых, в контексте разнополового биологического близнечества, что характерно для индоарийской мифологической символики. В-третьих, гидроним Идигина расширяет семантическую биологическую тематику названия, т.к. его смысловое значение соотносится с древне-кыргызским социальным термином *иди* (*Иди*→*Идигине*→*Адигине*, где *иди* – корень слова, а *-гине* – суффикс), как номенклатуры социально-политических мужских титулов, ставшим, впоследствии, прародителем кыргызских племен Правого крыла *Адигине* [37: 236].

В то же время, термин *иди-*, как социально-политический классификатор, был широко распространен в Месопотамии: например, при раскопках храма в Мари (ныне – Телль-Харири) была обнаружена скульптура правителя Иди-Улума, а также статуя богини с «изливающимся сосудом». Эффект изливания был обеспечен сложной системой трубок (30: 183–184). Сохранились династийные списки правителей, где в начальной позиции стоит идеограмма *Иди-*, символизируя их социальный статус.

Однако согласно соответствию времени создания шумерского эпоса о Гильгамеше (конец IV – начала III тыс. до н.э.), в соотношении с тюркским временем бытования термина Идигине и современного гидронима Бурана, истоки которого, как представлено в научной исторической литературе, лежат в раннем средневековье, вызывает ряд вопросов. Во-первых, прежде всего, какие события глобального значения происходили на территории Кыргызстана в этот период, то есть, в эпоху бронзы, и какие события могли способствовать заимствованию слов из кыргызского языка в шумерский язык? Во-вторых, о каком глобальном уровне формирования идентификации

кыргызского этноса свидетельствует тенденция распространения этих древних лингвистических данных?

К этой проблеме неоднократно обращался в своих исследованиях известный советский историк-востоковед И.М. Дьяконов. Он, дискутируя с Г.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым, подчеркивал, что при решении исторических задач недостаточно обращаться только к сугубо лингвистическим средствам, а следует привлекать данные смежных дисциплин, в том числе и археологии (18: 3, 11).

Именно археологические данные, систематизированные в свете социально-политического и культурного развития общества на ранних исторических этапах дадут возможность объективного решения этих задач.

Известные археологические данные показывают, что материальная и нематериальная культуры Кыргызстана уже к концу IV тыс. до н.э. обрели устойчивое поступательное развитие в области технологий и социально-культурных отношений. Об этом свидетельствуют археологические находки наскальных графических изображений, а также каменные сооружения времени энеолита и эпохи бронзы на территории Кыргызстана и Южного Казахстана, географически представляющие горно-долинный ландшафт.

Прежде всего, следует отметить относящиеся к энеолиту и ранней бронзе каменные троны и культовые места для жертвоприношений с установленными каменными символами мужчины (справа) и женщины (слева), в Иссыккульской области (местонахождение: с. Орнок, северный берег оз. Иссык-Куль). Сам культовый комплекс – мегалитические сооружения и многочисленные петроглифы занимают обширное пространство площадью более чем 5 x 5 км. Вместе с тем, следует отметить, что вся территория Кыргызстана покрыта сетью многочисленных наскальных графических рисунков, что свидетельствует о демографическом и когнитивно-мыслительном взрыве в эпоху бронзы. Особенности технического исполнения рисунков и их философско-когнитивный контекст в Кыргызстане качественно отличен от аналогичных памятников других регионов Центральной Азии.

* * *

Палеогеографические исследования на территории Иссыккульской котловины, проведенные в конце XX – начале XXI вв. показали размах драматургии пространственно-временного формирования здесь природного ландшафта (≈2,6 млн. л.н.) [13: 71, 76]. Мощные неотектонические поднятия составили высоту от 2000 до 3000 м, т.о., горообразование уничтожило

океанические просторы на некогда равнинных пространствах Северного Тянь-Шаня – внутриматериковой области Евразии. В результате, в сценарии этой драмы, появились отдельные озёра (остаточные акватории с соленой хлоридно-сульфатно-натриевой водой) океанического происхождения.

Главное из них – озеро Иссык-Куль (горячее озеро, 182 x 58 км по направлению В–З), расположено на 1608 м над уровнем моря. В настоящее время оно занимает 7-е место в списке 30-ти мировых крупнейших водоемов этого вида. Там же, в Прииссыккулье, расположено и небольшое высокогорное озеро Туз-Куль (соленое озеро).

Незамерзающее зимой, с прозрачностью голубой воды до 47 м, в окружении высокогорных хребтов с белыми снежными шапками, озеро Иссык-Куль и прилегающий ландшафт всегда рассматривались местным населением, как весьма значимый реликтовый объект. Осваивая, интерпретируя и моделируя этот разноаспектный природный ландшафт, людьми были созданы легенды о его происхождении, в которых совместились природные и культурно-антропогенные, этногенетические и космогонические представления. Соответственно, повествуя о происхождении народа и мироздания, гением древнего этнического сознания данному месту был придан статус центра мира.

Речь, в данном случае, идёт о северо-западном участке на северном побережье оз. Иссык-Куль, пространство которого отличается наиболее широкой частью береговой линии и, самое главное, характеризуется таким фундаментальным качеством, как отграниченностью: с северной стороны участком горного хребта с ледниками, а с южной стороны – водным пространством озера. На данном участке расположены земли сел Орнок и Чон Сары Ой.

Культурологическая реконструкция границ рассматриваемого локального места является необходимой операцией для выявления знаковой сущности этого, уже культурно-природного объекта, каковым он стал в результате когнитивной деятельности, населяющих его с древности, людей. Прежде всего, выявляются иерархические закономерности, связывающие зрительные образы в системе визуализации, как по вертикали, так и по горизонтали, символизируя *верх / низ* и *движимое / недвижимое*.

На территории культурно-природного участка «Орнок» размером 5 x 5 км сосредоточено колоссальное количество археологических объектов разных эпох – от энеолита до средневековья. При этом, структурно, эта

площадь разделена на две семантически равные части: восточную и западную. На восточном участке находится комплекс древней наскальной графики, где часты изображения оленей, что соответствует кыргызскому местному родоплеменному самоназванию *бугу* (олень). Западный участок – это местонахождение каменных и мегалитических сооружений.

Разнообразные количественные характеристики древнего объекта ‘Орнок’ включают, прежде всего, культурно-ландшафтные водные и горные территориальные зоны, многочисленные наскальные графические рисунки, как одиночные, так и сюжетные, мегалитические сооружения и каменные скульптурные группы, которые, вместе с традиционными мировоззренческими понятиями местного населения представляют собой интегрально сложные качественные информативные визуальные системы.

Одним из аксиологически значимых объектов здесь являются два каменных трона времени ранней бронзы, которые расположены на линии С–Ю и обращены фасадами к озеру. При обзоре акватории озера с их местонахождения, поверхность озера оптически визуализируется вздутой, ассоциируясь с горой или монументальным холмом, что, по-видимому, было учтено при установке древнего трона для одной персоны в точке золотого сечения на указанной линии С–Ю (*табл. 1, рис. 12*). Данный трон, как символ актуализации наиболее ранних социальных отношений в древнем обществе и в контексте других каменных скульптурно-изобразительных композиций, символизировал еще и завершающий этап победы патриархата над матриархатом.

Культурно-природный комплекс «Орнок» являлся в древности парадигмой в представлении о божественной деятельности глобального масштаба, что позднее было отражено в религиозно-классическом фразеологизме: «И воздвиг он Трон над водами», предварительно создав вертикальную триаду сферы Вселенной – землю, наземное пространство и высокое небо (*кырг. кёк асман*). Причем в некоторых случаях упоминается и «водная гора». Именно с этого времени данное выражение становится распространенным ценностным образом в классической мировой литературе, как в религиозной, так и светской. Следует отметить, что с точки зрения расположения трона поверхность озера оптически визуализируется как гора внушительных размеров.

Важным компонентом этих информационных систем являются, в первую очередь, устойчивые принципы их композиций, позволяющие рас-

ширять и транслировать их компоненты в другие этнические культуры, как, например, шумерскую. В то же время, динамические, но не устойчивые компоненты, функционирующие в переходные эволюционные периоды, такие, как переход от матриархата к патриархату, зафиксированные в археологических объектах Орнока, могут проходить на других этнических территориях с разной степенью интенсивности, соотношения и упорядоченности.

Следует отметить, что, несмотря на разные уровни презентации содержания и организованности этих древних артефактов, они при исследовании и интерпретации позволяют отнести их к единому цельному образу, связанному с их однофактурным предметным носителем, т.е. камнем. Каменная индустрия достигла высокого уровня уже в эпоху неолита и получила дальнейшее развитие в эпоху бронзы, когда были созданы философско-когнитивные шедевры, выполненные в художественных образах.

С камнем и графическим рисунком на нем, т.е. петроглифом, как носителем ценнейшей информации, связано одно из важнейших технологических достижений глобального характера и мирового значения, которому трудно найти сравнение для того времени. Речь идет об изобретении конструкции, первоначально состоящей из двух колес, неподвижно закрепленных на объединяющей их оси, получившей название 'колесница'. Впоследствии была изобретена втулка, которая позволила сделать ось неподвижной, спицы и железный обод для деревянных колес, наконец, двухосные повозки, экипажи, затем все это, через века, эстетизировалось и, во всем блеске, предстало в культуре Персии, Древней Греции и Рима.

Однако начало всему этому блеску было положено в IV–III тыс. до н.э. в Средней Азии, а именно, на территории будущего Кыргызстана, о чем свидетельствует наскальная графика эпохи бронзы. Здесь, на территории Саймалуу-Таш (национальный парк в Тогуз-Тороузском районе Джалал-Абадской области), высоко в горах на черных поверхностях камней выбиты, а частично выгравированы, первые в мировой истории колесницы, а также отдельные ее части – колеса и ось с колесами, называемые исследователями «очковыми знаками» (?) (табл. I, рис. 4, 5).

Таким образом, здесь представлена не только колесница, но и ее эволюция. Более того, здесь, в рисунках, являющихся в данном случае текстом, представлен и сам процесс мышления людей эпохи бронзы, повествующий о том, что идея создания колесницы не была внесена извне, т.е. не была заимствована в результате коммуникации двух, или более субъектов. Так, не-

приметный, на первый взгляд, рисунок колес с объединяющей их осью (*табл. I, рис. 4*) информирует о первом, начальном этапе, предшествующем созданию самой колесницы. Следует обратить внимание на то, что одно колесо представляет собой лунный диск, а другое – солнечный.

Соответственно, здесь представлена ситуация, в которой участвует один наблюдатель, находящийся неподвижно в определенной точке и движущиеся, не коммуницируя по отношению к нему, небесные объекты. В определенных устойчивых пространственно-временных траекториях движения, Луна и Солнце оказываются одновременно на противоположных краях восточного и западного горизонтов, и наблюдатель визуально фиксирует их совместное астрономическое местоположение и, главное, движение. Прочерчивая соединяющую прямую линию между ними, наблюдатель осуществляет, как бы, инженерно-технологическую компоновку этих объектов в единое целое: двух колес с осью. Таким образом, в рисунках зафиксирован акт наблюдения и восприятия информации извне, а не передачи ее в процессе коммуникации.

Однако, чтобы придать движение этой конструкции, необходимо было найти движущую силу. И она была найдена.

В двух сюжетах с колесницами, которые еще трудно назвать в полной мере колесницами, показана, скорее всего, тренировочная выездка быков и козлов, а затем и лошадей, запряженных попарно в колесную вращающуюся ось с неподвижно укрепленными на ней сплошными колесами и управляющим этой упряжкой антропоморфным мужским персонажем. Это был второй этап создания колесницы.

Однако интеллектуальная инженерная мысль изобретателей, ободренная достигнутым, включая социально-культурную составляющую, пошла дальше, вперед. И вот, уже на третьем этапе, мы видим конные упряжки эпохи бронзы, стоящие на старте (*табл. I, рис. 6, 7*), как бы предваряя будущие, греческие олимпийские (*кырг. олүм-ские*) конные игры. первоначально связанные с похоронно-поминальной обрядовой культурой и позднее (VIII в. до н.э.) подробно описанные Гомером в поэме «Илиада» [14: 362–376]. Причем эти игры имели соревновательный характер и сопровождалась призами для победителей.

Сохранившиеся до сегодняшнего дня поминальные скачки в кыргызской традиционной культуре в этом значении, подробно и развернуто представлены в объемном эпизоде «Поминки по Көкөтөю» эпоса «Манас» [см.:

34], свидетельствующие о несомненно ценностных характеристиках данного, сохраненного с древних времен, культурного явления [12: 28–35].

Подтверждением этому тезису служат и другие петроглифы эпохи бронзы Саймалуу Таша, а именно, дискретные сцены соревнований певцов-акынов (*кырг.* айтыш), борцов и боксеров в характерной жестовой презентации (*табл. I, рис. 8–10*). Однако эти образы, отраженные в графических рисунках на разных камнях, сюжетно связанные с соревнованиями колесниц в единую качественно-концептуальную парадигму деятельности, а именно, идею конкуренции, что свидетельствует об активной социализации всего общества и отдельных его личностей. Обращает внимание и то, что все персонажи состязательных сюжетов представляют исключительно мужские персоны.

В наскальной графике эпохи бронзы мы видим изображение и женщины, в отличие от мужских фигур, склоненной, согнутой, что возвращает нас к такому гидрониму, как *Каран*, где топоформант *-ан* классифицирует слово как реку, а глагол *кар-*, где формант *-р-*, по мнению А.З. Абдуллаева, указывает на ареал его распространения: кыргызский и Саяно-Алтайский регионы [2: 36–42], а *qa-*, соответственно, *падающая, впадающая* (см. выше) и, таким образом, название реки будет ‘впадающая река’, или ‘приток’, но не ‘снежная река’, как считают У.Ф. Нидергулов и А.А. Камалов [43: 35; 21: 205–206]. Склоненную позу женщин в наскальной графике можно охарактеризовать термином *кар*, что не противоречит мнению Дж. Клоссона о значении древнетюркского *qa: da* ‘склоненный предмет’ (не отсюда ли идет позднерелигиозная идея создания женщины из ребра мужчины, как согнутой кости). В кыргызской традиционной культуре слово кость (*кырг.* сөөк) становится аксиологически окрашенным термином, когда речь идет о родоплеменной принадлежности человека.

Отсюда следует, что гидроним Бурана, как и другие гидронимы с топоформантами *-ана* и *-ан* имеют древнее происхождение, но, благодаря своему универсальному классификационному функционализму сохраняются до сегодняшнего дня.

Многолетние исследования древних петроглифов Кыргызстана показали, что вся его территория покрыта сетью древних наскальных графических рисунков, являющихся переходной формой от культуры устной речи к письменной культуре, и в которых, прежде всего, сконцентрирована ценнейшая концептуальная информация социально-культурного, инженерного,

космогонического, философского, преднаучного, гендерного и художественного характера.

В этноисторическом аспекте важную роль играет исследование инженерно-конструкторского концепта ‘колесница’, включающего понятия ‘движение’, ‘скорость’, ‘пространство’, ‘время’ и, даже, космологические идеи, связанные с антропоморфным свойством образа Солнца, осуществляющего движение на колеснице. Здесь антропоцентризм, присущий эпохе бронзы, примером чего является и гидроним Бурана, метафорически представлен в сюжете действий светила, как деятельности акта.

В сюжете графической картины с местонахождения Тамгалы, объединены образ антропоморфного Солнца и образ созвездия Быка, но не реального животного, символизируется весенний день равноденствия для времени эпохи бронзы (*табл. I, рис. 11*). Однако в современной научной литературе за подобными изображениями антропоморфного солнца закрепился термин «солнцеголовый». Данный взгляд противоречит глобальной преднаучной концепции антропоцентризма, разработанной первыми учеными в мире – людьми эпохи бронзы и представленной в наскальной графике Центральной Азии. Об этом также свидетельствуют одиночные изображения Солнца, представленные с человеческой фигурой. Известны древнейшие изображения кентавров, у которых верхняя часть туловища человеческая, нижняя – коня, а также быка Минотавра, имеющего человеческое тело, что свидетельствует о широком распространении идеологии антропоцентризма в древности, о концептуальном выделении человека из мира животных, осознания наличия мышления у него.

Еще более подробно этот сюжет развернут на глиняной табличке из Шумера, на которой помимо образа созвездия Быка, в нижней части изображения представлен и образ созвездия Скорпиона, как символа осеннего равноденствия в эпоху бронзы (*табл. II, рис. 3*). На другой глиняной табличке показана сцена жертвоприношения быка в день празднования Нооруза, где жрец закалывает его. Вместе с тем, в нижней части картины, также имеется и изображение скорпиона (*табл. II, рис. 2*). Однако следует отметить, что в обоих случаях в сюжетах из Шумера присутствуют жрецы, придавая действиям уже религиозный характер. Как было показано выше, мышление людей эпохи бронзы в Центральной Азии и, конкретно, в регионе современного Кыргызстана имело ярко выраженное инженерно-конструктивное направление. Это выразилось, прежде всего, в конструировании первой в

мире колесницы и астрономических наблюдениях, социально-культурном развитии и первых опытах государственного строительства, о чем свидетельствуют находки каменных тронов на Иссыккульском побережье. Социализация общества проявилась также в установлении патриархата, что повлекло за собой разделение труда на мужской и женский.

Мотивы деятельности, при этом, приобрели личностный характер, о чем свидетельствуют петроглифы с сюжетами парных состязаний певцов-рапсодов, соревнованиями единоборств и колесниц. На определенном этапе самореализации, личность социализировалась под влиянием ценностных достижений общества, в результате чего возникла тенденция трансляции своего уникального «Я» и своего опыта вовне, в пространство других «Я». Именно в этот период произошло событие, которое К.Маркс охарактеризовал, как «развитие всех» при условии «развития каждого» [35: 447].

Интерпретируя рассмотренный социально-культурный, технологический, лингвистический и космологический единый комплекс эпохи бронзы на территории Кыргызстана, приходим к выводу, что в IV–III тыс. до н.э. здесь сложилась уникальная ситуация концентрации знаний различного направления. Объединяющим признаком этого комплекса впервые стал процесс антропоцентризма, характерный для всех видов деятельности и, применяемый даже к физическим объектам окружающего мира.

Знания, имеющие тенденцию к распространению, транслировались в древности человеческими коллективами путем миграций. Миграционные процессы в древности носили самый разносторонний характер, но их основой были территориальные интересы, как показал в своем теоретическом исследовании Л.С. Клейн [см.: 25]. Однако наиболее значимой стороной передвижений людей было донесение ценностной знаниевой информации из центров ее создания. Коды новой культуры, принесенные на новые территории, способствовали не только ускоренному развитию общества, но и, в исключительных случаях, созданию цивилизаций.

Примером такого исключительного события явилась шумерская цивилизация эпохи бронзы, уровень которой выразился в структуре уровня социализации и культуры. На наш взгляд, маркером этого процесса стали обладающие ценностным значением, многочисленные протокыргызские, лингвистические данные, заимствованные шумерами в свой язык.

Занимая территорию нижнего течения рек Евфрат и Тигр, впадающих в Персидский залив, шумеры в III тыс. до н.э. создали цивилизацию, счита-

ющуюся одной из первых на Земле [см.: 28]. Однако во времена шумеров эти реки носили другие наименования (см. выше). Одним из правителей в царстве Шумер (XXVII–XXVI вв. до н. э.) считается полубог-герой царя города-государства Урук в Шумере Гильгамеш – эпический герой, в имени которого слышится знакомое: Бильге-каган (Бильгемес) орхоно-енисейских рунических текстов.

Особенностью шумерской культуры этого периода, как доказали исследователи, считается наличие в языке большого количества слов тюркского происхождения (от 60 до 800 слов), близкородственных кыргызскому языку [56: 228–229, 234–235; 57: 543–547]. Причем, заимствованные шумерами слова отражают целостные культурные системы: социальные, технические, философские, счетно-цифровые и др. Попытки европейских ученых найти генетические связи шумеров с языками Евразии не увенчались успехом, как отмечает О. Сулейменов [56: 229–230].

В контексте рассматриваемой проблемы происхождения гидронима Бурана, считающегося тюркским, но восходящим к арабскому, наметилась тенденция удревнения термина до времени эпохи бронзы, включив его в список тех, уже известных протокыргызских слов, которые присутствуют в словаре шумерского языка. Гидроним Идигина (р. Тигр) также может быть отнесен к семейству протокыргызских терминов в шумерском языке. В данном случае здесь заимствованы не только наименования гидронимов, но и сам принцип названия: в семантике имен рек присутствует парная гендерно-гносиологическая ориентация, содержащая маскулинность – Идигене-Тигр (справа) и фемининность – Бурануна-Евфрат (слева).

Следует обратиться еще к одному заимствованному шумерами протокыргызскому слову ‘шам’, используемого в кыргызской гидронимике и сохранившемуся в современном кыргызском языке в форме Шамси (Шамшы). Однако его судьба оказалась драматичнее, чем у предыдущих слов. Термин ‘шамаш’ был заимствован из протокыргызского в комплексе с таким словом, как тенгир (бог, небо) и стал в этом значении словом ‘дингир (демер)’. Термин ‘шамаш’, являясь двусложным: *шам-аш*, был применен шумерами в наименовании бога Солнца, хотя у них имелось свое имя для этого бога – Уту.

Восприятие нового имени для бога Солнца произошло под влиянием привнесенной когнитивно-деятельностной культуры протокыргызами-мигрантами, под воздействием которой был активизирован творческий

подъем в обществе. Отличие нового имени бога Солнца состояло в том, что оно отражало деятельностный характер объекта, а не предметный, как было ранее. Новое имя бога Солнца – Шам-аш (Пожиратель темноты) сделало его прежнее имя табуированным, а наименование бога обозначалось через его функцию.

Герметизация теонима, имени священного объекта, со временем, повлекло за собой великую путаницу, усиленную позднее, уже в раннем средневековье, арабским завоеванием Средней Азии. Аллегорический смысл заимствованного шумерами слова стал затемненным, и оно приобрело вторичное значение, в результате чего возникла логическая ошибка – подмена понятий, причем понятий, имеющих противоположное значение: *солнце* (*свет*) и *темнота*. В арабских странах и странах Персидского залива вторичное заимствованное из шумерского чужеродного слова, обозначающего *темноту* ‘шам’ стало, как эпитет Солнца, олицетворять ‘свет, свечи’.

В первой половине I тыс. н.э. при арабском влиянии протокрыгызский (арийский) гидроним *Шамси* (*Шамиши*) – ‘темноводная река’ стал трактоваться, как ‘солнечная река’, это толкование было подхвачено уже современными учеными (как в случае с гидронимом *Бурана*) и широко распространилось. Тем не менее, термин ‘шам’ в кыргызском языке сохраняет, до сегодняшнего дня, свой истинный первоначальный смысл – ‘темный’, но в астрономическом значении времени суток (например, в словосочетании ‘шам намаз’, т.е. вечерняя, сумеречная молитва), тем самым, косвенно интерпретируя древний корень слова *шам-*, как относящегося к сфере астрономии, в отличие от слова *карангы* ‘темный’ для цветообозначения.

Диалог культур способствовал ненасильственному внедрению, в первую очередь, ценностной информации технологического, социально-культурного, управленческого и лингво-фразеологического содержания. Данный качественно-количественный комплекс стал той базой, на основе которой, общество эволюционировало и сформировало новые тенденции, связанные, с одной стороны, стремлением осуществить свой творческий знаниевый потенциал на более широком пространстве и, с другой стороны, расширением сферы влияния на иные этнические коллективы.

Ключевыми принципами, определившими направление социально-культурной миграции племен эпохи бронзы, было предпочтение наличия речных пространств (Месопотамия, Индия, Енисей, Алтай, Восточный Туркестан, Памир), как природных объектов и, в то же время, целенаправленной

организации современного, для того времени, мышления у автохтонного населения на новых территориях. В свою очередь, ценность миграционных информационных потоков стимулировала развитие цивилизационных составляющих в ареалах принимающих обществ, как это произошло в Шумере. При этом, наиболее важной и действенной стала многоуровневая вербализованная информация, обладавшая исторически значимыми ценностями для развития общества, включая гидронимию, технологические и социальные достижения, в том числе и парные термины родства.

На основании сведений, сохранившихся в древних источниках и свидетельствах о передвижениях арийских племен из северных областей, был создан ряд теоретических моделей. Одной из главных стала индоевропейская, в которой отдавалось предпочтение новейшим географическим представлениям о частях света, в данном случае, о севере, а не о направлении движения пришельцев с точки зрения самих народов, подвергшихся этому историко-культурному влиянию и оставивших свидетельства о столь глобальных событиях.

Миграции в эпоху бронзы не были столь массовыми, как часто представляется в историографии проблемы. Характер миграций был разнообразный. Так, например, известный российский археолог В.И. Молодин, говоря о миграциях в бронзовом веке, отметил, что «изучение древних миграций является одной из важных проблем, которая стоит перед археологией любой эпохи, начиная с древнейшего периода... *Причины и механизмы миграций, а также их проявление далеко не однозначны (выделено нами – Л.В.) и должны рассматриваться с учетом конкретно исторического, географического и палеоэкологического контекста*» [32: 22].

Соответственно, территория Средней Азии, как части Центральной Азии, виделась, особенно для Индии, как северная земля. Протокрыгзы-арийцы проложили путь не только в Шумер, но и Индию, открыв путь более поздним кочевникам II в. н.э. Именно в Индии произошло обожествление колесницы и главной ее детали – оси. Ей посвящены гимны Ригведы, в которых даже мысль и речь сравниваются с упряжкой коней, сама же колесница описывается как быстроходная, объезжающая всю вселенную. Причем Агни, бог Солнца, представлен, как движущийся в разные стороны, что характерно и для изображения колесницы эпохи бронзы с местонахождения Елангаш (Алтай) – региона пребывания и влияния протокрыгзов [47: 22, 23, 114, 205, 29; 12: *рис. 14*].

Присутствие древних ариев (IV–III тыс. до н.э.), пришедших с территории Средней Азии (севера) в Месопотамию отразилось в шумерском языке и письменности, в которых слова ‘дом’ и ‘шатер’ представлены рисунчатыми знаками *юрта* и *алачык* (табл. II, рис. 4) и ее деталей [9: 22; 56: 233, 241]. В одном из рисунков кереге (стены юрты) сочетается с двустворчатой дверью. Эти данные, вкуче с лингвистическими свидетельствами, говорят о наиболее ранних этапах передвижения народов, носивший, по-видимому, мирный, пассионарный характер.

Протокыргызы-арии, будучи этносомм-пассинарием, благодаря владению революционными технологическими новациями в области передвижения, совмещенными с селекционным приручением лошади, имевшие развитую для того времени прогрессивную социальную инфраструктуру, научно-наблюдательные знания в области астрономии, социологии и философии, были открытым, конкурентно способным цивилизационным обществом, готовым изменять мир, распространяя знания. В то же время, Месопотамия представляла собой закрытое общество, состоящее из небольших замкнутых городов, но внутренне уже созревшим для активного взаимодействия, социально-культурным переменам и адаптации к ним.

Взаимодействие открытого и закрытого обществ в системе интеллектуального диалога культур, диктовал и характер этого взаимодействия, т.е. трансляции знаний, как исторического события. Общение протокыргызских миссионеров-мигрантов происходило, по-видимому, на уровне элитных слоев шумерского общества. Поскольку принесенные знания обладали единой целостной упорядоченной структурой, в отличие от систем с размытым множеством, которыми оперировали сторонники т.н. индоевропейской теории, то это требовало участия в инновационных процессах правящей верхушки, а также образованных слоев общества. Именно в период с конца IV–III тыс. до н.э. возникает институт дервишей-путешественников, который уже в раннем средневековье преобразуется в институт суфизма.

Символом дервиша были книга, как источник мудрости, и посох, как символ пути. Дервиши разных сообществ отличались формой головных уборов. Наиболее ранний образ дервиша мы находим в наскальной графике эпохи бронзы на местонахождении Арпаузен (табл. I, рис. 2, 3).

Заключение. Называть вещи своими именами

«...обретая новое употребление – как бы незначительно оно ни было,

– слово возвращается в систему. Возвращаясь в систему, оно сообщает ей историчность».

(Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций)

Исследуя семантику гидронима Бурана, мы приходим к выводу об автохтонном его происхождении на территории древнего Кыргызстана еще в эпоху бронзы. Подтверждением служат не только лингвистические данные, что важно, но и комплекс культурологических, гендерных, психологических мифологических, фольклорных данных, присущих кыргызской традиционной культуре. Причем, кодом всего комплекса стала целостная деятельность-когнитивная модель, демонстрирующая концептуальную направленность творчества людей, транслирующих свои достижения вовне.

В то же время, термин 'бурана' в качестве гидранта присутствовал на отдаленной территории, а именно в Месопотамии, уже в эпоху бронзы, причем в комплексе с другими, считающимися в настоящее время тюркскими словами. Вместе с этими лингвистическими данными был выявлен целый ансамбль достижений, приписываемых шумерской культуре, центральным элементом которого ученые посчитали создание первой колесницы в мире.

Тем не менее, ими не были обнаружены и предоставлены артефакты в доказательство этого тезиса. Однако, поднявшийся в науке информационный бум вокруг шумерского феномена, привел к прямо противоположным необоснованным мнениям, выдаваемых за научные гипотезы. Лейтмотивом этих гипотез было мнение о влиянии древнешумерской цивилизации на культуры народов Евразии и Ближнего Востока, так некоторые авторы прямо заявляют: «...что тюркское эпическое творчество берет свое начало из шумерского фольклора» [52: 14]. При этом не был учтен фактор пространственно-временного хронотопа: так ценностные ориентации субъектов о времени существования принципиально отличны от ценностных ориентаций средневековой тюркской культуры – их разделяют более чем три тысячи лет.

Тем не менее, следует отметить, что представленный в настоящей статье пучок-комплекс археологических, лингвистических и этнографических данных, сохранившихся на территории современного Кыргызстана, свидетельствует об аксиологически-значимых древних центральноазиатских культур и их роли в развитии мировых цивилизаций. Кроме того, эти данные являются показателем достижений в развитии когнитивного мышления, породившего знания широкого профиля, причем не методом коммуникации, а сконструируемых путем опыта и внешнего наблюдения факторов окружаю-

шего мира. Здесь же, на территории Кыргызстана, в эпоху бронзы, произошел цивилизационный поворот, важный для всего человечества – структуралистский поворот к антропоцентризму и дуализму во всех областях жизни человека и общества.

Выработанные типы связей, как лингвистические, так и семантические, при создании термина *бурана* в Кыргызстане были обусловлены социальными и технологическими революционными преобразованиями в обществе, в эпоху перехода от матриархата к патриархату (IV–III тыс. до н.э.).

Существующее априори мнение ученых об ариях, как создателях первой колесницы, нашло подтверждение в исследованиях генетиков в начале XXI века. Собранные образцы ДНК этнических кыргызов показали высокий процент гаплогруппы R1a1 (64%), соответствующий древнему арийскому населению. Еще более высокие показатели гаплогруппы R1a1a, которые были выявлены у отдельно протестированной группы потомков Адигене (100%) и Тагая (79%) [50: 48–51].

Таким образом, археологические и лингвистические данные вкупе с данными современных генетических исследований ставят вопрос об исторически-первоначальной прародине кыргызов – автохтонного народа на территории Кыргызстана, как центра арийства, с древности и до сегодняшнего дня, включая периодические миграции части населения в радиальных направлениях, относительно этого центра.

Литература:

1. *Абаев В.В.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т.1. 586 с.
2. *Абдуллаев А.В.* К вопросу *r~z* в тюркских языках // Советская тюркология, 1984, № 2. С.36–42.
3. *Абрамзон С.Я.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 402 с.
4. *Ашинин Ф.Л.* Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura* (бура) «это мести» // Тюркологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 95–105.
5. *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию. М.: Наука, 1966. Т. IV.
6. *Бенвенист Э.* Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
7. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч.1.
8. *Благова Г.Ф.* В.В. Радлов и изучение тюркской топонимики // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 102–132.
9. *Варга Д.* Древний Восток. У начала истории письменности. Будапешт, Изд-во Корвина, 1985. 165 с.

10. *Васильев В.Л.* Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1972. С. 262–278.
11. *Ведутова Л.М.* «Конец света» в археологических находках с раннесредневековых городищ Чуйской долины // Вопросы истории Кыргызстана. 2012, № 4(27). С.152–163.
12. *Ведутова Л.М.* Смысл и значение агонических сюжетов в наскальной графике эпохи бронзы Центральной и Средней Азии // Известия НАН КР, 2016. № 1. С. 28–35.
13. *Воскресенская Г.Н., Лефлат О.Н.* Палеогеографическое развитие котловины озера Иссык-Куль в плейстоцене // Вестн. моск. ун-та. Сер.5. География. 2014. № 3. С.71–77.
14. *Гомер.* Илиада. М.: Изд-во «Правда», 1984. 429 с.
15. *Дмитриева Л.В.* Хуастуанифт (введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 296 с.
16. *Добродомов И.Г.* Не «РЕКА» – а «ЖЕНЩИНА» (о достоверности топонимических этимологий) // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 138–142.
17. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
18. *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // ВДИ 1982, №3. С. 3–30.
19. *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // ВДИ 1982, №4. С. 11–24.
20. *Ильясов С.* Пережитки шаманизма у киргизов // Труды Института истории. 1944. Вып. 1. С.181–184.
21. *Камалов А.А.* Некоторые вопросы изучения топонимики Башкирии // Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973. С. 201–209.
22. *Карцевский О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Наука, 1965. С.85–93.
23. Киргизские народные сказки. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. 364 с.
24. Киргизско-русский словарь. Сост. Юдахин К.К. М.: Советская энциклопедия, 1985. 504 с.
25. *Кляйн Л.С.* Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973 / Доклады советской делегации. М., 1973. 17 с.
26. *Кононов А.Н.* Еще раз об этнониме «кыргыз» // Тюркологические исследования. Сб. статей, посвященный 80-летию академика К.К. Юдахина. Фрунзе, 1970. С. 16–20.
27. *Кормушин И.В.* Лексико-семантическое развитие корня *qa-* в алтайских языках // Тюркская лексикология. М.: Наука, 1971. С. 9–29.
28. *Краммер С. Н.* История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 255 с.
29. *Ллойд С.* Реки-близнецы. Пер. с англ. М.: Наука, 1972. 239 с.
30. *Ллойд С.* Археология Месопотамии. Пер. с англ. М.: Наука, 1984. 280 с.
31. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 459 с.

32. *Молодин В.И.* Направление миграционных потоков в эпоху ранней – развитой бронзы. Барабинская лесостепь (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4(42). С. 22–24.
33. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 1. М.: Наука, 1984. 543 с.
34. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 3. М.: Наука, 1990. 512 с.
35. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е издание. М.: Политиздат, 1955–1981. Т.4.
36. *Массон М.Е., Горячева В.Д.* Бурана. Фрунзе: Илим, 1985. 94 с.
37. *Мокеев А.М.* К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры *ажо* и *иди* енисейских и алтайских кыргызов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляшторного. СПб.-Улан-Батор, 2016. С. 229–237.
38. *Мурзаев Э.М.* К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня // Изв. ВГО, 1940. Т. 72. Вып. 3.
39. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М.: Изд-во Мысль, 1974. 382 с.
40. *Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 229 с.
41. *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На примере «Хосроу и Ширин» Кутба. М.: Наука, 1975. 479 с.
42. *Никонов В.А.* Вопросы топонимики Востока // Топонимика Востока. М.: Наука, 1962.
43. *Нилергулов У.Ф.* О гидрониме «Соран», правом притоке Самары // Советская тюркология, 1984. № 2. С. 31–38.
44. *Поспелов Е.М.* Топонимика в школьной географии. М., 1981. 144 с.
45. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 2. СПб., 1911.
46. *Радлов В., Малов С.* Сутра «Золотого блеска» // «Billiotheca Budhica», XVII. Вып. I–VIII. СПб., 1913–1917 // *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. М.: Наука, 1975. 479 с.
47. *Ригведа.* Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 767 с.
48. *Рогожинский А.Е.* Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, 2004.
49. Русско-киргизский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1957.
50. *Сабитов Ж., Даулет Б.* Потомки Адигене и Тагая среди киргизов // The Russian Journal of Genetic Genealogy/ Volume 4, No 2, (2012) / Volume 5, No 1, (2013), С. 48–51. Zhaxylyk Sabitov Batyr Daulet.
51. *Сапарбекова Г., Уразбаева М.* Вопросы тюркологии в книге «АЗ и Я» Олжаса Сулейменова (электронный адрес: http://www.rusnauka.com/15_NNM_2014/Philologia/170548.doc.htm)
52. *Садыг И.* Шумерское начало в тюркской эпической традиции // Народна творчість та етнологія. 2014. № 1. С. 14–20.
53. *Самтаров Г.Ф.* Происхождение названия Казань // Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971. С. 155–163.
54. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: М.: Наука, 1974. 768 с.

55. *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
56. *Сулейменов О.* Язык письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества. Алматы-Рим: Изд-во «San Paolo», 1998. 497 с.
57. *Сулейменов О.* Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Изд-во Жалын, 1990. 592 с.
58. *Толстова Л.С.* Исторические предания Южного Приаралья. М.: Наука, 1984. 248 с.
59. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР. 276 с., карты.
60. *Brentjes B.* Alte Sigel-Kunst des Vorderen Orients. VEB E.A. Seemann Verlag Leipzig, 1987. S. 223.

Сулайманова А.Т.

Археологические источники об образе Умай

Ключевые слова: Умай, Тенгри, божество, язычество, поклонение, древние тюрки, мировоззрение, культ, шаманизм, Центральная Азия.

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа Умай, покровительницы женщин и детей у тюркских народов. В одной из исследовательских концепций впервые задействована находка – валун с изображением персонажа в трехрогом головном уборе, обнаруженный в могильнике Кудырге (Алтай). Позднее на памятниках в Хакасии, Кыргызстане и Казахстане были обнаружены и другие, похожие на кудыргинский персонаж. Изучение этих материалов позволяет представить основу иконографии, характеризующую археологическую составляющую часть образа Умай в трехрогом головном уборе.

Умайдын образы тууралуу археологиялык булактар

Негизги сөздөр: Умай, Теңир, кудай, бутпарастык, сыйынуу, байыркы түрктөр, дүйнө тааным, культ, шаманизм, Борбордук Азия.

Аннотация. Макала түрк элдерининдеги аялдардын жана балдардын колдоочусу эсептелген Умайдын образын изилдөөгө арналган. Изилдөө концепцияларынын биринде алгачкы жолу Алтайдын Кудыргэ көрүстөнүнөн табылган ташка түшүрүлгөн үч мүйүздүү баш кийимчен каармандын сүрөтүнө кайрылышкан. Кийинчерээк Кудыргэ каарманына окшогон башка эстеликтер Хакасиянын, Кыргызстандын жана Казакстандын аймактарында да табылган. Бул материалдарды изилдөө үч мүйүздүү баш кийим кийген Умайдын иконографиялык сыпатын мүнөздөөчү археологиялык компоненттин өзөгүн түзүү мүмкүнчүлүгүн берет.

Archaeological sources about the image of Umai

Key words: Umai, Tengri, deity, paganism, worship, ancient Turks, worldview, cult, shamanism, Central Asia.

Annotation. The article is dedicated to the study of the image of Umai, the patroness of women and children among the Turkic peoples. In one of the research concepts, for the

first time, a find was involved - a boulder with an image of a character in a three-horned headdress, discovered in the Kudyrga burial ground (Altai). Later, on monuments in Khakassia, Kyrgyzstan and Kazakhstan, others similar to the Kudyrga character were also found. The study of these materials allows us to present the basis of iconography, which characterizes the archaeological component of the image of Umai in a three-horned headdress.

В средневековье у тюркоязычных народов существовали различные верования и поклонялись они языческим божествам. Как известно, в их ряду особое место занимает культ матери Умай, элементы поклонения которой сохранились у современных народов Центральной Азии, включая кыргызов, по сей день. В тот период исторического развития во многих уголках земного шара доминировал культ женских божеств, который был связан с ролью женщин в том или ином обществе. Культ матери Умай являлся составной частью сложной системы религиозных представлений у древних тюрков.

Древнетюркские языческие божества Тенгри, Йер-су, Умай и, связанные с ними представления, исследуются разными учеными, в их числе историки, археологи, этнографы, лингвисты и т.д., которые внесли большой вклад в изучение культа божества Умай.

Слово «Тенгри» в переводе с древнетюркского языка означает «небо, небеса», а также «Бог, верховное Божество» [7: 80]. Представление о том, что небо является местом нахождения верховного Божества, а земля и вода (земные и водные объекты) населены множеством других божеств, подчиняющихся небу, характерно для шаманистско-анимистических культов. Позднее, когда тюркские племена стали принимать новые религии, слово «Тенри» почти везде оставалось в значении «Бог» [7: 81].

У древних тюрков Умай считалась супругой могущественного бога, управлявшего всеми процессами на земле. Умай – это богиня плодородия, покровительница новорожденных, олицетворяющая женское начало [5: 35]. Она входит в триаду высших божеств тюркского пантеона. Люди почитали Умай, ей приписывались такие свойства, как благожелательность, забота о женщинах и детях. Она считалась хранительницей домашнего очага и покровительницей урожая. Считалось, что без ее покровительства в природе ничего не растет, она покровительствует даже растениям, животным и кормит их. Кроме того, мать Умай вселяет любовь в сердца людей, благословляет семейные пары на свадьбах, присутствует при рождении детей.

У древних тюркских народов Умай изображалась в виде женщины с трехрогой короной на голове и крыльями за спиной, иногда с чашей в руках. Считалось, что она из этой чаши дает младенцам напиток с целебными свойствами [7: 81]. В народном понимании Умай была дальновидной и справедливой, поэтому люди называли ее матерью Умай. Древние люди верили, что все процессы в природе управляются некими силами и у каждого предмета или явления есть свой покровитель. С распространением ислама подобные верования стали исчезать, но некоторые их элементы смешались с исламом и сохранили свое влияние до нашего времени [4: 135].

В генетическом отношении древнетюркская, алтайская, киргизская Умай, узбекская Амбар-она, якутская Аисыт – разные ипостаси одного и того же образа. Представление о божестве Умай у киргизов является верованием, пережившим тысячелетие, осколком одного из древнейших культов, родиной которого была Центральная Азия, а пределами отмеченного пока распространения Алтай, Тянь-Шань и ближайший к его западным отрогам уголок среднеазиатского оседлого мира. Это представление может быть отнесено к категории воззрений, порожденных материнским строем общества, но, возможно, возникших еще в предшествующую эпоху [5: 35].

В 70–80-х годах XX в. исследователь В.Я. Бутанаев в своей работе «Культ богини Умай у хакасов» подробно охарактеризовал сущность богини Умай и провел сравнительный анализ этнографических и фольклорных данных тюркоязычных народов, населяющих Сибирский регион [2: 93].

В хакасских легендах имеются сведения о храме («Ымай-тас», «Ымай-таш»), в котором пребывает мать Умай. Ученые сравнили их с реальной картиной и попытались определить, где он находится [9: 89]. Ссылку на правый берег Западно-Саянского ущелья на реке Енисей исследователь В.Я. Бутанаев связывает с горой Амай (напротив поселка Майна). Вышеупомянутый Ымай-тас находится на горе Умай, которая имеет треугольную форму, похожую на женскую грудь (если смотреть на северо-западную и восточную стороны). Она отличается от других горных массивов и издавна привлекает внимание людей. По поверьям древних народов, Умай на этой горе ходит среди невидимых для людей белых облаков, покровительствует рождению детей и оберегает их от зла [9: 91].

В мифах повествуется о том, что дух-хозяин этой горы охраняет храм. И на самом деле у подножия горы Амай стоит скала, которая имеет вид головы сурового старика с нахмуренными бровями. Она похожа на

рукотворную, в связи с чем сразу привлекает внимание людей и является объектом поклонения шаманов. Еще одна необычная скала в виде башни находится на правом берегу Енисея, у южного подножия горы Умай. Предположительно, скала-башня считалась входом в гору, где обитала Умай, или же рассматривалась как жилище духа-хозяина горы. В заклинаниях шаманов одновременно упоминались гора Умай, храм Умай и дух-хозяин в виде старика. В связи с этим, можно предполагать, что гора и башня, вернее всего, являлись единым священным комплексом [2: 93].

Некоторые российские ученые считают, что возможно к горе Умай относится трёхглавая вершина Боруса в Западном Саяне. Л.П. Потапов допускал возможность считать таковой гору Уч-суури, расположенную в верховьях р. Байгола. Также в таком качестве иногда рассматривается трехвершинная гора Белуха, расположенная на Алтае. Предполагается, что три вершины горы Белухи, где обитала Умай, символизируют трехрогие венцы на головах древнетюркских правительниц. Из этого можно сделать следующие выводы:

- древние тюрко-монголы верили, что мать Умай обитала именно на трехребневой горе Умай;
- на горе Умай находится храм, в котором, согласно легендам, хранятся души маленьких детей;
- гора Умай, храм и скала, представляющая собой образ хмурого старика, рассматривались как единый сакральный комплекс, являющийся местом поклонения людей, практиковавших шаманизм и тенгрианство.

Самым известным археологическим памятником являются древнетюркские рунические тексты, в которых упоминается Умай, супруга кагана – «величественная мать-катун возвеличивается как Умай».

В.Я. Бутанаев изначально, в отличие от других ученых, утверждал, что в рунических текстах упоминается не только богиня Умай, но и жена кагана – катун. Мнение В.Я. Бутанаева подтверждается и выводами узбекистанских ученых, обнаруживших монеты с Чачского оазиса, датированные VI–VIII вв., на которых имеются изображения портретов древнетюркских правителей и их супруг в трёхрогих головных уборах-коронах. На основании этих изображений ученые пришли к выводу, что женщины с трехрогой короной на голове и особых пышных одеяниях могут являться не только матерью Умай, но и супругами правителей.

На Кудыргинском валуне (Алтай) изображен процесс поклонения людей женщине в пышных одеждах и с трехрогой короной на голове, которая, видимо, надевается во время определенных церемоний [3: 236]. Существует предположение, что по некоторым признакам указанное женское изображение принадлежит Умай. На Сулекских наскальных изображениях (Хакасия) найдены два изображения персонажей в таких же трехрогих коронах. Большинство ученых склоняются к мнению, что это изображения Умай, а некоторые считают, что это Тенгри.

Головной убор с тремя зубцами является также атрибутом женских личин из Апшиякты (Центральный Алтай) и женских изваяний из Семиречья. Чаще всего в литературе его именуют трехрогим головным убором, реже – трехрогой тиарой или короной [9]. Ученые отмечали, что этот головной убор свидетельствовал об особом статусе его владелицы. Интерпретация данного атрибута чрезвычайно важна, т.к. именно он служил основным аргументом в пользу иконографической принадлежности персонажа в трехрогом головном уборе к божеству Умай либо шаману (шаманке) [8: 98].

В 1985 г. на р. Абакан в погребении X века могильника Койбалы, находящегося в Хакасии, археологами были обнаружены золотые серьги с серебряными деталями в виде четырёх пустотелых шариков. На серьгах имелись изображения обнажённой женщины крупного телосложения с крыльями за спиной, сосудом (типа чаши) в руках. Кроме них, были найдены ромбовидные подвески из золота с тремя аналогичного вида шариками каждая. Следует отметить, что тюрки Саяно-Алтая этнографического времени такие предметы изготавливали из кожи или ткани; алтайцами они назывались «бэл», а хакасами – «кин» или «умай». Исследуя детали данных изобразительных комплексов, ученые установили, что нашедшие отражение в тюркских каменных изваяниях каноническая поза изображений, огромные золотые крылья являются необходимой принадлежностью божества, живущего на небе. А нимб над головой и чаша с освящённым молоком, в котором хранятся зародыши душ людей и животных в руках у женщин, золотые и серебряные шарики – это символы зародышей душ живых существ, сопровождавшие все указанные предметы. Трилистник, считающийся у многих народов символом древа жизни и плодородия, изображённый на обеих сторонах золотых пустотелых ромбовидных подвесок, и сами эти подвески как символы футляров-хранилищ для пуповин новорождённых детей, известных вплоть до настоящего времени у тюрков Саяно-Алтая (у сагайцев и бельты-

ров эти кожаные мешочки так и назывались – «умай»), полностью соответствуют смыслу образа общетюркской богини плодородия Умай. В.Я. Бутанаев в фольклоре хакасов зафиксировал пожелание, высказываемое при рождении ребёнка. В переносном смысле оно полностью соответствует композиции общего облика Умай на вышеупомянутой археологической находке: «Пусть будет счастье матери... под золотым крылом (богини Умай)! [2: 210]. В данном случае крыло у Умай и в прямом смысле золотое. Позднее в научный оборот было введено рельефное изображение на половинке бронзового футляра в виде рыбки для хранения иголок, найденное у с. Аёшка Новосёловской волости на левом берегу Енисея, в местах проживания тюркских народов. В эпоху Тан и Ляо такие игольники широко распространились в степной среде.

На вышеупомянутой половинке средневекового бронзового игольника имеется поясное изображение крупнотелой женщины с крыльями за спиной, в пышном одеянии типа халата и в головном трёхрогом уборе. В руках у нее какой-то предмет, похожий на чашу. Крылья у женщины показаны контурно, они небольшие по размеру и их концы подняты вверх, поэтому они выглядят иначе, чем на серьгах из могильника Койбалы. Можно предполагать, что на футляре также изображена Умай, только в несколько иной манере. Следует отметить, что оформление данного изображения проведено под сильным влиянием буддистских мотивов в изобразительном творчестве. Отсюда возможны интерпретации его, как отображения Будды, восседающего на лотосе. Однако изображение головного убора и одежды женщины на игольнике, а также манера держать в руках на уровне груди какой-то предмет (чашу или птицу) в целом схожи с тем, что изображено на Кудыргинском валуне или серьгах из могильника Койбалы.

В дальнейшем ученые исследовали развитие представлений об иконографии образа богини Умай. Устанавливалась его связь с таким важнейшим аксессуаром, как трёхрогий головной убор, а также с понятием «кут» (душа, судьба, благодать). В археологических и этнографических материалах выявлялись иные признаки образа Умай и понятия «кут». К примеру, в погребении позднесредневекового могильника Бадалык, расположенного на левом берегу Енисея на северной окраине г. Красноярска был обнаружен кожаный предмет в виде двойной стрелки, богато прошитый по краям. Он был интерпретирован как футляр – «кин» для хранения пуповин двух детей.

В.Я. Бутанаев также упоминал о том, что подобный обычай существовал у хакасов.

Историко-культурная интерпретация вышеуказанных находок впервые в научной практике позволила определить комплекс признаков, которые характеризуют археологическую составляющую иконографии образа Умай, а также подтверждают тесную связь представлений об Умай с ношением трёхрогого головного убора и обычаем сохранения пуповин детей в специальных футлярах – «бэл» («кин», «умай»). Безусловно, подобные выводы были сделаны с учетом использования систематизированного материала, содержащегося в трудах ученых-этнографов, и прежде всего, В.Я. Бутанаева, так как изученные археологические находки были обнаружены в основном на территории Хонгорая. Затем последовали новые археологические открытия на территории Средней Азии, которые также подтвердили все ранее сделанные предположения. Так, в могильнике Сюттю-Булак в Кыргызстане кыргызский археолог К.Ш. Табалдиев обнаружил костяную пластину, на которой изображены женщина в трёхрогом головном уборе и мужчина тюркского облика. Крупное изображение женщины и мелкое – мужчины, несомненно, показывает сцену поклонения человека какой-то более высокопоставленной особе. Эта картина идентична той, которую можно увидеть на Кудыргинском валуне: крупное изображение женщины в трёхрогой тиаре и мелкие изображения людей, поклоняющихся ей, в числе которых мужчина с причёской, характерной для тюрков.

В цитадели городища Куйруктобе (в 6 км к юго-западу от городища Отрар, Южный Казахстан) была обнаружена деревянная доска с изображением мужского и женского божеств на зооморфных тронах. У ног женского божества – два коленопреклоненных персонажа размером намного меньше, чем она сама. Напомним, что на Кудыргинском валуне также была изображена сцена коленопреклонения. Верхняя часть ее головного убора напоминает рога. В правой руке она держит лук в колчане. По этнографическим данным, у некоторых тюркоязычных народов фигурки Умай имели лучок со стрелкой. А, к примеру, телеуты представляли Умай в виде красивой женщины, спустившейся с небес и охраняющей детей с помощью золотого лука. Из вышесказанного можно предположить, что женское божество на резном дереве является изображением общетюркской богини Умай [5: 39–40].

Вернее всего, в вышеописанных случаях отражен какой-то канонический сюжет, в котором люди поклоняются очень значимому для них суще-

ству. Вследствие того, что во всех упомянутых случаях в роли значимого существа выступает женщина, изображённая с признаками, характерными для богини Умай, можно полагать, что мнение большинства ученых о наличии на Кудыргинском валуне изображения именно Умай является верным. Важно отметить, что В.Я. Бутанаев в этнографии хакасов также упоминал факты представления Умай в человеческом облике и без крыльев – в виде полной седовласой старушки [2: 93]. В связи с этим можно вспомнить о крупном телосложении женщин, изображенных на Кудыргинском валуне, серьгах из могильника Койбалы, половинке футляра из с. Аёшки и деревянной доске из городища Куйруктобе. Таким образом, предположение о принадлежности к образу Умай остальных изображений женщин в характерных трёхрогих (трёхлучевых) головных уборах с территорий, заселенных тюрками в средневековье, является достаточно обоснованным. При этом женщина на серьгах из могильника Койбалы в отличие от иных композиций изображена обнажённой, но это свидетельствует о том, что у древних тюрков существовали различные варианты изображения облика Умай. Так, в Санкт-Петербурге в Кунсткамере хранится небольшая фигурка «хара ымай», приобретённая Н.П. Дыренковой во время экспедиции в 1926 г. в Хакасии. «Эта скульптура изображает обнажённую женщину с фертообразно согнутыми руками. На голове у неё шапка» [4: 134].

В последнее время проблема изучения Умай расширяется. К примеру, в работе К. Табалдиева и Ч. Жолдошова «Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племён Тенир-Тоо» исследованы изображения десяти женских изваяний с трёхрогими головными уборами, четыре из которых в одной или обеих руках держат сосуд. Все они обнаружены на территории Кыргызстана [10: 111]. В числе этих находок имеются два валуна с выбитыми изображениями женских голов в трёхрогих головных уборах и, в одном случае, с бусами на шее из Иссык-Кульской котловины.

Эти новые материалы соответствуют представлениям об облике Умай и сути её культа у тюркских народов. В целом в результате исследования археологических материалов, обнаруженных на территории Евразии, и этнографических данных относительно культа Умай, можно сделать следующий вывод. Материалы хакасской этнографии по данной проблеме были систематизированы и проанализированы очень скрупулезно и качественно. В результате многие археологические источники, полученные в последние десятилетия, нашли в них своё отражение в том или ином виде, тем самым давая

возможность идентификации этнографических сведений о горе и храме Умай с конкретными объектами на местности. Кроме того, анализ археологических материалов позволил связать хакасский обычай использования свахами в свадебных церемониях нагрудника «пого», являющегося стилизованной передачей лиц каменных баб, с почитанием тюрками каменных изваяний и охарактеризовать всё это как часть культа Умай.

Этнографические и археологические сведения расширяют знания о духовном мире тюрков и их историко-культурных связях в сфере мифологии с другими народами. Также следует подчеркнуть, что ситуация с культом богини Умай у тюркских народов, реальным многообразием способов и характера её иконографии показывает суть древнетюркского культурного феномена, изучение которого находится лишь в начальной стадии. Соответственно требуются новые исследования по данной проблематике, а одной из основных задач в данном направлении следует считать изучение древнетюркского пантеона божеств в целом.

Литература:

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе. 1990.
2. *Бутанаев В.Я.* Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.
3. *Длужневская Г.В.* Ещё раз о «Кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. 1974. М.: Наука, 1978. С. 230–237.
4. *Дыренкова Н.П.* Умай в культе турецких племён / Н.П. Дыренкова. Кн. II // Культура и письменность Востока. Баку: Издание ВЦК НТА. 1928. С. 134–139.
5. *Каиржанов А.К.* Древнетюркские памятники письменности: открытия и исследования // Введение в тюркологию. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2013.
6. *Кожя М.Б.* Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса / Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул, 2015.
7. *Кормушин И.В.* Рунические памятники Тюркского каганата // Древние тюркские языки. Абакан, 2004.
8. *Кубарев Г.В.* Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. 2017. №1.
9. *Скобелев С.Г.* Богиня Умай в представлениях В.Я. Бутанаева и археологическая реальность // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2016. №16. С. 87–92.
10. *Табалдиев К., Жолдошов Ч.* Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо. Бишкек. 2003.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Жапаров А., Эргешова Б.

XX к. 60–70-жылдарындагы айылдык кыргыздардын майрамдык салтанаттары

Негизги сөздөр: майрамдар, каада-салт, маданий өнүгүү, жаңы турмуш, советтик бийлик, айыл-кыштак, коомдук турмуш, өзгөрүш, аң-сезим, кыргыз эли.

Аннотация. Макалада XX к. 60–70-жж. Кыргызстандын айыл жергесиндеги майрамдык салтанаттар жөнүндө иликтенет. Совет бийлиги учурунда мурунку

элдик майрамдар өз таасирин жоготкон же жаңы формада өнүккөн. Бир эле мезгилде коомдук турмуштун, идеологиянын таасири астында советтик майрамдар элге таңууланып, элдин жашоосунда маанилүү орунду ээлей баштаган. Авторлор түрдүү булактарды, эмгектерди, талаа материалдарын пайдаланып ошол мезгилдеги элет жерлериндеги майрамдарды өткөрүү жоролголорун ачып берүүгө аракеттенишкен.

Праздничные мероприятия сельских кыргызов в 60–70-х гг. XX в.

Ключевые слова: праздники, обряды и обычаи, культурное развитие, новая жизнь, советская власть, сельская местность, общественная жизнь, преобразования, сознание масс, кыргызский народ.

Аннотация. В статье исследуется проведения праздничных мероприятий кыргызов в сельских местностях XX в. Во времена советской власти прежние народные праздники постепенно теряли свое значение или приобретали другую форму. Одновременно под давлением общественной жизни, идеологии советские праздники навязывались народу и они начали играть важную роль в их жизни. Авторы используя различных источников, научных трудов и полевых материалов старались раскрыть процесс проведения праздничных обрядов кыргызов в то время.

Festive events of rural Kyrgyz in the 60s – 70s. XX century

Key words: holidays, rituals and customs, cultural development, new life, Soviet power, rural areas, social life, transformations, the consciousness of the masses, the Kyrgyz people.

Annotation. The article examines the holding of festive events of the Kyrgyz in rural areas in the twentieth century. During the Soviet era, the former national holidays gradually lost their meaning or acquired a different form. At the same time, under the pressure of social ideology, Soviet holidays were imposed on the people, which began to play an important role in their life. The authors, using various sources, scientific works and field materials, sought to reveal the process of conducting festive ceremonies of the Kyrgyz during that period.

XX к. 60–80-жылдары башка союздук республикалардагыдай эле Кыргыз ССРинде дагы элдин турмушунда жаңы советтик каада-салттарды жайылтуу аракеттери улантылып келген. Коомго терс таасир берет деген пикирден улам айрым салттуу майрамдар, жөрөлгөлөр эскинин калдыгы катары мүнөздөлүп, мамлекет тарабынан колдоого алынган эмес. Ошону менен катар эле тиешелүү республикалык, областтык комиссиялар, кеңештер тарабынан сунушталган советтик майрамдардын негизги элементтери элдик каада-салттардан алынгандыгын белгилей кетүү керек. Майрамдар коомдук турмуштун ажырагыс бөлүгүн түзөт [5: 3]. Кыргыз элинде элүү жылда эл жаңы деп айтылгандай, каада-салт, майрамдар дагы социалдык-экономикалык, маданий өнүгүүгө байланыштуу өзгөрүүлөргө дуушар боло тургандыгы табигый көрүнүш. Советтик майрамдар менен

каада-салттардын калыптанып өнүгүшүнө мамлекеттин идеологиялык айдындагы жүргүзгөн саясаты түздөн-түз таасир берген.

СССР Министрлер Советинин 1964-ж. №203 Токтомуна ылайык граждандык жаңы каада-салттарды киргизүүнүн негизги максаты советтик патриотизмге, эмгекке коммунисттик мамиле кылууга тарбиялоо, үй-бүлөлүк мамилелерди чыңдоо, диний жалган көз караштар менен ырымчылдыкты четке кагуу болгон. Аталган токтомду турмушка ашыруу багытында тиешелүү аракеттер көрүлүп, анын мазмунуна үндөш нормативдик актылар республикаларда да кабыл алынган. Советтик жашоо образындагы майрамдар менен каада-салттар төмөндөгүдөй милдеттерди аткарышы керек эле: коммунисттик идеалдарды, социалисттик жашоо образынын баалуулуктарын бекемдөө; муундардын ортосундагы байланышты камсыз кылган социалдык механизм, социалдык жана нравалык баалуулуктарды совет граждандарынын жаш муундарына өткөрүп бере турган каражат катары кызмат кылуу; адамдардын аң-сезиминдеги эскинин калдыктары менен күрөшүү аркылуу советтик жашоо образын өркүндөтүү [7: 58].

Жаңы-каада салттарды, майрамдарды иштеп чыгуу менен элдик салттар боюнча республикалык, областтык советтер, Министрлер советинин алдындагы тиешелүү комиссия алектенген. Ушундай эле багыттагы аракеттерди эл депутаттарынын советтеринин алдындагы граждандык майрамдарды жана каада-салттарды изилдөөчү, турмушка ашыруучу комиссиялар, эл чыгармачылыгы, маданий агартуу мекемелериндеги методикалык борборлор жасаган.

Эмгекчи массасынын колдоосуна ээ болгон майрамдардын жана каада-салттардын системасы түзүү маанилүү деп эсептелген мамлекеттик иш-чаралардан болчу. Биринчи кезекте Улуу Октябрь социалисттик революциясынын жылдыгы, 1-май эмгекчилердин эл аралык тилектештигинин күнү, 9-май жеңиш күнү сыяктуу советтик жана эл аралык майрамдар республиканын булуң-бурчтарында өзгөчө шаңдуу белгиленген. Большевиктер партиясынын башында туруп, октябрь революциясын жетектеген Лениндин туулган күнү 22-апрелде мектептерде, эмгек коллективдеринде майрамдык иш-чаралар өткөрүлүп турган. Алардын ичине мектеп окуучуларынын татыктууларын пионердин, комсомолдун катарына кабыл алуу да кирген. Мында өсүп келе жаткан жаш муундарга

патриоттук тарбия берүү, социализмдин жаркын келечегине ишенимди арттыруу негизги максат болуп эсептелген.

Революциянын же Улуу Ата-Мекендик согуштагы жеңиштин юбилейлик жылдарын өткөрүүгө даярдык мурдатан көрүлүп, окуудагы, иштеги чоң жетишкендиктер менен тосуп алуу көздөлгөн. Майрам күнү бардык эл жакшы кийимдерин кийинип борбордук аянттарда өткөн парадды көрүшкөн, мекемелер атайын бадырайтып жазылган ураандарды, желектерди, шарларды көтөрүп алып жүрүш (демонстрация) кылышкан. Мындай күндөрү адатта адамдардын көбү Москвадагы Кремль аянтында жана республиканын борборунда өткөрүлгөн аскердик парадды телевизор аркылуу көрүп согуштук техниканын кубаттуулугу, солдат, матростордун тизилип кадам шилтеши тууралуу өз ара талкуулашкан. Үйдөн, коомдук ашканалардан майрамдык тамак ичишип, бири-бирин чакырып сыйлашкандар болгон. Майрамдын шылтоосу менен спирт ичимдиктерине кызымтал болуп жүргөндөр да болбой койгон эмес.

Ар жылы 9-майда Жеңиш майрамын белгилөө айыл-кыштактардын тургундарынын турмушундагы кубанычтуу күндөрдүн бири болгон. Колхоз-совхоздордо атайын салтанаттуу жыйындар өткөрүлүп, Улуу Ата-Мекендик согуштун ардагерлерине белектер тапшырылган. Мектептерде айылдан чыккан андай ардагерлер менен окуучулардын жолугушуулары уюштурулуп, согуштун катышуучулары фронттогу эрдиктер тууралуу эскерүүлөрүн кенен айтып беришкен. Советтик куралдуу күчтөрдүн, улуттар аралык ынтымактын, социалисттик системанын артыкчылыктары жеңишти камсыз кылуудагы негизги факторлор катары белгилешкен. Жолугушуунун жүрүшүндөгү тарбиялык компонентти өсүп келе жаткан жаш муундарды эрдик көрсөтүүгө даяр болууга, патриоттуулукка үндөө түзгөн. Бул күнү согушка катышкандар төштөрүнө орден, медалдарын тагынып, айрымдары аскердик кийимдер менен майрамдык маанайда жүрүшү адаттагы көрүнүш болгон.

Эмгекчилердин эл аралык тилектештигинин күнү деген ат менен белгилүү болгон 1-Май майрамы айыл-кыштактардын тургундары тарабынан салтанаттуу түрдө белгиленген. Бул күн айрыкча айыл жерлериндеги кесиптик билим берүүчү окуу жайларында, мектептерде өзгөчө шаңдуу өткөн. Бул майрамга арналган тынчтык, эмгек, тилектештик деген ураандар менен кызыл-тазыл кийинген окуучулардын катышуусу менен демонстрациялар уюштурулган. Албетте салыштыра келгенде

республиканын борборундагы, башка шаарлардагы өткөрүлгөн демонстрациялар масштабдуулугу, формасынын ар түрдүүлүгү менен айырмаланган. Анда райондордун, шаардын, өндүрүштүк ишканаланын, окуу жайларынын ж.б. жетишкендиктерин калың элге көрсөтүү негизги максаттардын катарында турган.

Эл чарбасынын ар кыл тармактарына тиешелүү мекемелерде, колхоз-совхоздордо эмгек майрамдары кеңири тараган деп айтууга болот. Жумушчу кесипке киргизүү (посвящение в рабочие профессии), пенсия курагындагы кызматкерди ардактуу эс алууга узатуу, малчылардын, механизаторлордун ж.б. майрамдар салтанаттуу түрдө белгиленген. Алар, революциялык, эл аралык майрамдардан айырмаланып масштабдуу эмес, жергиликтүү, кесиптик мүнөзгө ээ болгон. Күз мезгилинде оруу-жыюу иштери бүтүп калганда түшүм майрамын өткөрүшкөн. Түшүмдү жыйнагандан кийинки белгилеген майрам берекени кут кылып, элде токчулук, бейпилчилик болсун деген ой менен белгилешкен. Аксыда аны *кордой* майрамы деп да аташкан. Айыл чарба өндүрүшүнүн алдыңкыларын, социалисттик мелдештин жеңүүчүлөрүн чоң салтанат уюштуруп, урмат көрсөтүү маал-маалы менен болуп турган. Анда ардактуу колхозчу, ардактуу механизатор, ардактуу сугатчы сыяктуу наамдар ыйгарылып, тиешелүү тактага сүрөттөрү илинген. Өтмө кызыл желек, сыйлык, баалуу белектер тапшырылган. Мындай майрамдык салтанаттар мурдагы Советтер Союзунун бардык эле республикаларына мүнөздүү болгон деп айтсак жаңылышпайбыз [6: 118].

XX к. экинчи жарымындагы советтик каада-салттардын бири колхоздор менен совхоздордун малчыларынын майрамы болгон. Адатта ал августта жайлоолордо өткөрүлгөн. Ага даярдык көрүүнүн жүрүшүн райондук, областтык жетекчилер көзөмөлгө алып турушкан. Белгиленген күнү майрам жайлоодогу түзөң жерде официалдуу бийлик адамдарынын катышуусу менен ачылган. Колхоздордун башкармалары мал чарбачылыгындагы жетишкен ийгиликтерди, кетирилип жаткан айрым кемчиликтерди көрсөтүп кеңири доклад жасашкан. Андан кийин райондук жетекчиликтин өкүлү, алдыңкы чабандар сөз сүйлөшкөн. Малчыларга дем берген бул майрамды слет деп да аташкан. Мамлекетке эт, жүн өткөрүү боюнча планын ашыра аткарган чабандарга ар кандай сыйлыктарды, социалисттик мелдеште жеңген чарбага өтмө кызыл тууну салтанаттуу түрдө тапшырышкан. Майрамдын көркүн ачыш үчүн артисттер, фольклордук, эстрадалык ыр күүлөрдү аткарган музыканттар чакырылган.

Азык-түлүк, кийим кече товарлары жүктөлгөн автомагазиндер (автолавкалар) келген. *Ат чабыш, эңиш, күрөш, аркан тартмай* ж.б. элдик оюн-зооктор өткөрүлгөн. Малчылар майрамга атайын камылга көрүшкөн, келген конокторду дасторкон жайып сыйлашкан. Колхоз-совхоздор тарап, мал-мүлктүн жеке менчикке өтүшү менен мындай майрам мамлекеттик колдоо менен өткөрүлбөй калды. Тоң районунун сыртында жайлаган көлдүк жана нарындык чабандардын өз демилгелери менен чакан майрам өткөрүлүп жүргөндүгү тууралуу укканбыз. Сөздүн ыңгайы келгенде мындай майрам, Алтайда азыр дагы маанисин жогото элек экендигин илимпоздор белгилешет. Алтай Республикасында чабандык кесип ардактуу деп эсептелгендиктен бул күн элдик майрамдардын катарында турат [4: 79].

Борбордук Азия элдеринде жаратылыштын ойгонушу жана жер иштетүүнүн башталышы Нооруз майрамы менен белгиленген. Ал жаратылышты сүйүүгө, токчулукка, ынтымакта жашоого багытталган. Ислам дининин идеяларына дал келбейт деген ой менен мусулман башкаруучулары тарабынан жүздөгөн жылдар бою бул майрамды элдин жашоосунан сүрүп чыгууга аракет жасалып келген. Бирок ошого карабастан жаз келген сайын ноороздун алдында кылымдардын тереңинен келе жаткан айылдагы урматтуу аксакалдын кош өгүзгө кошулган буурсун менен биринчи борозду салуусу жасалып келди. Байыркы салт боюнча Борбордук Азия элдери тигил же бул гүлдүн чыгышына байланыштуу майрам уюштурушкан. Гүл менен баскан кооз *гулгардони* өткөрүшкөн [7: 107]. Ал эми Баткенде айгүлдүн гүл ачышы совет мезгилинде деле адамдардын көңүлүн көтөрүп, өзүнчө майрамдык маанай жараткан.

Адамдын өмүр сүрүүсүндөгү маанилүү баскычтарга байланышкан жөрөлгөлөрдө салттуулук менен катар формасындагы айрым жаңылануулар менен өткөрүлгөн. Кыргыз шахтерлорун этнографиялык жактан изилдөөгө алган окумуштуу К. Мамбеталиева ХХ к. экинчи жарымынын башына тиешелүү материалдардын негизинде кыз узатууну басмырлоо, «сатуу» эмес сулуулуктун, жаштыктын, бири-бирин сүйгөн жаштардын кубанычтуу майрамы дейт. Үйлөнүү үлпөтүнө, калың берүүгө даярдык көрүүгө кыз менен жигиттин ата-энелери, туугандары катышкан. Сүлүктү, Кызыл-Кыя, Көк-Жаңгакта кызга сепке колго согулган түктүү килем (Таш-Көмүрдө кийиз), баркыт, атлас, жибектен капталган ондой жууркан берген. Андан сырткары үй-тиричилигине зарыл буюмдар сатылып алынган. Келинге жибектен, өзбек атласынан көйнөк тиктиришкен. Үйлөнүү тоюнун алдында

жигиттин ата-энеси кыздын ата-энесиникине крепдешин же өзбек атласын, жоолук, сөйкө ж.б. белекке алып барышкан. Коноктордун келээр алдында ала турган келин жакшы кийимдерин кийинет. *Сөйкө салуу* деп аталган бул тойго туугандары жана тааныштары да катышып, бир дасторкондон сый тамак ичишкен. Той өтө турган күн аныкталган [3: 91–92].

Т.Ж. Баялиева Совет мезгилиндеги экономикалык, социалдык-маданий өнүгүүнүн натыйжасында диний-магиялык ырым-жырымдардын көпчүлүгү унутулганын белгилейт. Ошол эле учурда тамыры байыркы доорлорго кеткен жакшы элдик каада-салттардын бир тобу жаңы демге ээ болгонун айтат. Алардын катарына баланын төрөлгөндүгүн жакындарына, туугандарына эле эмес, бүтүндөй айылга кубанычтуу кабарды жеткирген *сүйүнчү* кирген. Окумуштуу бала көргөнү чакыртпай эле келип майда-чүйдө көрүндүк берүү сакталгандыгын жазат. *Жентек тойго* алдын ала даярданып карынга куюлган майды ачып элге ооз тийгизүү кеңири тараган. Дасторконго жаңы бышырылган боорсок, каймак, май, набат, конфета, печеньелерди коюп конокторго чай беришкен. Тушоо кесүү майрамын бала кадам таштай баштаганда өткөрүшкөн. Бул жөрөлгөнүн мааниси баланын дени сак, шамдагай болсун, турмуштагы шилтеген арышы кенен, ишенимдүү болсун деген ойго такалат. Шаңдуулук кошуу үчүн айрым учурларда жарышка карыя адамдарды түшүрүшкөн. Аны «чал жарыш» дешкен [2: 94].

Бешикке салуу айыл-кыштактарда улантылып келе жаткан салт болсо, шаардыктарда бешиктин ордуна баланы атайын керебеттерге жаткырыша башташкан. 1960-жылдардын башындагы бешикке салуу тууралуу этнографиялык адабиятта кызыктуу маалымат кезигет. Көк-Жаңгактагы бир үй-бүлөдө баланы бешикке сала турган күнү улгайган кадырлуу байбиче коңшуларды жана аксакалды чакырышкан. Аларды чай, эт менен коноктогондон кийин алардын улуусу Калый, бешикти бөлмөнүн ортосуна койгон. Андан соң куурулган буудайды бешикке чачып, «буудайдай болуп өсүп-өнсүн» деген тилегин айтат. Баланы бешикке бөлөп, үстүнө чапан, көйнөк, дасторкон, мүшөк болуп тогуз буюм менен жапкан да конфета, жаңгак, печеньени чачышкан. Ал таттууларды балдар жешкен. Калыйдын айтканына караганда, баланы мүшөк кошулган тогуз буюм менен жапса, ден соолугу жакшы болот деген ишеним болгон. Бешиктеги балага жабылган бул жабууларды аталган ырым-жырымды аткаргандан кийин эле алып коюшкан [3: 92].

XX к. 60-жылдарынан тартып туулгандыгы тууралуу күбөлүктү салтанатуу тапшыруу турмушка кире баштаган, республиканын борборунда, айрым шаарларда жана райондук борборлордо бул окуяны салтанат менен белгилешкен. [2: 95]. Бакыт үйлөрүнүн жер-жерлерде ачыла башташы да ушул жылдарга туура келет. Эгерде шаар жерлеринде никелешип жаткан жаштарга мындай жайларда чакан майрам уюштурулуп, күбөлүктөрү берилсе, айыл-кыштактарда бул милдетти айылдык кеңештер аткарышкан. Колхоз-совхоздордун, элет жерлериндеги башка мекемелердин бойго жеткен жаштарынын турмуш курууга аттануусуна байланыштуу комсомолдук тойлор өткөрүлүп турган мисалдар көп эле кезиккен. Мындай тойду өткөрүүнүн башаты 1920-жылдарга барып, атеисттик багыттагы иш-чаралардын алкагында аткарылган. Никелешип жаткан жаш комсомолдорду ата-энеси, кесиптеш жолдоштору куттуктап жакшы тилектерин айтышкан. Т.Дж. Баялиева мындай салтанаттар кээде ыгы жок ашыкча сөздөр, акыл үйрөтүүлөр сүйлөнгөн митингдерге окшошуп кеткен деп жазат [1: 55].

Үй-бүлөлүк салттуу майрамдарга советтик идеологияга каршы кылбагандай түр берүү каада-салттарга байланыштуу комиссиялардын милдети болгон. Туулгандыгы тууралуу, нике күбөлүктөрүн салтанаттуу тапшыруу аларга майрамдык гана эмес, белгилүү деңгээлде расмий мүнөз берген. Каалоо-тилектерди айтып бата берүүдө жеке кызыкчылыктарга караганда коомдун кызыкчылыгын жогору койгон советтик адамды калыптандырууга басым жасалган. Негизинен үй-бүлөлүк, календардык ж.б. майрамдар анча чоң чыгым сарпталбастан, жупуну өткөрүлүп келген.

Атеисттик пропаганданын катуу болуп, кеңири жайылтылгандыгына карабастан дүйнө жүзүндөгү мусулмандардын арасында кеңири тараган *Курман айт* менен *Орозо айт* майрамдарын белгилөө иштери жүрүп турган, бирок мамлекет тарабынан аны колдоо, жетекчилердин азыркыдай куттуктоосу болгон эмес. Ошол эле мезгилде бул майрамдарды белгилөөгө такыр эле тыюу салынган эмес. Таң эртең менен айт намазга барып келгендер, алардын кошуна-колондору бири-бириникине кирип майрамдык тамак ичишип, ата-бабалардын арбагына арнап Куран окушкан. Беш маал намаз окубаган, орозо кармабаган адамдар дага «айт маарек болсун» деп бири-бирин куттукташып, чогуу тамактанып, көңүлдөрү көтөрүңкү жүрүшкөн.

Жыйынтыктап айтканда айыл-кыштактардын тургундары тарабынан белгиленген майрамдар мазмуну жагынан шаарлардан айырмаланган деле

эмес. Ал эми масштабы, формасы боюнча көпчүлүк учурда жупуну болгон деп айтууга болот. Революциялык, коммунисттер колдогон эл аралык майрамдар мамлекеттин колдоосу менен патриоттуулукка, тынчтыкты сүйүүгө, шериктештикке үндөө менен өткөн. Эмгек, үй-бүлөлүк майрамдарында кылымдардын теренинен бери келе жаткан салттар советтик доордо иштелип чыккан айрым кошумчаларды камтуу менен өз жашоосун уланта берген. Диний майрамдар атеисттик маанайга туура келбегени менен мамлекет аларды адамдардын жашоосунан толук түрдө сүрүп сала алган эмес.

Адабият:

1. *Баялиева Т.Дж.* Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. Фрунзе: Илим, 1981.
2. *Баялиева Т.Дж.* Традиции и обряды, связанные с первым годом жизни ребенка у киргизов // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми: Алашара, 1988.
3. *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, изд-во АН Кирг. ССР, 1963.
4. *Октябрьская И.В., Самушкина Е.В.* День пастуха. Народный праздник Алтая // ...
5. *Полищук Н.С.* У истоков советских праздников // СЭ. 1987. № 6.
6. *Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: Российская полит. энциклопедия, 2009.
7. *Тульцева Л.А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985.

ВОПРОСЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ И КИТАИСТИКИ

Джон А.А.

Символика цвета в культуре дунган

Ключевые слова: культура, цвет, символ, восприятие, трактовка, ассоциации, аналогия.

Аннотация: Симбиоз ислама и его установок с китайской материальной и духовной культурой наложили отпечаток на восприятие окружающего мира, в том числе и на

ассоциативное восприятие цвета дунганами. Рассмотрены значения шести основных цветов, их мифологическая символика и, связанные с ними психологические ассоциации. Отмечены аналогии восприятия цвета, существующие у кыргызского народа.

Дунган маданиятындагы түстүн символикасы

Негизги сөздөр: маданият, түс, символ, кабылдоо, чечмелөө, ассоциация, аналогия.

Аннотация: Исламдын жана анын Кытайдын материалдык жана руханий маданияты менен болгон мамилесинин симбиозу курчап турган дүйнөнү, анын ичинде дунгандардын түстөрдү ассоциативдик кабылдоосун из калтырды. Алты негизги түстүн мааниси каралат алардын мифологиялык символикасы жана ага байланыштуу психологиялык бирикмелер. Кыргыз элинде болгон түс кабылдоонун окшоштуктары белгиленген.

The symbolism of color in the Dungan culture

Key words: culture, color, symbol, perception, interpretation, associations, analogy.

Annotation: The symbiosis of Islam and its attitudes with Chinese material and spiritual culture has left an imprint on the perception of the surrounding world, including the associative perception of color by Dungans. The meanings of the six primary colors, their mythological symbolism and related psychological associations are considered. The analogies of color perception existing among the Kyrgyz people are noted.

Восприятие цвета и его символики присутствуют в культурах народов всего мира. В значительных случаях цветовые смыслы имеют сходство даже у народов, проживающих в разных частях света, однако, помимо схожестей существуют и некоторые особенности. Восприятие цвета воздействует на эмоции, ассоциации, в зависимости от традиционного символизма того или иного цвета, который может трактоваться в разных культурах, относящихся к определённому региону или религии, по-разному.

Дунгане, как этническая общность, сформировались в пределах Китая. Симбиоз ислама и его установок с китайской материальной и духовной культурой наложили отпечаток на восприятие окружающего мира, в том числе и на ассоциативное восприятие цвета.

Красный цвет в восприятии представителей этой этнической группы – это символ радости, торжества, удачи, тепла. Красный цвет – символ возрождения и птицы феникс (*дунг.*: фынхуон). Этот цвет, по существующему мнению, отпугивает недобрые силы. В красный наряд, до чтения никаха, одевают невесту, жених в прошлом имел красный бант, называемый «щющю». На воротах дома, где проводилась свадьба вывешивали красное полотно с «щющю». Выражение «хунхуэ» в переводе дословно – «красный огонь» (*кит.* 红火), обозначает веселье, праздник, оживление, удачу. Выра-

жение «хун сычин» (*кит.* 紅事) – дословно «красное событие», обозначало торжество или приятное, радостное, счастливое событие, действие; свадьба. В прошлом пригласительный билет на торжество, свадьбу оформлялись на красной бумаге, гости, приносящие подарки, заворачивали их в красное полотно или красные конверты.

Зелёный цвет ассоциируется с весной, зарождением природы, к этому прибавляется его значение как символа ислама. Именно поэтому при строительстве Каракольской мечети в начале XX века, которая в настоящее время является достопримечательностью этого города, мастер Чжоу Сы, руководивший строительством, намеревался крыть её крышу черепицей зелёного цвета. Однако по каким-то причинам ему не удалось изготовить её, и он принял решение использовать для кровли железо [3: 130]. Меандр дома, украшенного резьбой по дереву, оформлялся в виде листьев ивы, вербы, носившей название «лю езы». В этом случае первая часть выражения – «лю» одновременно обозначала зелёный цвет и название дерева ивы – «люфу, люмуфу». Стилизованный лист ивы присутствует в серебряных и золотых украшениях дунганской невесты в виде серёг, называемых так же «лю езы». Во всех случаях, это символ начала жизни, весны, молодости.

Жёлтый цвет – цвет солнца, по традиции Китая, это символ Жёлтого Императора – Хуонди, Хуоншон. Хуонлун – Жёлтый дракон символизирует императора. Жёлтые одежды в Китае носили чиновники особого ранга, удостоенные этого права. Жёлтый цвет, это символ храмовых построек. Например, упомянутая выше, каракольская мечеть первоначально имела жёлтый окрас внешних колон каркаса, в сочетании с полихромной окраской деталей резного фриза. В данном случае присутствие жёлтого цвета должно было символизировать величие исламской религии Жёлтый цвет – символ зрелых плодов.

Жёлтого цвета, как правило, и тыква-горлянка (*дунг.* хўлў), которая символизировала пожелание здоровья, так как некие святые хранили в ней снадобье бессмертия. Сама тыква-горлянка могла служить амулетом, изготовленным из различных материалов – дерева, нефрита, меди и пр. С ней связано множество легенд с разными сюжетами, начиная от сотворения мира, возрождения человечества после всемирного потопа и пр. В быту тыква-горлянка служила посудой для жидкостей, из неё изготавливали ковши для зачерпывания воды.

Белый цвет имеет символику запада, при этом китайская традиция данной символики у дунган сочетается с понятием «Кибла», т.е. стороны, где находится священная Кааба. Кроме того, белый цвет, это цвет чистоты, одежды прихожан и священнослужителей в мечети, знак траура и цвет савана, в который оборачивают покойника при погребении. С белым цветом связано понятие о мифическом «Белом тигре» – Покровителе запада (西方白虎; Xīfāng Báihǔ), т.к. является одним из символов четырёх созвездий. Он оберегал людей от злых сил. Не случайно, один из руководителей дунганского восстания второй половины XIX века против Цинской империи, носил имя Бый Ёнхǔ (кит. 白彦虎 – Bái Yànhǔ), которое в сочетании с «щин» (кит. 姓 – xìng – родовым именем, имело дословное значений «Белый даровитый тигр». Ведь Белый тигр, помимо всего, является символом воинской доблести. Однако вместе с тем, Белый тигр в определённых ситуациях может олицетворять и зло. Так, маньчжурские власти в своих письмах обозначали имя предводителя дунганского восстания как 白燕虎 Bái Yān Hǔ, где второй иероглиф 燕 – Yān имел несколько значений, одно из которых обозначало «проглатывать, глотающий, пожирающий». Если учесть, что в китайской культуре придаётся огромное значение символизму, то подобная подмена иероглифа маньчжурами была не случайна. Изменением иероглифа они хотели показать своё отрицательное отношение к человеку, который в течение 16 лет сотрясал Цинскую империю.

Чёрный цвет – чаще всего, связан с негативными ассоциациями – «низкой» души (хищинчон – *дословно*: чёрное сердце, кишка), чёрной крови (хище), поступков, тяжёлого времени. Нечестные заработки – чёрные деньги (хи чян) и т.д. Говоря о чёрном цвете, нельзя не упомянуть о китайских символах Инь и Ян, в дунганском написании Ёин и Ён – Мрак и Свет [солнце] в значении Женского и Мужского начала, которое присутствует подспудно в психологии народа.

Синий цвет в дунганской устной речи и написании обозначается словом «лан» – является символом неба, спокойствия, определённости. Одежду синего цвета носили женщины, вышедшие замуж, пожилые женщины. Цвет «чин» ассоциируется с весной, началом жизни. Об этом говорит не только выражение «чин цо» – «зелёная трава» (кит.: 青草 – qīngcǎo), но и словосочетание «чиннян» (*дословно* «зелёные годы») – «молодость» [молодёжь] (кит. 青年 – qīngnián). В последнем случае данное слово может иметь не-

сколько значений. Существует позиция, когда слово «чин» применяется для обозначения синего цвета. То есть, в одних случаях это зелёный цвет, в других – синий или сине-зелёный. Например «чин цо» – «зелёная трава» (*кит.*: 青草 – qīngcǎo), но «чин шон» – «синяк» (*кит.*: 青伤 – qīngshāng). Аналог подобной оценки этого цвета существует и у тюркских народов, этот цвет в кыргызском языке обозначается словом «көк». Например, «көк чай» – «зелёный чай», «көк жалбырак» – «зелёный лист», но «көк Тенгри» – «голубое [синее] Небо [божественная сущность]», «көк мойнок» – «голубое ожерелье», «бетин көк ала кылды» – «он посадил ему синяк» [4: 418]. Это говорит о существовании универсального символизма оценки цветов, и в то же время о существовании этнокультурной специфики.

В данном случае, говоря о «сине-зелёном» цвете в сознании населения, можно отнести к смешанному колеру.

В результате можно с уверенностью сказать, что перечисленные шесть цветов, это главные символические цвета китайской культуры с добавлением собственной этнической семиотики. Они обозначали времена года: зелёный – весну, восток; красный – лето, юг; белый – осень, запад; чёрный – зиму, север и жёлтый – конец лета, центр (Срединное государство 中国 – zhōngguó).

Помимо эмоциональных ассоциаций, основанных на существующих культурных традициях, выражение символики цвета может осуществляться в прикладном искусстве: в вышивке, элементах резьбы по дереву, украшающих женскую одежду и культовые сооружения. В этих случаях применяется полихромная цветовая гамма. На наш взгляд, полихромность элементов, в данном аспекте, есть выражение отношения пожелательности. Данные элементы, как правило, сочетаются с конкретным изображением, символизирующим то или иное понятие. Изображение цветка персика символизирует весну, женственность, плод жёлтого персика – пожелание долголетия, бессмертия. Эта символика основывается на следующей легенде: «В глубокой древности жили два брата Шэн-ту и Юй-лэй, которых природа наделила способностью ловить призраков. Они жили у восточного моря на горе Душошань. Стоя под персиковым деревом, они сурово допрашивали сотни призраков и тех из них, кто пренебрегал принципами Дао, вредил людям и приносил им несчастья, связывали верёвками из тростника или камыша и бросали на съедение тигру» [2: 71]. По преданию, достаточно было изображения тигра, верёвки, персика или персикового дерева, чтобы нечистая сила

обходила дом, украшенный ими, стороной [1: 55]. В данном случае персиковое дерево, очевидно, заменяет мифическое Древо бессмертия (甘木 – gānmù; *кит. дословно* «сладкое; благодатное дерево») или Древо Жизни на горе Пэнлай (*кит.* – 玉树 – yùshù – *дословно* «яшмовое дерево»).

У дунган сине-зелёный цвет – восток (*дунг.* дунфон, дунбонгэ), белый цвет – запад (*дунг.* шибонгэ), чёрный цвет – север (*дунг.* быйфон, быйбонгэ), красный цвет – юг (*дунг.* нанфон, нанбонгэ). Интересно, что в кыргызской символике аналогичная отнесенность цвета к сторонам света. Чыгыш (восток) – синий цвет, батыш (запад) – белый цвет, түштүк (юг) – красный цвет, түндүк (север) – чёрный цвет, борбор (центр) – жёлтый. Из приведённого видно, что помимо мифологических элементов восприятия цвета в культуре дунган, существуют и психологические стереотипы, и ассоциации, связанные с теми или иными оттенками.

Литература:

1. *Джон А.А.* Дунганская мечеть города Каракол // Наследие материальной и духовной культуры Кыргызстана. Бишкек, 2005. С. 55.
2. *Стратанович Г.Г.* Изобразительное искусство дунган, живущих в Советском Союзе // Тр. Сектора востоковедения. Алма-Ата, 1969. Т. 1. С. 71.
3. *Сушанло М.Я.* Дунгане. Фрунзе, 1971. С. 130.
4. *Юдахин К.К.* Кыргызча – орусча сөздүк. М., 1965. С. 418.

Джумаза М. В.

«Грамматика дунганского языка» Е.Д. Поливанова и Ю.Я. Яншансина (1935–1936) как один из первых опытов школьного учебника для учащихся-дунган

Ключевые слова: История языкознания, Е. Д. Поливанов, Ю. Яншансин, языковое строительство, дунганский язык, фонология, грамматика, методика преподавания.

Аннотация. «Грамматика дунганского языка» Е.Д.Поливанова и Ю.Я.Яншансина – одна из первых школьных грамматик, предназначенная для обучения детей дунганской национальности. И потому, она представляет интерес, прежде всего, как один из первых опытов создания учебников такого рода. Работа состоит из двух частей и написана на дунганском языке, на принятом в то время латинской графической системе письма. По этой причине, является малодоступной для широкого круга русскоязычных читателей. С этой целью автором предпринята попытка перевода на

русский язык и транслитерации текста латиницы на кириллический алфавит для того, чтобы сделать ее доступной широкой аудитории и, прежде всего, научному сообществу. В статье отмечены объективные трудности перевода и транслитерации, и указаны их причины.

«Дунган тилинин грамматикасы» Е.Д. Поливанова жана Ю.Я. Яншансина (1935–1936) дунган окуучулары үчүн мектеп окуу китебинин алгачкы аракеттеринин бири катары

Негизги сөздөр: Тил илиминин тарыхы, Е.Д.Поливанов, Ю.Яншансин, тил курулушу, дунган тили, фонология, грамматика, окутуу методикасы.

Аннотация. Е.Д.Поливанова менен Ю.Я.Яншансиндин «Дунган тилинин грамматикасы» дунган улутундагы балдарды окутууга арналган алгачкы мектеп грамматикаларынын бири. Ошондуктан, бул, биринчи кезекте, бул түрдөгү окуу китептерин түзүү боюнча алгачкы эксперименттердин бири катары кызыгууну туудурат. Чыгарма эки бөлүктөн туруп, дунган тилинде, ошол мезгилде кабыл алынган латын графикалык жазуу системасында жазылган. Ушул себептен улам, ал орус тилдүү окурмандардын кеңири катмарына жеткиликсиз. Ушул максатта автор кеңири аудиторияга, баарынан мурда илимий чөйрөгө жеткиликтүү болушу үчүн орус тилине которуп, латын текстин кирилл алфавитине которуу аракетин жасаган. Макалада которуунун жана транслитерациянын объективдүү кыйынчылыктары белгиленип, алардын себептери көрсөтүлгөн.

«Grammar of the Dungan language» E.D. Polivanova and Yu.Ya. Yanshansina (1935–1936) as one of the first attempts at a school textbook for Dungan students

Key words: History of linguistics, E. D. Polivanov, Yu. Yanshansin, language construction, Dungan language, phonology, grammar, teaching methods.

Annotation. "Grammar of the Dungan language" by E.D. Polivanova and Yu.Ya. Yanshansin is one of the first school grammars intended for teaching children of the Dungan nationality. And therefore, it is of interest, first of all, as one of the first experiments in creating textbooks of this kind. The work consists of two parts and is written in the Dungan language, in the Latin graphic writing system adopted at that time. For this reason, it is inaccessible to a wide range of Russian-speaking readers. To this end, the author has made an attempt to translate into Russian and transliterate the Latin text into the Cyrillic alphabet in order to make it accessible to a wide audience and, above all, to the scientific community. The article notes the objective difficulties of translation and transliteration, and indicates their reasons.

«Грамматика дунганского языка» 1935–1936 гг. (в двух частях) Е.Д. Поливанова и Ю.Я. Яншансина [10, 11] – уникальный и примечательный во многих отношениях учебник в ряду тех, которые были изданы в этот период. Уникальность его в том, что это единственный учебник дунганского языка, написанный с участием специалиста такого уровня, каким являлся Е.Д. Поливанов – известного сиолога и дунгановеда. До него составлением учебников по дунганскому языку занимались исключительно не специалисты:

бывшие студенты вузов и деятели культуры. И можно совершенно не сомневаться в ведущей роли в этом творческом тандеме Е.Д. Поливанова. Надо сказать, что ученый к тому времени уже являлся автором более известного в широких кругах такого же учебника грамматики, посвященного узбекскому языку [9].

Во-вторых, в нем, безусловно, нашли отражение не только его педагогические взгляды, но и в большей мере, его теоретические идеи и представления об особенностях изолирующих языков, изложенные через понятийный и терминологический аппарат школьной грамматики. И в этом отношении, учебник Е.Д. Поливанова – больше чем учебник, в общепринятом смысле этого слова.

Уникальным надо признать и факт описания грамматики дунганского языка в то время, когда были только начаты работы по установлению правописных норм дунганского языка и одновременно их апробации, в основном в текстах художественной литературы. Причем, тон в этом задавали, главным образом, те же студенты вузов.

И еще один аспект не сколько языковой, а скорее, политико-идеологический, побудил нас приняться за перевод названного учебника Е.Д. Поливанова. В 1937 году, в то время, когда трагическая участь ученого в основном была уже предрешена, в газете «Советская Киргизия» была опубликована обличительная статья А.А. Драгунова и А. Шпринцина о якобы «вредительской» деятельности «небезызвестного врага народа Е.Д. Поливанова», в которой содержались ссылки на упомянутую «Граматику» Е.Д. Поливанова. Затем, в более подробной форме, эти же высказывания были изложены авторами статьи и в самой рецензии на рукопись учебника. Наша задача состояла в том, чтобы перевести текст поливановского учебника с дунганского на русский язык, с тем, чтобы он был доступен широкому кругу ученых, прежде всего, поливановедам, для того чтобы можно было объективно «оценить» эти высказывания упомянутых рецензентов..

Вот весь тот контекст – интересный, как нам кажется, как с научно-педагогической точки зрения, в плане знакомства с его методикой и теоретическими представлениями об особенностях изолирующих языков, так и с исторической, дающей нам представление об особенностях эпохи, когда ученому приходилось жить и творить, – и побудил нас приняться за работу по подготовке к переизданию названного учебника.

Основные трудности перевода текста оригинала с дунганского на русский язык и транслитерации латиницы кириллицей, в общем и целом, – если не касаться частностей, – связаны, с одной стороны, с типологическими различиями языков – флективным русским и слоговым дунганским, и с другой, различием их графических систем.

Слоговой характер дунганского языка, который проявляется в хорошо известном явлении широко распространенной омонимии слов в нем, безусловно, можно назвать в числе самых главных причин, обусловивших трудности перевода. Известно, что исследователи языка чаще всего связывают данную омонимию с так называемым моносиллабизмом (односложностью) структуры дунганского слова. И хотя многие из них склонны считать, что современный дунганский язык в большинстве случаев полисиллабичен (многосложен), но этот полисиллабизм совершенно иного типа, чем полисиллабизм флективных языков. Он по-прежнему сохраняет родимые пятна моносиллабического характера его структуры, которая проявляется в том, что не только слова односложные, но и слова двусложные, образованные путем присоединения двух корневых морфем без какой-то соединительной гласной («инкорпорации» – Е.Д. Поливанов), реже – многосложные, тем не менее, могут иметь несколько значений. В устной речи данная омонимия «разряжается» наличием тональной системы ударения. Да и то до тех пор, пока два слова не становятся полными омонимами (омофонами), т.е. перестают различаться и по тону. Другой вопрос, когда дело касается письменного языка. Здесь нет этого важного дифференциального признака – тонов. И для того, чтобы преодолеть графическую омонимию – омографы, чаще прибегают к наличию определенного контекста, который помогает понять истинное значение слова. Но, поскольку слова из примеров в тексте учебника даны чаще в изолированном виде, то возникают сложности с распознаванием их значения. В таких случаях мы поступили следующим образом: приводим одно из значений, более распространенное и общеупотребительное, и фиксируем в тексте перевода. В связном тексте таких случаев меньше, как уже было сказано, контекст «подсказывает», какое именно значение имеется в виду.

Сложности при переводе возникают и тогда, когда те или иные слова в современном дунганском языке уже не используются или используются в ином значении: это могут быть различного рода историзмы, архаизмы или заимствования из китайского языка. К примеру, такие слова, как: жўн-ян

«серединная империя» (диалектизм); юнхуэ «да здоровствует», хўнжўн «красноармеец» – (историзмы); тўнзы «товарищ», мыйгуанзы «чернильница» – (архаизмы); Харахўн «Каракол», Хундон район «Красный район» – (географические названия) и пр.

Кроме того, затруднения вызывает и отсутствие унифицированности в написании отдельных слов и словосочетаний, что, на наш взгляд, является следствием или небрежности при наборе текста, или же нерешенностью проблемы их графической передачи. Например, слово «сам, самостоятельно» – в одном случае пишется как «зыжя», в другом случае – как «зыжи». Или же одно и то же слово «учиться» в одном случае пишется отдельно «шон щўэ», в другом случае – слитно «шонщўэ». Или же, «зў садини» (что делает?) - подается то отдельно, то слитно «зўсадини». Вообще-то, слитное или раздельное написание слов как один из сложнейших вопросов письма изолирующих языков, есть отражение сложной и до конца не решенной лингвистической проблемы этих языков – отличия двусложного слова от словосочетания. И в текстах учебника она также находит себе место.

Кроме того, на наш взгляд, определенный отпечаток при переводе текста оригинала на русский язык накладывает и факт различия морфемной структуры слова в двух языках. Это видно как при разборе заданий, так и при формулировке правил, когда, например, учащимся предлагается определить количество морфем в том или ином слове дунганского языка, но при переводе этого слова на русский, оно уже имеет совершенно другую структуру. И, таким образом, и задание и формулировка правила теряет смысл.

Также, на наш взгляд, определенные затруднения вызывает и факт различия функциональных возможностей языков, в данном случае, дунганского языка. Языка, преимущественно разговорно-бытового характера, недостаточно апробированного в научной области. Отсюда, отсутствие строгой однозначности тех или иных дефиниций и определений. Часто то или иное слово или выражение нам приходится переводить по смыслу, учитывая контекст, а не строго терминологически, из-за отсутствия эквивалентных слов и формул. Е.Д. Поливанов, в таких случаях, поступал просто – напрямую заимствовал тот или иной термин из языка-оригинала. Так произошло и с ключевым понятием «морфема».

При решении вопросов транслитерации букв латинского алфавита буквами кириллического письма, мы опирались на проект «Новой орфографии и пунктуации дунганского языка» [6], который был разработан специ-

альной комиссией из Института востоковедения АН СССР и который, после всестороннего обсуждения, был утвержден. В нем было детально показано соотношение букв старого, латинского алфавита и нового, на основе кириллицы, а также соотношение звуков дунганского языка и букв дунганского алфавита, и таблица типовых слогов дунганского языка на основе кириллицы. В принципе и латиница, и кириллица представляют собой однотипные графические системы единого в своей основе алфавитного письма. Различия касаются лишь некоторых графических правил при передаче отдельных буквосочетаний, которые и вызывают затруднения при их транслитерации.

Так, к примеру, основные затруднения при транслитерации латинских букв буквами кириллического письма оказались связанными с различием графических правил при транслитерации тех буквосочетаний, которые имели целью обозначить специфические аффрикаты дунганского языка в их сочетаниях с определенными гласными – перед гласными /y/ и /ÿ/⁶ [4], с огубленными переднеязычными и заднеязычными согласными – комбинаторными вариантами фонем «д» и «т», «г» и «к», обозначенных диграфами «жÿ»/дв/, «чÿ»/тф/, «гÿ»/гв/, «кÿ»/кф/, а также губным дрожащим («абхазского типа» – Е.Д. Поливанов) вариантом фонем «д» и «т», обозначенных диграфами «дÿ»/дб/ и «тÿ»/тп/. Сложность дифференциации названных согласных в сочетании с гласным звуком /y/ и специфическим гласным дунганского языка /ÿ/, который обозначен в латинской графике знаком «w», состоит, как нам представляется, в особой «диффузности» (выражение Л.В. Щербы) данных слогов дунганского языка. К примеру: дузы [дузы] (горох) и дÿзы [дбузы] (живот), тузы [тузы] (председатель) и тÿзы [тпузы] (заяц), гу [гу] (собака) и гÿ [гву] (древний), кузы [кузы] (щель) и кÿзы [кфузы] (штаны) и др.

Общеизвестно, что всякая графика достаточно условна и субъективна, и эту характерную особенность алфавитной графики нужно иметь в виду, когда мы касаемся вопросов их транслитерации. Так, например, в соответствии с правилами латинской графики, звук /ÿ/ во всех буквосочетаниях передан через «w» после твердых согласных и «y» после мягких, независимо от качества предшествующего согласного по месту и способу образования. Тогда как, в соответствии с правилами новой орфографии на кириллической основе, этот звук обозначен по-разному в зависимости от их «губ-

⁶ «w» и «u» – передают закрытое / открытое [y]. В первом случае губы принимают щелеобразную форму, во втором округлую.

ного» или «язычного» характера. После губных согласных он передан буквой «у», после переднеязычных твердых – «ў», после переднеязычных мягких – «ю», и переднеязычных мягких, имеющих губной оттенок – буквой «ү». Обусловлено это тем, что буква /ў/ является маркером губно-губного характера гласного, который противопоставлен простому /у/. Но, поскольку губные согласные сами по себе являются таковыми, то указание на этот признак является избыточным. То есть, в данном случае, разработчики дунганской графики применили фонологический подход – не фиксировать на письме позиционно обусловленные признаки фонем. Другое дело – позиция гласного /ў/ после переднеязычных и заднеязычных согласных звуков: в них качество гласного самостоятельно и позиционно не обусловлено, что и вызывает необходимость его фиксации соответствующим знаком «ў».

Мы в данном случае, коснулись особых случаев графического обозначения соответствующих звуков и буквосочетаний дунганского языка в обеих графических системах, вызывающие, на наш взгляд, особые затруднения при чтении и способов их транслитерации. С более подробным их описанием можно ознакомиться в уже указанном «Своде правил дунганской орфографии и пунктуации».

Что касается собственно вопросов грамматики дунганского языка, то, как уже говорилось, данный учебник – больше чем учебник, потому что в нем содержатся самые первоначальные и базовые сведения о грамматических особенностях дунганского языка в том объеме, насколько это возможно было сделать в рамках школьной программы. И в этом отношении, наиболее интересным представляется вторая часть данного учебника, где изложены взгляды автора относительно этих особенностей.

И начинается она с характеристики главных морфологических категорий – понятий имени существительного и глагола. Все сведения о них подаются в традиционном ключе: понятие об имени и глаголе, их частеречная характеристика, многочисленные виды и разряды, как по семантике, так и по структуре, понятие их синтаксических функций. Отдельными параграфами выделено правописание отдельных разрядов, как имен существительных, так и глаголов. Далее следуют характеристики всех остальных, именных частей речи: местоимения, прилагательного, числительного, перечисляются их морфологические признаки. Приводятся понятия предлогов и частиц, и др. частей речи.

Разбирать подробно все, о чем говорится в этой части, в небольшой статье не получится, в виду регламентируемого объема статьи. Но вот о чем необходимо сказать, так это о том, что в тот период истории языкознания многие лингвисты-синологи отрицали наличие частей речи в языках изолирующего типа на том основании, что слова этих языков лишены определенных морфологических черт. Е.Д. Поливанов, как это можно видеть, не только называет и приводит их перечень, но и указывает, какими морфологическими признаками каждая из них обладает.

Говоря о синтаксических функциях частей речи в дунганском языке, Е.Д. Поливанов утверждает, что в функции сказуемого могут выступать и именные части речи, в частности, прилагательное. И здесь следует сказать, что это никак не согласуется с утверждениями уже упомянутых оппонентов автора, что будто бы последний «...вредительски извращал языковые факты и заставлял дунганских детей учить, что, например, слова «хороший», «большой»...являются глаголами» и др. высказывания. К сожалению, как в газетной статье, так и в рецензии, нет конкретного указания тех мест в учебнике или рукописи, откуда взяты те или иные примеры. И об этом приходится лишь догадываться. Так, к примеру, в параграфе о «Глаголах со значением качества» (28 параграф в «Грамматике»), где может идти об этом речь, говорится, что «*хороший, красный* и другие слова со значением качества...будут называться *глаголами со значением качества*». Однако в данном случае, надо полагать, речь может идти об их синтаксических функциях, а не о принадлежности к определенной части речи. Да и в системе частей речи в китайском языке, прилагательное по своим признакам ближе к глаголу – факт общепризнанный всеми синологами. Ведь сам А.А. Драгунов, оппонирова Е.Д. Поливанову и обвиняя его в «извращении», объединяет глаголы и прилагательные в китайском языке в одну общую категорию – категорию предикатива. Так, к примеру, в статье «Дунганский язык» (с. 129), говоря о том, что лежит в основе значения глагола, он пишет: «В дунганском языке, как и в китайском, в основе значения категории глагола (предикатива) лежит не идея действия или процесса, а *идея изменчивости, переменности признака*». И далее (с.130), говоря о различии между их грамматическим оформлением, он продолжает: «...Аналогично обстоит дело и с глаголами со *словарным значением качества*...», т.е., таким образом, он сам подтверждает наличие таких разрядов глаголов в системе частей речи в дунганском языке. Из этого следует, что вышеприведенное утверждение Е.Д. По-

ливанова, не является чем-то абсурдным или нелепым, а известной истиной. Впрочем, обстоятельный анализ всех пунктов «обвинительного» заключения рецензентов, может составить предмет целой, отдельной статьи.

И в заключение, хотелось бы добавить, что «Граматику дунганского языка» Е.Д. Поливанова и Ю.Я. Яншансина нужно рассматривать, скорее всего, не как учебник – современные учебники, может быть, и совершеннее, в плане их соответствия дидактическим целям, – а, прежде всего, как исторический памятник. Ее непреходящее, мемориальное значение в том, что в нем отразился дух времени, когда «идеологизированный фон» [13] присутствовал во всем, и даже в учебниках по языку для детей.

Литература:

1. *Андронов А.В.* Старые и новые книжные уникамы национальной литературы (из трудностей поливановедения) // «Информация безлика – книга индивидуальна: Уникамы национальной книжности и их загадки». IV междунар. научно-практ. конф. Отдела национальной литературы РНБ. 27 ноября 2020 г. Тезисы докладов / Отв. ред. А.В. Андронов, Ш.С. Жабко, Т.В. Петрусенко. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2020. С. 5–7. (Электронная версия: http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA1717/NA33541.pdf).
2. *Андронов А.В., Исаева А.К.* Труды Е.Д. Поливанова в Рукописном фонде Института языка и литературы Национальной академии наук Киргизской Республики.
3. *Джумаза М.В.* Главнейшие особенности дунганского языка (Из рукописей Е.Д. Поливанова по дунганскому языку) // Диалог ученых на Великом Шёлковом пути. Сб. научных статей. Вып. VII. Бишкек: Илим, 2015. С. 45–58.
4. *Дунганский язык* // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 6. 1937. С. 118.
5. *Леонтьев А.А.* Неизданные работы Е.Д. Поливанова по общей фонетике и фонологии // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М.: Изд-во Московского университета, 1971. С. 188–232.
6. Новая орфография и пунктуация дунганского языка (проект) // Труды Института языка и литературы АН Кирг. ССР. Бишкек, 1956. Вып. VII. С. 135–154.
7. *Плоских С.В.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана: Историко-социолингвистическое наследие Е. Поливанова и К. Тыныстанова. Бишкек: Илим, 2001.
8. *Поливанов Е.Д.* Вводные замечания // Е.Д. Поливанов, А.И. Иванов. Грамматика современного китайского языка. М., 1930. С. 3–33.
9. *Поливанов Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент: Госиздат Уз.ССР, 1933. 182 с.
10. *Polivanov Je., Jan-Şjan-syn. Żwn-jan xuadi vьnfa. Tu ji vьn.* Frunze: Хьrgwјсwван, 1935. 66 т. [*Поливанов Е., Яншансин Ю.* Грамматика дунганского языка. Ч. I. Фрунзе: Киргосиздат, 1935. 66 с.].

11. Polivanov, Jansjansyn. Zwn-jan xuadi vnfä. Di əj sɟ. Jinvi 3–4xo klas. Frunze: Xьrgwјсwп, 1936. 76 m. [Поливанов Е., Яншансин Ю. Грамматика дунганского языка. Ч. II. Для 3–4 классов. Фрунзе: Киргосиздат, 1936. 76 с.].
12. Поливанов Е.Д. Дополнительные предложения профессора Е. Поливанова к проекту дунганской орфографии // Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937. С. 25–29.
13. Шаповалов В.И. Личность ученого и созидание молодой культуры // Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов. Матер. междунар. научной конф., посвященной 130-летию Е.Д. Поливанова. Бишкек, 2021. С. 4.
14. Яншансин Ю. Проект орфографии дунганского языка // Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937. С. 3–24.

Хавваза Ф. Н.

Языковые контакты как фактор эволюции языка (на примере дунганского языка)

Ключевые слова: язык, контакт, глобализация, билингвизм, заимствование, типология языков, социолингвистика.

Аннотация. В статье рассматриваются языковые контакты как результат глобализационных процессов. Большое внимание уделяется таким явлениям, как билингвизм, заимствование, определяются различные тематические группы заимствований и выявляются причины их проникновения в дунганский язык. Статья имеет важное значение для решения вопросов, так или иначе связанных с процессом заимствования, вызванных действием как внутрilingвистических, так и экстра-и этнолингвистических факторов.

Тилдик байланыштар тил эволюциясынын фактору катары (дунган тилинин мисалында)

Негизги сөздөр: тил, байланыш, глобалдашуу, билингвизм, өздөштүрүү (башка тилдерден алынган сөздөрдү колдонуу), тилдердин типологиясы, социолингвистика.

Аннотация. Макалада тилдик байланыштар глобалдашуу жараянынын жыйынтыгы катары каралат. Анда билингвизм, башка тилдерден өздөштүрүлгөн сөздөргө (алардын колдонулуусуна) окшогон кубулуштарга чоң көңүл бурулат. Бир эле мезгилде башка тилдерден өздөштүрүлгөн сөздөрдүн түрдүү тематикалык топтору аныкталып, алардын дунган тилине кирүүсүнүн себептери ачып берилет. Бул макала ичкилингвистикалык, экстра жана этнолингвистикалык факторлордун негизинде келип чыккан башка тилдерден алынган сөздөрдү өздөштүрүү процесси менен байланышкан маселелерди чечүүдө чоң мааниге ээ.

Language contacts as a factor in language evolution (on the example of the Dungan language)

Key words: language, contact, globalization, bilingualism, borrowing, typology of languages, sociolinguistics.

Annotation. The article deals with language contacts as a result of globalization processes. Much attention is paid to such phenomena as bilingualism, borrowing, various

thematic groups of borrowings are identified and the reasons for their penetration into the Dungan language are identified. The article is important for solving issues related to the process of borrowing, caused by the action of both intra-linguistic and extra- and ethnolinguistic factors.

Известно, что среди разных сфер духовной культуры особая роль принадлежит языку. Одним из важнейших внешних факторов исторического развития языка в современном языкознании признаются языковые контакты. Языковые контакты, как правило, «предполагают существование ряда иных – культурных, исторических и т.п. контактов, вплоть до этнических» [1: 285]. Результаты языковых контактов могут привести к разнообразным последствиям, в одних случаях они приводят к заимствованию, в других – к конвергентному развитию взаимодействующих языков, а также и к языковой ассимиляции. Сегодня, в эпоху информационных технологий лексика любого языка в силу своей мобильности быстро реагирует на малейшие изменения, происходящие в жизни людей, она преобразовывается, отражая новейшие достижения во всех сферах человеческой деятельности. Ф. де Соссюр писал: «Нельзя найти такого языка, который находился бы в состоянии покоя и неподвижности» [2: 47]. Научно-техническая революция, развитие средств массовой коммуникации, появление глобальной компьютерной системы Интернет, расширение межгосударственных и международных отношений, развитие культуры, информационных технологий – все это не могло не привести к вхождению в любой язык новых терминов.

В настоящее время границы общения стремительно расширяются, большинство жителей земного шара, двуязычные и многоязычные. Люди все больше осознают, что в эпоху глобализации без знаний двух и более языков не обойтись. Примером этому может быть и дунганский язык. Лексика дунганского языка в том виде, в каком она существует в настоящее время – результат длительного развития, и она, естественно, отражает историю носителей этого языка и все те изменения, которые произошли в жизни дунганского этноса за 145 лет существования вне пределов своего основного этнического массива. К ситуации, связанной с языковой жизнью современного дунганского этноса, как справедливо отмечает известный этнограф А.М. Решетов, совершенно точно подходит понятие «языкового острова», под которым им, вслед за А.И. Домашневым, «понимается маргинальная область распространения языка, отделенная от ареала своего ядра территориально-политической границей и находящаяся в пределах других политических границ в иноязычном окружении» [3: 67].

Вне всякого сомнения, огромное влияние на этноязыковые процессы в среде дунган оказали языки и культура титульных наций – кыргызов, казахов, узбеков. Дунгане, населяющие территории Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, в основном, двуязычные – одновременно владеют, наряду с

родным, и одним из государственных языков той страны, на территории которой они в настоящее время проживают. При этом все дунгане без исключения владеют еще и русским языком как языком межнационального общения. В дунганском языке распространены следующие типы двуязычия: дунганско-кыргызский – в Кыргызстане (в Иссык-Кульской, Чуйской и Ошской областях), дунганско-казахский – в Казахстане (г. Астана, Алматы, Тараз, селения Сортобе, Масанчи и др. в Кордайском районе), дунганско-узбекский – в Узбекистане (пригороды Ташкента, с. Дунган-махалля) [4: 97]. Во всех случаях, безусловно, преобладает один какой-нибудь тип двуязычия. Но встречаются иногда, в виде исключения, еще такие типы двуязычия, как кыргызско-дунганский, русско-дунганский, татаро-дунганский, связанные с длительным нахождением представителей данных этносов в местах компактного проживания дунганского населения. Следует также отметить, что в настоящее время знание нескольких языков, в том числе и иностранных, а не только языков тех народов, с которыми дунгане находятся в близком контакте, уже не такая редкость. Особенно этим отличается молодежь, стремящаяся овладеть, как правило, государственным языком, и одним из иностранных (чаще – английским или китайским), иногда даже в ущерб родному языку.

Хотя в трех соседствующих государствах языковая ситуация несколько различается, однако представители дунганского этноса живут рядом со многими народами, перенимая у них многие элементы материальной и духовной культуры, что находит отражение и в языке в виде заимствований. Необходимость совместного ведения хозяйственной и экономической жизни всегда вынуждало вновь прибывших поселенцев идти на межнациональные контакты, в том числе, языковые.

Полиэтническая среда всегда благоприятствует активизации этого процесса и потому считается одним из важнейших экстралингвистических факторов, влияющих на него. Эти особенности и обусловили проникновение в дунганский язык заимствований из арабского, иранского, тюркских и русского языков. И каждый из этих пластов заимствованной лексики связан с конкретными историческими условиями жизни носителей языка. Из всех лексических напластований в дунганском языке наиболее ранними, точнее сказать первичными, являются слова арабо-персидского происхождения. И эти заимствования составляют один из важнейших компонентов лексического фонда дунганского языка. Обращаясь к исследованию арабизмов и иранизмов в дунганском языке, следует иметь в виду, что процессы заимствования протекали в условиях чрезвычайно длительных и весьма интенсивных контактов. Усвоению дунганским языком лексических единиц из арабского и иранского языков косвенно помогало и то, что и в других языках, имевших широкие контакты с дунганским, также имелось большое количество арабизмов и иранизмов. Как свидетельствуют факты, лингвистические единицы

попадают в язык-реципиент из языка происхождения не только непосредственно, но и опосредованно через другие языки. Обычно в дунганском языке эти слова употребляются так же, как и в тех языках, через которые они заимствовались, независимо от того, какое значение они имели в языке-источнике. Вместе с тем, заимствованные слова, вошедшие в дунганский язык через посредничество, обладают теми же формальными чертами, что и непосредственные заимствования. Большое число арабских слов проникло через иранский язык, в котором присутствует немалое их количество.

Нами выделены следующие тематические группы арабизмов и иранизмов в дунганском языке:

1) религиозные термины, а также слова, обозначающие обряды, суеверия; 2) слова, обозначающие отвлеченные, абстрактные понятия; 3) слова приветствия; 4) названия продуктов питания; 5) названия сооружений, вещей, орудий труда; 6) названия дней недели и др.

Говоря о заимствованиях в дунганском языке, мы предлагаем считать освоенными те слова, которые, став единицами языка в качестве наименований какого-либо явления действительности, регулярно употребляются в речи, семантически переосмысляются, фонетически уподобляются дунганским словам, принимая участие в словообразовательном процессе, определяя его функциональную активность и являясь одним из признаков его освоенности.

На новой территории, пребывая в иноязычном окружении, дунгане становятся многоязычными и, естественно, происходит процесс изменений в лексическом составе их языка. Можно предположить, что в этот период двуязычие дунганского населения было основано на знании родного языка и языка тюркских народов, так как контакты с кыргызами, казахами и узбеками в эти годы были очень тесными. На новом месте они обретают возможность обогатить свой словарный запас путем заимствования слов из тюркских и русского языков.

Тюркизмы составляют еще один значительный пласт заимствованной лексики в дунганском языке, что обусловлено, прежде всего, регулярными контактами на бытовом и межличностном уровне, хозяйственными и культурными связями. Типичными становятся смешанные браки, интернациональный состав семей которых только благоприятствует взаимному проникновению элементов из одного языка в другой. Представители старшего поколения, почти все, без исключения, владели одним из тюркских языков, чаще языком соседствующего им народа или этноса. Двуязычию способствовал и тот факт, что среди переселившихся дунган на тот момент было больше мужчин, и они были вынуждены вступать в браки с женщинами иных национальностей. Последние вносили в быт дунганской семьи элементы своей культуры и становились дополнительным фактором овладения членами своей семьи вторым языком.

В словарном составе дунганского языка, по нашим подсчетам, имеются более 300 лексем из кыргызского языка, охватывающих разнообразную тематику. (Выборка делалась из «Киргизско-русского словаря» К.К. Юдахина [5: 576]). Если арабские заимствования дунганского языка в основном представляли личные имена и термины исламского богослужения, то тюркские заимствования, в дунганском языке делятся на: 1) названия продуктов питания, блюд, напитков; 2) названия предметов домашнего обихода, видов одежды; 3) термины родства; 4) ботанические, земледельческие термины; 5) слова, связанные с празднованиями; 6) слова благодарности, согласия и т.д.

Одним из самых значительных событий, повлиявших на весь ход этноязыковых процессов в новых исторических условиях и оказавших громадное влияние на развитие лексики дунганского языка, безусловно, является распространение русского языка как языка межнационального общения. Именно в советское время стали широко проникать в дунганский язык заимствования из русского языка, а через русский язык и интернациональная лексика. Первоначально заимствования эти наблюдаются в речи молодежи и, преимущественно, городских и образованных людей, но постепенно приобретают тотальный характер. Новая письменность на основе русской графики дала толчок развитию, а в последующем, и расцвету дунганской письменной литературы. Выходит в свет газета на родном языке, организуются передачи на радио и телевидении, налаживается школьное образование, выпускаются учебники и нормативные словари. Усиливающиеся этнокультурные контакты между всеми участниками культурного строительства приводят к дальнейшему развитию словарного фонда языка. В нем находят отражение явления и реалии нового времени. Появление новых понятий обусловило и приток новых слов в русский язык, а через него и в дунганский. Большая часть этих заимствований прочно закрепилась в лексической системе дунганского языка. Они находят широкое употребление как в разговорно-бытовой речи, так и в литературном дунганском языке, существенно обогатив тем самым, лексический фонд языка. Самый «актуальный» прием, чье употребление напрямую связано с общественно-политическими переменами в стране. Они пополнили самые различные тематические группы лексики – от названия государств (Российская Федерация, СНГ), правительственных учреждений (Дума, департамент, мэрия), должностных лиц (спикер, президент, менеджер, префект), названия раньше малоизвестных предметов (плеер, пейджер, компьютер, ноутбук и др.), должностей (брокер, менеджер, дистрибьютор, риэлтер), учебных заведений (лицей, гимназия) до реалий, ставших приметами экономической перестройки (ваучер, приватизация, акции, дивиденды) и т.д.

Из-за отсутствия достаточного количества исконных слов, необходимых для фиксации быстроменяющейся жизни, привлекается большое количество заимствований из других языков.

Одним из важных факторов последнего времени является возрождение и оживление контактов представителей дунганских диаспор со своими соотечественниками из-за рубежа, следствием которого является и взаимодействие на языковом уровне. Речь идет о заимствованных неологизмах из родственного китайского языка, которые только начинают движение по пути к словарному составу и выступают продуктивным средством пополнения лексики дунганского языка и отвечают потребностям общества в наименовании новых вещей и понятий. Они пока малоизвестны и характеризуются небольшой частотностью употребления, но понимаются носителями дунганского языка вполне адекватно, хотя и воспринимаются как нечто новое. К этим неологизмам в дунганском языке относятся такие слова и словосочетания из современной китайской речи, как: «зунтун» – «президент», «дашы» – «посол», «дашыгуан» – «посольство», «жэшу» – «профессор», «бэшы» – «доктор наук», «фубэшы» – «кандидат наук», «вуцяндян» – «радио», «гуонба дянтэ» – «радиостанция», «гуонго» – «реклама», «бянжэ» – «редактор», «тунцинжэ» – «корреспондент», «вийуанхуэй» – «редколлегия», «жэуци» – «председатель», «шахуэй» – «общество», «цехуэй» – «ассоциация», «чиежэ» – «предприниматель», «фынци» – «анализировать», «шыжэ» – «практика» и др. Следует отметить, что до недавнего времени вместо вышеперечисленных новых слов из китайского языка дунгане использовали русские слова.

Известно, что проникновение иноязычных слов происходит в процессе всего развития языка, и в разные периоды их интенсивность, количество и сфера употребления может меняться. Некоторые заимствованные слова вследствие действия лингвистических причин, постепенно переходят в разряд архаизмов, другие же – в активный лексический фонд. К примеру, такие слова, как «пифа» – «оптом», «дянно» – «компьютер», «дянуа» – «телефон», «да дянуа» – «звонить по телефону», «шужи» – «мобильный телефон», «люци» – «туризм» и многие другие органично вошли в активный словарь дунганского населения. Их знают носители языка, частотность их употребления довольно высока, но, тем не менее, они уже не воспринимаются как нечто новое.

Процесс пополнения дунганского языка китайскими неологизмами на территории Кыргызстана и Казахстана проходит достаточно интенсивно. Причиной тому – органичность для языка-реципиента этих заимствований, которые не претерпевают никаких изменений в фонетическом облике или семантическом, потому что их источником является язык, близкий в типологическом и родственном в генетическом отношении. И эти новые лексические единицы, безусловно, сыграют огромную роль в развитии и совершенствовании дунганского языка.

Литература:

1. Общее языкознание. М.: Наука, 1970.

2. *Ф. де Соссюр*. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2000.
3. *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Язык и этнос. Л.: Наука, 1983.
4. *Орузбаева Б.О.* Важнейшие проблемы киргизского языкознания. Бишкек: Илим, 1995.
5. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. Ин-т Востоковедения АН СССР. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 576 с.

ХРОНИКА

К юбилею научного сотрудника Скрипкиной Светланы Михайловны

В прошедшем месяце, 13 апреля, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР Скрипкина Светлана Михайловна отметила свое 70-летие, из которых 43 года она работала в стенах нашего института.

Коротко об основных вехах ее биографии. Уроженка Северо-Осетинской автономной республики она в 6-летнем возрасте (вместе с семьей) приезжает в Кыргызстан, который и стал ее родиной. В 1970–1975 годы училась на историческом факультете Кыргызского государственного университета (ныне КНУ им. Ж.Баласагына).

Успешно окончив университет, осталась работать на историческом факультете (кафедра методики преподавания истории). С мая 1980 года перешла на работу в Институт истории АН Киргизской ССР (ныне Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР) в сектор Истории коммунистического строительства на должность старшего лаборанта (зав. сектором д.и.н. И.А. Соктоев). Он же стал и ее научным руководителем по теме «Коммунистическое воспитание рабочей молодежи Киргизии». Сдала все кандидатские минимумы, завершила диссертацию и опубликовала по теме необходимое количество статей. Но грянувший 1990 год сразу сделал тему недиссертательной.

С провозглашением суверенитета Кыргызстана Академия наук претерпела ряд структурных реорганизаций, в том числе и Институт истории –

изменилась его структура, наполовину уменьшился штатный состав, сотрудники уходили работать в вузы, или бизнес. С.М.Скрипкина становится ведущим специалистом в отделе кадров и аспирантуры института, одновременно в течение 15 лет выполняла обязанности технического секретаря в Диссертационном совете по истории и этнографии. За этот период 117 соискателей защитили свои диссертации, которым она квалифицированно помогала в подготовке документов, некоторым редактировала авторефераты и диссертации.

С 1999 по 2005 г. была ученым секретарем Института истории. За значительный вклад в развитие науки и многолетний труд в системе НАН КР 25 ноября 2004 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник науки Национальной академии наук Кыргызской Республики».

С марта 2005 г. работала в должности научного сотрудника в отделе истории Кыргызстана с древнейших времен. Занималась проблемами источниковедения и историографии по средневековой истории кыргызов и Кыргызстана. Работала в академической библиотеке и с материалами рукописного фонда НАН КР, освещающих период с 1860 по 1900 годы; исследовала по архивным документам и весь комплекс вопросов, относящихся к восстанию 1916 г.⁷

В июне 2010 г. в Институте были утверждены пять творческих исследовательских групп по проектам, в их числе – проект по исследованию культурного наследия⁸. С.М.Скрипкина в составе этой группы проводит работу по документированию памятников культурного наследия, созданию электронной базы по проблемам материального и нематериального наследия Кыргызстана, по сбору материалов о работе института за различные периоды деятельности для издания юбилейных статей и книг. С.М.Скрипкина участвует в научных проектах и грантах по проблемам ис-

⁷ Скрипкина С.М. Восстание 1916 года в демографическом аспекте // Вопросы истории Кыргызстана. Бишкек, 2006. №1 (в соавторстве); *ее же*. Изучение восстания 1916 года в Кыргызстане по материалам рукописного фонда Национальной академии наук Кыргызской Республики // Там же, №3. С. 71–78; *ее же*. Восстание 1916 года – последствие провальной идеологической работы Российской империи (статья опубликована 19.02.2018 г. на страницах Информационного агентства “АКИпресс” в портале «История Кыргызстана и кыргызов» [Электронный ресурс] – Режим доступа: history@akipress.org; aki.history@gmail.com – Загл. с экрана);

⁸ Приказ № 4-К(а) по Институту истории и культурного наследия от 10.06.2010 г., на основании Постановления №1 Бюро ООН НАН КР от 18.01.2010 г.

следования культурного наследия (координатор Б.Э.Аманбаева): «Каталогизация памятников восточного христианства» с последующим созданием интернет-сайта (проект МИЦАИ, 2017 г.); «Археологическое наследие Кыргызстана в музеях и научных учреждениях Санкт-Петербурга и Москвы» с созданием интернет-сайта и каталога (проект МИЦАИ, 2018 г.); «Оцифровка архивных материалов в фондах ИИиКН, архивах Министерства культуры и др.» (проект МИЦАИ, 2018–2022 гг.).

С 2011 г. наш институт совместно с Национальными исследовательскими институтами культурных ценностей (НИИКЦ, Токио и НИИКЦН, Нара) организовывали серию тренингов-семинаров по проблеме «Сохранение культурного наследия в Центральной Азии». С.М.Скрипкина активно участвовала в организации дважды в год (в феврале и сентябре 2011–2014) семинаров-тренингов по исследованию и сохранению объектов культурного наследия Кыргызстана. Также участвовала в подготовке разовых, не серийных обучающих семинаров по документированию археологических объектов в рамках проектов ЮНЕСКО (сент. 2012, окт. 2015–2017 гг.).

С.М.Скрипкина параллельно с работой по международным проектам, занимается исследованием культурного наследия национальных общин страны. По программе «Участия ЮНЕСКО 2010–2011 гг.» она в качестве координатора выполняла проект: «Традиции и инновации в культуре курдов Кыргызстана» (С.М.Скрипкина). Проект стал первым опытом по возрождению общего культурного пространства среди национальных общин страны. В рамках данного проекта были проведены этнофестиваль в Таласской области «Многонациональная земля Манаса» и «круглый стол» в Государственном историческом музее (Бишкек). Участники, а также представители официальных структур признали необходимость проведения таких мероприятий, ибо они отражают состояние материальной и духовной культуры национальных общин, популяризируют различные сегменты их наследия среди полиэтничного населения нашей страны⁹. И в последующие годы работа в этом направлении продолжалась. В 2016 г. она участвовала в качестве бухгалтера и финансово-административного ассистента в проектах ГАМ-СУМО (Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений при правительстве КР): «VIII Курултай Ассам-

⁹ По итогам проекта издана книга «Традиции и инновации в культуре курдов Кыргызстана»: Материалы «Круглого стола» в рамках проекта ЮНЕСКО / ред. С.М. Скрипкина. – Бишкек, 2011. – 16,25 п.л.

блеи народа Кыргызстана» и «Курды в Ассамблее народа Кыргызстана: Укрепление толерантности»¹⁰.

С.М.Скрипкина участвует в подготовке буклетов и проспектов института к юбилейным датам, регулярно редактирует статьи и книги своих коллег¹¹, является одним из редакторов нового журнала Института «История, археология и этнология», в свет выходит уже 3-й его номер.

С.М.Скрипкина принимает участие также и в международных научных конференциях¹², выступала на юбилейной научно-практической конференции «Роль архивов в развитии науки и культуры» с докладом «Восстание 1916 года в Кыргызстане: материалы рукописного фонда Национальной академии наук Кыргызской Республики» (20.05.2016, Бишкек,

¹⁰ Скрипкина С.М. Курды Кыргызстана: структурная характеристика курдской общины: анализ, состояние и перспективы /ДСП/. – Бишкек, 2013. – 5,0 п.л.; Курды в Ассамблее народа Кыргызстана: укрепление толерантности / Ред. С.М. Скрипкина. – Бишкек, 2016.

¹¹ Мазары Ферганской долины как факторы толерантности и взаимопонимания: сб. науч. статей. – Бишкек: Гулчынар, 2007 (Б.Аманбаева, Ч.Жолдошов и др. / Ред. С.Скрипкина. 11,0 п.л. Здесь же и ее статья. Скрипкина С.М. Источники о священной горе Сулайман-Тоо. С. 66–80); Наскальное искусство Кыргызстана (историографический и аналитический обзор). – Бишкек, 2009 / Ред. С.Скрипкина (Б.Аманбаева, Ч.Жолдошов и др. 5,0 п.л.); Археологические памятники и денежное обращение на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. Б.Аманбаева, В.Кольченко и др. / ред. С.Скрипкина – Бишкек: Илим, 2015. / 7,25 п.л. с иллюстрациями и др.

¹² Скрипкина С.М. Музеи под открытым небом в образовательном пространстве Кыргызстана // Матер. междунар. науч.-практич. конференции «Качественность и продуктивность в обучении и воспитании». Алматы, 2010. Вып. VIII. С. 88–91; *ее же*. Этнографические исследования в Кыргызстане в XXI веке (на материалах диссертационных советов по историческим наукам) // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв.: Матер. междунар. конф., Бишкек–Каракол, 10–12.04.2014. Бишкек, 2014. С. 150–154; *ее же*. Горькие страницы Великой Отечественной войны, о которых было непринято говорить // Великой победе 70 лет: Материалы научно-практической конференции «Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: проблемы и решения». Бишкек, 2016. С.193–206; *ее же*. Процесс эмансипации женщин в Кыргызстане // Женщины Кыргызстана: Реалии и перспективы: Матер. 2-й междунар. конф., посвященной Году истории и культуры, 20-летию Атаюрк-Алатоо, 23-летию Конгресса женщин КР. Бишкек, 2016. С. 149–154; *ее же*. Восстание 1916 года – последствие провальной идеологической работы Российской империи // Национально-освободительное восстание 1916 года в Кыргызстане и Центральной Азии: Матер. междунар. конф. Бишкек, 2017. С. 143–156; *ее же*. Укрепление толерантности: опыт проведения этнофестивалей // Матер. конф., посвящен. 100-летию Т.Усубалиева. Бишкек, 2020. С. 372–377 и др.

НАН КР); на VI молодежном научном форуме «Укрепление единства народа Кыргызстана» с докладом на пленарном заседании «Молодежь – настоящее и будущее страны» (05.2016, Бишкек); на VIII международном Алтайском симпозиуме с докладом «Традиции кочевого общества в исторической ретроспективе» (19–23.08.2019, Иссык-Куль).

С.М.Скрипкина является соавтором 3-томного коллективного труда «Истории Кыргызстана» (Бишкек, 2017, на кырг.яз.), а именно, автором четырех глав третьего тома, подраздела к историографии «Обзор источников по истории Кыргызстана XX – начала XXI вв.; примечаний и библиографий ко всем трем томам»¹³. Она – автор более 40 опубликованных научных статей в журналах «Вопросы истории Кыргызстана», «Вестник МИЦАИ (Самарканд)»¹⁴, «История, археология и этнология», соавтор нескольких совместных работ¹⁵.

Творческий путь Светланы Михайловны продолжается и сегодня. На повестке ее дня – подготовка к изданию коллективного труда «История и память: Институт истории Национальной академии наук Кыргызской Республики (1954–2019)».

Л.Д. Жеенкулова

¹³ Главы: «Народное образование Кыргызстана советского периода истории. 1917–1990 гг.», «Наука Кыргызстана советского периода истории. 1917–1990 гг.» (с. 390–430); «Народное образование суверенного Кыргызстана. 1991–2015 гг.» (в соавторстве с д.и.н. Т.Абдрахмановым), «Наука суверенного Кыргызстана. 1991–2015 гг.» (с. 614–648); подраздел к историографии «Обзор источников по истории Кыргызстана XX – начала XXI вв.» (с. 9–12); примечания и библиографии ко всем трем томам: т.1: с. 502–627; т.2: с. 491–551; т.3: с. 665–789).

¹⁴ Скрипкина С.М. Российские ученые и путешественники о Сулайман-Тоо, как культовом центре Ферганской долины // Вестник МИЦАИ. – Самарканд, 2009. – Вып. 9. – С. 54–58. (на рус. и англ. яз); *ее же*. Национальной академии наук Кыргызской Республики – 60 лет // Вестник МИЦАИ. – Вып. 20. – 2014. С.72–85. 4 фото /обзор. статья/ (на рус. и англ. яз.).

¹⁵ Архивные материалы Национальной академии наук Кыргызской Республики // Археология Центральной Азии: Архивные материалы. – МИЦАИ. Т.2. Сб. – Самарканд, 2015. (В.Кольченко, С.Скрипкина); Сектор истории в структуре Института языка, литературы и истории в 1943–1954 гг. // Киргизский филиал Академии наук СССР: к 75-летию организации КирФАН СССР. – Бишкек: Илим, 2018: Юбилейный проспект с илл. (А.Асанканов, С.Скрипкина); Археологическое наследие Кыргызстана в музеях и научных учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга: Каталог / Б.Аманбаева, Д.Лужанский, С.Скрипкина. – Бишкек, 2021 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунки к статье Л. М. Ведутовой

Таблица 1

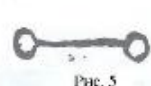

Таблица I Рис. 1. Схематический план городища Бурана. VII-XII вв.

Рис.2, 3. Фигуры дервишей с посохами. Эпоха бронзы. Арпаузен, Южный Казакстан (по Медоеву,1979: рис.15,42). Рис. 4,5. Колесная ось колесницы. Эпоха бронзы. Саймалы-Таш, Кыргызстан (по Ташбаевой, 2001: рис.57,58). Рис. 6,7. Сцены соревнования колесниц. Упряжки на старте. Эпоха бронзы. Саймалы-Таш, Кыргызстан (по Шеру, 1980: рис. 108). Рис. 8,10. Сцены единоборства и кулачного боя. Эпоха бронзы. Саймалы-Таш, Кыргызстан. (по Ташбаевой, 2001: рис.47). Рис. 9. Сцена единоборства. Эпоха бронзы. Ешкиолмес. Казакстан (по Рогожискому, 2004; рис. 8). Рис.11. Солнце в зодиакальном созвездии Тельца (Быка) в день равноденствия. Эпоха бронзы. Тамгалы. Казакстан (по Медоеву,1979: рис.35). Рис. 12. Каменный трон с ведущими к нему каменными ступенями. Энеолит – ранняя бронза. Иссык-Куль Орнок. Кыргызстан (фото автора).

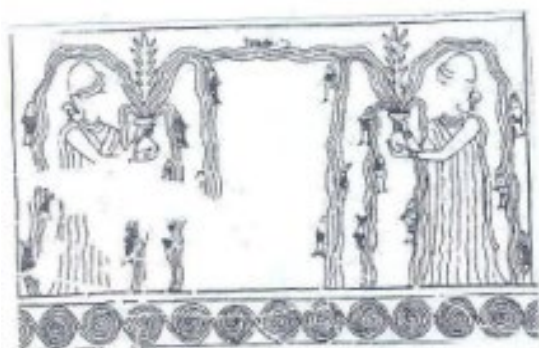

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Таблица II Рис. 1. Образ женщин, изливающих потоки рек. Настенное панно в царском дворце. Верхняя Месопотамия. III–II тыс. до н.э. (по Brentjes, 1993: S. 175). Рис.2. Цилиндрическая печать с изображением ритуального закалывания быка. Здесь символы весеннего (созвездие Быка) и осеннего равноденствия – скорпиона (созвездие Скорпиона). III тыс. до н.э. Шумеро-Аккадское царство (по Brentjes, S. 87). Рис. 3. Сюжет поклонения жрецов Быку и Скорпиону. III тыс. до н.э. Шумеро-Аккадское царство (по Brentjes, 1963: S.105). Рис. 4, 5. Изображение юрты на глиняной табличке. IV тыс. до н.э. Южная Месопотамия. Вавилон (по Сулейменову, 1998: с. 233).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Анарбаева Гульназ Араповна**, кандидат исторических наук, доцент Ошского государственного университета
2. **Ведутова Любовь Михайловна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
3. **Джон Али Алиевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
4. **Джумаза Мар Вундизович**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
5. **Досбол Нур уулу**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
6. **Жапаров Амантур Забирдинович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
7. **Жеенкулова Лира Джумабековна**, ученый секретарь Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
8. **Заидов Азирет Манасович**, студент Ошского государственного университета
9. **Маджун Джамиля Сулеймановна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
10. **Ормоналиев Канатбек Орозович**, соискатель Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
11. **Скрипкина Светлана Михайловна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
12. **Старусева Тамара Игоревна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
13. **Сулайманова Айдай Турдукуловна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
14. **Хавазы Фатима Нуровна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
15. **Чыныкеева Гулназ Эргешалиевна**, кандидат исторических наук, доцент Ошского государственного университета
16. **Эргешова Бактыгүл Кебекбаевна**, КР УИАнын Б. Жамгерчинов атындагы тарых, археология жана этнология институтунун илимий кызматкери

Правила оформления статей

Автору необходимо указать место работы, ученую степень и должность (на кыргызском, русском и английском языках), номер телефона и адрес электронной почты.

К направляемой в редакцию статье прилагаются **списки ключевых слов** (от 5 до 15) и **аннотации** на кыргызском, русском и английском языках (до 200 слов, включая служебные). Название статьи (на кыргызском, русском и английском языках) должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором.

Статья должна подаваться в виде файла в формате WinWord. Распечатка компьютерного набора приветствуется.

Размер кегля 14 для Times New Roman с полуторным межстрочным интервалом. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- делать принудительные переносы;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сноска на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.).

Библиографические ссылки:

– в тексте (при прямом цитировании или недословном воспроизведении какого-либо текста и указании дат) ссылки приводятся в квадратных скобках с порядкового номера автора из списка литературы и после двоеточия номера страницы: [9: 136];

– в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1962. 288 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Исторические этапы кыргызской государственности / Дж. Джунушалиев, А. Какеев, В.Плоских. Бишкек: Архи, 2003. 280 с.

раздел в монографии

Абрахманов Т., Скрипкина С. Народное образование суверенного Кыргызстана. 1991–2015 гг. // Кыргызстандын тарыхы (3 томдук). Бишкек: Архи, 2017. III т. С. 614–632.

статья в сборнике

Айдаркулов К. Ранние рукописи эпоса “Семетей” // Сб. Советский Киргизстан: страницы истории и современность. Фрунзе: Илим, 1984. С. 203–210.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Яншансин Ю. Китайские элементы в киргизской лексике // Тр. Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР. 1949. Вып. 3. С. 66–73.

статья в журнале

Мокеев А.М. Этапы этнической истории и социальной организации киргизского народа на Тянь-Шане в XVI – сер. XVIII вв. // Изв. АН РК. 1991. № 4. С. 43–44.

автореферат

Омурбеков Ч.К. Развитие материальной культуры киргизского сельского населения. 1920–1980 гг. (этнографическое исследование): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 1990. 22 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3. С. 30–31. Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. 222 с.

Для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Л. 8, 11.

Информация из Интернета

Шварц В. Летопись: Туркестан 1916 год // Режим доступа: [www.http: daniyarov.kg](http://www.daniyarov.kg)
– Загл. с экрана.

При наличии примечаний – кратких пояснений к основному тексту и дополнений к нему делаются постраничные ссылки.

Таблицы должны быть представлены в формате WinWord шириной не более 270 мм, без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Диаграммы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть озаглавлены, даны в черно-белом варианте.

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Илимий журнал
Научный журнал

Технический редактор и корректор:
С.М. Скрипкина

Формат издания 60x84/16
Печать на офисной бумаге
Объем 16,6 п.л.
Тираж 200 экз.
Издательство «Фаст-принт»
г. Бишкек, ул. А.Усенбаева, 190